

ТАЙНЫЕ
ЗНАНИЯ

Всеволод Шмаков

ПРОВОДНИК

по невыдуманному Зазеркалью

МАСТЕР ОЭМНИ

Приближение к подлинной реальности

Серия «Тайные знания»

Приближение к подлинной реальности

Всеволод Шмаков
Проводник
по невыдуманному
Зазеркалью
Мастер ОЭМНИ

Москва
Хранитель
АСТ • Астрель

УДК 1/14
ББК 86.4
Ш71

**Оформление обложки –
дизайн-студия «Дикобраз»**

Шмаков, В.

Ш71 Проводник по невыдуманному Зазеркалью. Мастер ОЭМНИ:
Приближение к подлинной реальности / Всеволод Шмаков. – М.: АСТ·
Астрель, Хранитель 2007. – 254, [2] с.: ил. – (Тайные знания).

ISBN 978-5-17-041834-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-15886-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-9762-3632-5 (ООО «Хранитель»)

В этой книге автор знакомит нас с законами существования мироздания – настоящего, реального мироздания, где мир материальный неразрывно связан с миром духовным, который, увы не желает вписываться в рамки традиционной науки

Для того, кто только интересуется законами духовного мира и сам пока не знает, примкнуть ли ему к лагерю материалистов, оспаривающих саму возможность «тайного знания», или принять тайное знание как нечто достойное уважения, эта книга послужит прекрасным «кратким вводным курсом». А тот, кто сам пытается овладеть зрением духа, без труда найдет в этой книге отправные точки для своих занятий и материал для правильного внутреннего настроя

**УДК 1/14
ББК 86.4**

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2

953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д. 003857.05.06 от 05.05 2006 г.

Подписано в печать 03.05.2007.

Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 5 000 экз.

Заказ № 6821.

ISBN 978-5-17-041834-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-15886-5 (ООО «Издательство Астрель») © В Шмаков, 2006

ISBN 978-5-9762-3632-5 (ООО «Хранитель»)

© ООО «Издательство Астрель»

ОТ РЕДАКЦИИ

Практически весь XX век человечество, воодушевленное успехами научно-технической революции, верило в победу Науки над Природой и скорое завоевание Вселенной. Победы так и не получилось, и даже хуже того: Природа и Вселенная оказались весьма строптивыми дамами и не только отказались подчиняться Науке, но весьма недвусмысленно продемонстрировали свою способность строго наказывать зарвавшегося человека с его «мирным» атомом, хай-теком и прочими атрибутами механического прогресса. Ученые все чаще разводят руками, признавая свою несостоятельность и неспособность объяснить тот род явлений, которые люди традиционно называют «чудесами».

И в этой затянувшейся паузе все яснее слышны голоса тех, для кого чудеса стали (и были) всего лишь проявлением законов существования мироздания – настоящего, реального мироздания, где мир материальный неразрывно связан с миром духовным, который, увы не желает вписываться в рамки традиционной науки.

Вот почему автор этой книги считает ее не просто попыткой жизнеописания своего старшего друга, Михаила Петровича Черноярцева, а скорее, по его собственным словам, «криком в сторону истины». Равнодушие и невнимательность к окружающему стали слишком уютной и привычной ловушкой, из которой так не хочется выбираться – подчас обдирая мясо с костей о тесные рамки общепринятых взглядов. Тех взглядов, для которых конфетная обертка – всего лишь мусор, а не частичка Вселенной со своим устройством и историей.

Автор обращается ко всем, в ком еще не угас внутренний зов, глубинное стремление обрести истинное зрение и увидеть картину, скрытую за гранью наших привычных шести чувств, то Зазеркалье Зазеркалья, где ищущему приоткрывается О́ЭМНИ – проявление Божественного, которое сверкающей нитью связывает все слои реальности – и условной, и подлинной, открытой пока только для посвященных.

Кстати, само слово **ОЭМНИ** (именно так, с ударением на первом слоге) – вовсе не эффектная выдумка автора, оно было дано человеку задолго до откровений, впоследствии собранных в Тибетской «Книге мертвых». Человек, вступивший на этот ПУТЬ, приобщается к важнейшим знаниям, вполне способным изменить сам ход цивилизации. При этом автор далек от попытки чему-то учить и к чему-то призывать. Он просто делится своим опытом, но делает это так легко и прозрачно, что только люди, неспособные пролагать новые пути мысли, могут не прочесть послания, скрытого в этих фрагментах. Читателя не спихивают в кроличью нору, и он не летит навстречу чудесам сломя голову, подобно девочке Алисе обмирая от любопытства. Безыскусное на первый взгляд, повествование выверено настолько точно, что мы сами не замечаем, как вместе с автором начинаем учиться взаимодействию с силами мира.

Для того, кто только интересуется законами духовного мира и сам пока не знает, примкнуть ли ему к лагерю материалистов, оспаривающих саму возможность «тайного знания», или принять тайное знание как нечто достойное уважения, эта книга послужит прекрасным «кратким вводным курсом». А тот, кто сам пытается овладеть зрением духа, без труда найдет в этой книге отправные точки для своих занятий и материал для правильного внутреннего настроя.

Мы сочли возможным включить в книгу несколько фрагментов из книги «Пригоршня шепчущих сказок», чтобы полнее представить автора не только как последователя учения **ОЭМНИ**, но и как поэта, мастера гиперкоанов.

Коан – это короткая история, либо содержащая в себе некоторый вопрос, либо описывающая ПРОСВЕТЛЕНИЕ. При чем ответить на вопрос или понять коан путем простого логического рассуждения нельзя. Ученик не размышляет над ответом учителя: он находит его в себе, в окружающем, в космосе – где угодно – тем самым пытаюсь оказаться на ПУТИ.

И пусть проводниками вам на этом пути послужат «Шепчущие сказки». Ведь для автора этих сказок одиночество усталого странника давно преобразилось в торжество пробуждения, постижения **ОЭМНИ**.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	8
Пролог	11
Встреча	13
Лена	27
Потап (Лин)	33
ГОРОД	40
Петушок	51
Ади	66
ПУТЬ	75
Община	84
Зеркальные Мистерии	94
О том..., о сём..., а в частности – об общении	101
Море	110
Старый Лес. Сказка (глава в главе)	121
Из осенних записок ежа... ..	124
О нем... ..	139
Парк	141
Далыч	145
О том, о сём, а в частности... ..	157

Эпилог	167
Приложение 1	169
Многоголосье	173
Детство Орфея (часть первая)	174
Осколки небес (часть вторая)	183
Антология снов (часть третья)	194
Рассветный караван (часть четвертая) ..	210
Приложение 2	228
Пригоршня шепчущих сказок	228
Радость	228
Медная пуговица	229
Я и Я	229
Холм	230
Капелька росы	230
Свеча	231
Существовали-пребывали... ..	232
Солнечный зайчик и ночной прохожий ..	233
Девочка и радуга	234
К вопросу о... ..	234
О песочных часах и героизме	235
Девочка, которая мечтала выйти замуж ..	235
Вдвоём	236

К вопросу «о Вселенной...»	.237
Дождь и рябиновое дерево	.238
Попрошение...	.239
Обещание	.240
(без названия)	.240
Солдаты	.241
Енот и лес	.241
Поезда...	.243
Что я увидел, когда, выпив чаю и скушав булку с куском сыра – выглянул на улицу	.246
Уголёк	.247
К вопросу «о конце света»	.248
Повесть о белой вороне	.248
Собака и кастрюля	.249
Пузырёк пены	.249
Банальность	.250
Поющий	.250
Зонтик	.251
Беседа	.251
Ёж, дом и утро	.254

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга об изумительном и прекрасном человеке, Мастере ОЭМНИ, – Михаиле Петровиче Черноярцеве. Из тех, чьи жизни пересекались с его, двадцатилетней жизнью, – многие воспринимали Черноярцева искажённо, стереотипно-зигзагово: для кого-то он был колдуном или Антихристом, для кого-то – волшебником или Мессией... нежитью... стихийным духом... наваждением... Да только... – не так всё это! не так! Он – другой; он – Обладатель Несказанно-Яркого Сердца, Букетик Солнечных Лучей, сверкающий на ПУТИ... добрый и тёплый человек.

О Михаиле Петровиче – исподволь, втуне – в разное время ходило множество легенд и слухов, обретавших иной раз обличье причудливое... далёкое от ясности-явности, далёкое от понимания. ...О нём пробовали писать (мне известно о двух таких попытках: в середине 30-х и в начале 50-х годов). Никто не довёл этого до конца, и рукописей тех судьба туманна ныне и неотзывна... Верно, не пришло ещё тогда время.

Я знаком с Черноярцевым семнадцать с половиной лет, и когда – теперь – возникло желание рассказать о нём, – эти семнадцать лет встали передо мной стеной-барьером... Как написать? Каждый фрагмент общения, каждая встреча – потенциальная книга. Потратить же целую жизнь на создание трёхсот-четырёхсоттомной эпопеи не было ни желания, ни сиюминутного хотенья. Да и зачем?.. Старому Мастеру биографы не нужны, но – совершенно другое... совсем-совсем другое.

И тогда я решил (просто представив вас друг другу...) вместо трёхсот-четырёхсот – написать три-четыре небольших книжки; три-четыре полудневниково-мемуарных книжки, пробежав в них – легонько, в одно касание – м н о г о е, очень многое... Наверное, кому-то покажется написанное хаотичным, сумбурным (да так оно, верно, и есть), кому-то – туманным (но: я старался писать как можно проще, безыскуснее)... Впрочем: что вышло – то вышло.

...Что вы различите в этом повествовании: странника...? мираж...? друга...? Не знаю... Но –
Доброго Пути!

Всеволод Шмаков

(Миша всегда обожал петь. Песенки эти (их писал для него – давным-давно – один человек...) просты и незатейливы, мотив их лёгок и монотонен. Мне они нравятся, всегда нравились, – и одну из них я поставил в самое начало, как эпиграф):

птица села на забор
птица с дыркой в груди
птица села на забор
не сказала ничего

да и что тут говорить
если птица на заборе
и увидеть может всякий
птицу с дыркой в груди

мы стоим перед забором
не умея удивиться
и рассматривая птицу
через дырку на груди:

есть там мы
и нас там нет
есть там вы
и вас там нет
есть леса
и океаны
есть страданье
и любовь...

...но не можем разглядеть:
чья же очередь сидеть
днём и ночью на заборе
с круглой дыркой в груди

Пролог

(пересказ
со слов очевидца...)

Ну надо же...

Широко разинувши рты, бомжи смотрели на резко сгустившееся и потемневшее пламя. Недогоревший хвост, кромка пылающих углей, дым – всё как бы втягивалось в твердеющий, сплюснутый с боков шар костра. Втянулось... Обрело очертание высокой сумрачной птицы... Прояснилось...

На поляне, посреди окраинного пустыря (где ещё недавно весело потрескивал жаркий и говорливый весенний костерок) стоял, строго оглядывая забалделых пустырных бродяг, светло-чёрный аист. ...Пооглядывался... переступил разок-другой тростинками-лапами... встряхнулся... улетел.

– Надо же...

– Да, осерчал Миша-то... Осерчал...

– А чего он? Чего?..

– Да...

– Ну а чего он?.. Мы же – ничего...

– А картошка, картошка-то где...?

– Ох...

– С ним всегда вот так... Не поймёшь... Осерчал...

– Ох...

– Да чего тут понимать! По сердцам нашим пробежался – ему и хватило!.. Объяурудились...

– Да...?! Сам-то ты не урод, что ли?!!

– И я...

– Ох...

– На то он и колдун, чтоб чудить...

– Миша не колдун!.. Нет, не колдун...

– Да? А кто же?..

– Ангел...

– Ага, ангел... Как же...

– Ох...

Увлечённый обсуждением-бормотанием, бомжовый контингент не сразу заметил высветлившего, омывшего пустырь рассвета. ...Затихли. От рассвета пахло теплом, ветром и – разлитыми от края до края, окунувшими в себя всё и вся – небесами.

...А ещё: впервые за этот год – по кочкам, в оврагах, в полёгших-поникших за зиму сохлых зарослях многотравья – замелькали крохотные жёлтые цветы. Первые. Никем и ничем не затмеваемые. Солнечные.

Встреча (1987 год)

И ни малейшего предчувствия – вот что любопытно! Я сидел у края дороги на обломке бесцельной бетонной плиты. Ленивая была дорога, полупрозрачная и тёплая, словом – такая, какой и должна быть дорога в начале октября.

Ни единой подводки, ни единого грузовичка, – ничего, на что я рассчитывал после объявления на вокзале о поломке единственного на этот день автобуса. Нет, не то чтобы пройти десяток-другой километров было утомительно и в надрыв: погода ласковая, не жаркая, лёгкий прохладный ветерок, примятая и успокоенная недавним дождём пыль... Но – лениво как-то шлось, как-то неохотно и равнодушно.

Я отпил из фляги воды, достал из рюкзака тетрадь со стихами и, положив её под голову, растянулся на приятно шероховатой плите.

Задремал...

– Вы гусёк или гусик?

Этот голос (звончато-мягкий, не без приятности) тотчас же вытряхнул меня из сладкого сквозняка дрёмы. Я приподнял надвинутую на глаза кепку и покосился в сторону говорившего.

Передо мной стоял типичный деревенский мужичонка, лет сорока–сорока пяти. Спутанные светлые волосы, какой-то совсем уж бесцветный пух на подбородке, серая телогрейка, серые же засаленные брюки, кирзовые сапоги.

– Удобно ли вам? не твёрдо ли? – заботливо осведомился мужичонка.

– Нормально, – ответил я и снова надвинул на глаза кепку. Было досадно и даже несколько утомительно, что – вот, вытряхнули из чего-то приятственно-аморфного, разбередили, потревожили. Я повернулся на левый бок – спиной к мужичку – и попытался вернуться в дрёму.

– Так вы гусёк или гусик...?

Это было уже слишком! Я резко развернулся, рассадив при этом о выступающий камешек колено, и оказался лицом к лицу с назойливым аборигеном.

– Слушайте, дядя, – не без злости сказал я, – шли бы вы!.. Куда шли – туда и идите! Вам что, заняться нечем?!

– Есть, конечно...

– Ну так идите и занимайтесь! ...И дайте, наконец, не трогавшему вас пешеходу покоя.

– Я бы дал... – в голосе мужичка появились совершенно искренние грустные нотки, – я бы дал, но у меня и самого нет... О, ну конечно, изредка – бывает! да – ой-йой-йой... – изредка.

– Вы о чём, собственно? – Я несколько растерялся.

– О покое, – ответил мужичонка. Он сказал это с какой-то укоризненной ласковостью, а потом – подшмыгнув штаны – преспокойно ухватил с плиты мою тетрадку со стихами и начал её листать.

Так, подумал я, на лицо встреча с местным дурачком. Этого ещё не хватало! Сначала – автобус накрылся, потом – накатила лень к передвижению и мне светила в ближайшем будущем ночёвка без всякого укрытия да ещё с дождём в перспективе... а теперь – юродивый шалун...!

– Отдайте тетрадь, – я сказал это мрачно и зачем-то – нервное, должно быть – облизнул губы.

Он поднял голову. Он посмотрел на меня (внутри вдруг шевельнулась, неизвестно откуда, жутковатая весёлость).

Он улыбнулся.

– Вы – не гусёк, вы – не гусик... Вы – поэт! Ха! Шёл себе, шёл и подобрал на обочине поэта! Ха! ...Снимаю перед вами шляпу, маэстро!

На его голове появилась драная, вся в сохлой соломе и ошмётках непонятной шелухи фетровая шляпа. Он поклонился, сдёрнул её с головы и широким (опять же – искренним!) взмахом отправил вверх. После чего на нём появилась другая шляпа – зелёная, из искусственной кожи. И её он подбросил. Потом ещё одна – женская, из каракуля... И ещё... И ещё...

Я смотрел на землю, на всё увеличивающийся раскид пёстрого многошапочья. Это было похоже на причудливую грибную поляну... причудливую и нелепую. Я не старался понять то, что вижу, не было и мыслей во мне (ни единой!), только: откуда-то издалёка тренькающее удивление по поводу своевременно (!) сломавшегося автобуса и – смотренье на ворох шляп...

– Отдайте тетрадь, – повторил я, обнаружив, что несколько охрип. Не дожидаясь, – выхватил из его рук свою тетрадь.

– Я не дурачок, маэстро... И я не местный.

Шляпы исчезли. Все. Разом... Но то что они были – не вызывало ни малейшего сомнения: пригнувшаяся трава на месте их недавнего лежания ещё не распрямилась, а нераспрямлённые участки отличались округлостью.

Я молчал. Совсем не знал, что сказать. Но зато понял, что нет во мне больше замкнутости и раздражения, а есть – интерес, даже восторг какой-то! Мне вдруг стало удивительно здорово жить!

– Давайте разведём костёр, маэстро. У вас есть чай, а у меня – котелок.

Он достал (я так и не понял – откуда) закопчённый алюминиевый котелок и помахал у меня перед носом.

– А...

– А я – букетик.

– Что?..

– Не что, а кто, – букетик-букетóнчик. Букéтушка.

– Это что, вас так зовут? – Я попытался съехидничать, но почувствовал себя при этом довольно неловко.

– Не совсем, – голос у мужичка был спокойным и улыбочатым. – Я – бродячий букетик солнечных лучей, – совершенно серьёзно заявил мой новый знакомый, – а зовут меня – Михаил Петрович Черноярцев, можно – Миша.

– Всеволод, – представился я в ответ.

– Нет, лучше – маэстро. Если вы, конечно, не против...

– Да пожалуйста...

– ...И давайте на «ты»? а? ...Мне кажется, что мы с вами уже почти родственники.

Этот вечер и ночь мы провели неподалёку от дороги, у костра. Меня очень мало занимали, разве что удивляли (но – отдалённо, где-то на заднем плане) его странности, хотя странностей выявилось предостаточно.

Ну например: как-то по-особому сложив палочки и травинки, он дунул – еле-еле – и полыхнул огонь; он поднял с земли маленький камешек, облизал его, повалил в пыли и бросил в котелок (я заглянул туда – котелок был полон воды); он прошёлся вокруг костра, низко нагибаясь и прихлопывая ладонями землю, прошёлся несколько раз (потом – сидели на обхлопанных им местах: тепло, мягкость, освежающая расслабленность; мне редко доводилось располагаться более уютно!). Всё это было, конечно, удивительно, но куда более удивительным было то, что возникло между нами в первый же час сидения у костра: мы друг друга п о н и м а л и! Понимали с первых же слов, с полуслова и даже – без слов вообще. Наверное, это было то, что он заметил сразу, а я – постепенно и по чуть-чуть: мы родственники... Хотя говорить – говорили, и говорили много, и говорили о многом.

(Лет в шесть на меня вдруг очень сильно накатило желание понять: з а ч е м я ж и в у? Зачем? Для чего? Почему? Да и вообще: в чём смысл жизни? Моей жизни... всех жизней... всего-всего!.. ?..

Несколько месяцев я мучился, пытаюсь выцарапать из откуда-то о т т у д а ответ. Был рассеян к окружающему, стал плохо спать. Пропал аппетит. В одно время даже под-

нялась температура, и меня поволокли к врачу (поскольку ничего, кроме температуры не было, – врач, махнув рукой, поставил ОРЗ)... Я искал, искал, искал, искал, искал...

Ну правда! Как же можно жить на свете (да попросту – жить!), не зная: з а ч е м. Мои руки, ноги, голова, сердце, чувства, желания, радости, обиды... – з а ч е м?.. Деревья, реки, облака, ветер, пыль, солнце, болезни, эхо, трещины на асфальте, злость, песни, тишина, нежность, дождь... – з а ч е м??! Так много всего во мне. Так много всего вокруг меня. И так много всего возникает, когда я и то, что вокруг, – соприкасаемся. Уже тогда я сочинял стихи, маленькие песенки (для себя); это было очень дорого, это было сокровенным, заветным... и вдруг: осознанная неосмысленность бытия придавила, накренила, смяла радость поющих, танцующих слов.

Поначалу я приставал к взрослым, этим всезнающим и серьезным персонам. Увы! В их ответах – многоречивых и маловразумительных – детская интуиция мигом выхватывала несостоятельность и беспомощность (даже в коротких: «Вот вырастешь – узнаешь!» «Есть такая наука – философия, но сейчас ты ничего не поймёшь, это не для детских мозгов!»). Честнее всех и отчётливее ответил мой папа: «Не знаю, Севка...». «Как же так, – спросил я, – ты столько лет живёшь, и живёшь без этого?!» «Трудно без этого, – согласился он, – иногда – совсем плохо. Можно придумать много ответов, красивых, сложных ответов... грубых, безыскусных... Люди, как правило, вполне обходятся этими фальшивками». «А философия...?» «А что философия, сынок?.. Философия – попытка познать истину с помощью разума. Пустое это дело, никчёмное». И папа процитировал мне слова Лиса из «Маленького Принца» Экзюпери: «– Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь...» «Ищи, сынок, ищи..., но – сердцем. Понимаешь?»

Я понял. И протягивался, протягивался (не разумом, но – сердцем!) во всё, что было во мне и вокруг. Протягивался-истягивался до состояния дрожащей струны. Казалось, что – вот-вот! – что-то взорвётся во мне, размечется в клочья, в пыль...

И вот, месяца через три метаний-горений, пришёл не-сказанный сон (один из немногих, помнимых с детства, снов). На то он и несказанный, – не смогу я его описать..., но – главное: меня растворила в себе ВСЕЛЕННАЯ, всего, без остатка...; разнесла по крошечке в каждое из своих проявлений-творений. А потом...

Проснувшись утром, я ощутил себя сверкающей серебряной шкатулкой, в которой – на синем пушистом бархате – лежали три слова:

БЕСКОНЕЧНОЕ

СЧАСТЬЕ

В БЕСКОНЕЧНОСТИ

Я редко кому за десять прошедших с того сна лет говорил эти слова. Непонимание, как правило, подобно жёсткой острогрудой стене, о которую ты (часто – с разбега) разбиваешься в кровь. Такое не очень хочется повторять.

...Вы только представьте, что для меня было встретить человека, который не просто – принял ЭТО, но для которого ЭТО было – как и для меня – однозначно и безоглядно родным!

Почти сразу же выяснялось, что Миша знает обо мне столько, сколько я вряд ли сумел бы ему рассказать даже за неделю бурного общения.

...Он знал, как в пионерском лагере, где меня упорно и язвительно высмеивали за пристрастие писать стихи и разговаривать с деревьями, я, пытаясь подружиться со своими сотоварищами по отряду, устроил ночью в палате пляску игральных карт, зубных щёток и бумажных самолётиков (это стоило мне сильнейшей головной боли, онемела спина). Ребята сами просили об этом представлении, но после него (хватало и воплей, и даже слёз... перепугались жутко!) со мной все перестали разговаривать, обходили, как зачумлённого, даже в лагерной столовой – за столиком на четверых – я сидел один.

...Миша знал и о мытарствах в психиатрической больнице, куда меня любезно, но настойчиво поместили по рекомендации Комитета Госбезопасности (предварительно

исключив из школы и обвинив в антисоветской пропаганде). Там было трудно, тяжело. Там было учительно; я многое перемерял в себе: что-то – принял без остатка, что-то – выбросил навсегда. Но – главное! – прочно закрепил умение, невзирая ни на какие тягости и пакости, оставаться самим собой.

...Миша знал и о том, что около двух месяцев назад умер мой папа... Всё это время мне было безумно плохо, и он принимал, бережно, как равного товарища в нашей прикостровой ночёвке мою боль...

«Маэстро, – говорил мне букетик-Миша, – ты разбрасываешь свои ветви сразу повсюду... немудрено, что они так часто попадают под топоры и садовые ножницы! Почему ты забываешь о корнях? отдай свою силу им!...»

Закипела вода. Я достал из рюкзака жестяную коробочку и заварил чай.

«Маэстро, – говорил мне букетик-Миша, – ты собираешь тишину с поверхности листьев, с расширяющихся к середине луговых трав... Но почему – почему? – ты избегаешь озёр? Ты приблизься к ним... Как же можно без этого? Ты найди свою тропиночку к ним... найди!...»

Чай настоялся. Мы прихлёбывали по очереди из котелка, сидя рядом, почти упираясь плечами. Нынешний вкус моего старого затхлого чая был совершенно иным, необычайным и находился в удивительном резонансе с тёмно-синим, затянутым тучами небом, с переливчато мерцающей прямизной пламени, с хрипким шёпотом птиц из недалёкой рощи...

«Маэстро, – говорил мне букетик-Миша, – ты пристально вглядываешься в звёзды и цветы, в ветер и камни... Ты пытаешься прильнуть к их сущности, угадать и приблизить к себе их сердцевину, узнать все вопросы и все ответы, которые есть у них... Твоё хождение извиристо и смутно, ты одинок... Напрасно это, ну посуди сам! Зачем, зачем не спросишь у них? Они щедры – о! – нет скупости в соприкосновении! Они щедры, и лишь твоя гордыня помеха вашей встрече...»

Костёр горел уже второй час. Вначале я порывался

поискать хвороста в окрестностях, но Миша удержал меня. Незачем, сказал он, без нужды топтать землю. гораздо проще – попросить у сухих кусочков древесных тел, которые уже соединились с огнём, побыть с нами подольше. Он отставил в сторону котелок, прижал руки к коленям, подался вперёд, вытянув шею... и – запел; не было у этой песни слов, не было сколько-нибудь явной мелодии, – только скользящие отблёскивающие осенней прозеленью звуковые чешуйки, понятные (и мне – тоже) в своей просьбе, очевидные в своей благодарности.

Костёр горел долго. Всю ночь.

– Миша, почему ты остановился возле меня?

– Просто... Просто так. Мне понравился твой свет.

– О чём ты?..

– О свете, о чём же ещё! Я шёл. Я смотрел по сторонам. Во мне было предчувствие хорошего, предчувствие доброй встречи. Я посмотрел налево – и ничего не увидел. Я посмотрел направо – и увидал лежащего на какой-то бетонной плите юношу, а из него и вокруг него – глубокая пронзительная синева с яркими фиолетовыми сполохами! Мне это очень понравилось, и я остановился посмотреть-полюбоваться. Потом – потянуло окликнуть тебя; уже окликая – понял: это – встреча.

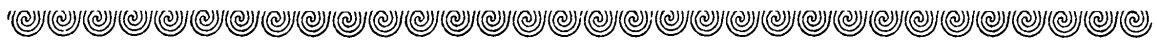
– А я этого не понял...

– Ну, маэстро, ты был в дрёме. Ты был в липком и утягивающем: дорога обиделась на тебя, обволокла, стала обглядывать...

– Обиделась? Но за что?!

– За насилие. Ты совершал насилие над собой, перемещаясь туда, куда вовсе не хотелось перемещаться. Ты ведь и теперь не хочешь идти туда, куда собираешься отправиться утром? Так? Ты приобщил к насилию над собой дорогу, и она возмутилась, обиделась. К тому же здесь недавно произошло что-то тяжёлое, и дорога до сих пор напряжена. Ты попался под горячую руку, но, как мне кажется, поделом: не насильничай.

(«Не насильничай...» Я возвращался из краткой домашней побывки в село Селиваново, где учился в лесном тех-

никуме. Проучился я всего месяц, но уже отчётливо убедился, как по-идиотски влез в совсем чужое для меня, совсем бессмысленное.

Всё дело в том, что я с детства мечтал быть лесником. Лес всегда был для меня родным и желанным существом. Я мечтал: избушка, деревья, птицы, звери, цветы, речушка (а может – болотце), и – тишина... тишина..., и – стихи... стихи... стихи...! Ох!..

Лесной техникум был не так уж далеко от Тулы. Приняли меня сразу же, без экзаменов... Переезд в общежитие... Начало учёбы... Я принюхался, осмотрелся, вник, и – ужаснулся: это ж надо было так попасть впросак! Не лесники выходили отсюда, а полуграмотные и тускловзглядые чиновники лесного хозяйства. (Караул! Помогите!) Пора уже было думать о сборе чемодана и поспешном – опрометью! – бегстве.

Да. Но пока... Пока я действительно – насильничал; страшно не хотелось возвращаться! – волок себя в сторону техникума буквально за шиворот.)

– Не бери в голову, маэстро, – Миша слегка приобнял меня и заглянул в глаза, – ну вляпался в кашку, так вынь ногу да обмой!

– Вот так вот: взять и вынуть. И всё. Да? – Я рассмеялся. Рассмеялся и Миша.

– Возвращайся в Тулу. Это – твой город; ты будешь часто покидать его, разбрасывая свои следы причудливо и интересно, но – всегда возвращаться... Тебя ждёт очень бурная жизнь, маэстро! И придётся быть очень внимательным, иначе – разобьёшься и никто тебя больше не склеит.

Он протянул мне раскрытую ладонь с двумя сухими земляными ломтиками. Всмотревшись, я понял, что оба этих ломтика – я, и оба моих «я» – одиноки... Это было до того печально и сиротливо, что у меня навернулись слёзы.

Миша сжал ладонь в кулак, стиснул, но – вновь развернул в ладонь: на ладони сидела бабочка. Она была в строгом и простом рисунке по крыльям, с крохотными, но заметно мерцающими глазками. Она вообще больше походила не на бабочку, а на птицу, – строгую и непонятную.

Миша прошептал: «– Удачи тебе!..» и подбросил бабочку вверх. Та немножко покружила над нами, присаживаясь мимолётно то на мою, то на Мишину голову, потом – по спирали, нарастающими витками – поднялась в небо и стала неразличима...

Как ни покажется странным, но меня эти чудеса не ошеломляли. Так получилось, что удивительное и необычное – довольно часто встречались мне в жизни, с самого детства. Конечно, слабо и мало, – но кое-что я умел и сам.., а с четырнадцати лет проснулась способность слышать (и – всё чаще и чаще – понимать) голоса деревьев, травы, ветров, зверюшек, камней... Позже я научился слышать голоса пустых конфетных бумажек, крутящихся в приасфальтовом сквозняке, кастрюль, проводов, домов... свитера, обнимающего моё тело... и многое-многое другое... Улавливать и понимать их чувства... Это неразлично вплелось в жизнь, став такой же неотъемлемой частью меня, как дыхание, как ежедневный приём пищи, как повсеуременно копошащиеся и пляшущие мысли. То, что делал Миша, – не проходило мимо понимания, было очевидным до капельки, но эта очевидность находилась где-то на грани восприятия, на тонкой паутинной кромке, где место только тончайшим из чувств. Очевидность фиксировалась как нечто ясное и отчётливое, но – вместе с тем – и зыбкое: мне бы совсем не удалось её сформулировать, даже фрагментарно, даже для самого себя. Я воспринимал исходящее от Михаила Петровича Черноярцева как подарок, – с радостным удивлением и радостным замиранием, как нечто неотделимое от Миши, без чего он – уже не он, не он вовсе.

Но, тем не менее, потянуло спросить:

– Скажи, ты часто чудотворствуешь вот так...?

– А разве я чудотворствую? – Он посмотрел на меня с некоторой обалделостью, достаточной, чтобы я почувствовал себя дураком.

– Прости... Я хотел спросить: часто ли ты бываешь публичен в своих естественных проявлениях, или – только так, наедине, тет-а-тет?

– Как умно и красиво ты говоришь, маэстро!.. – Миша вперился с явно издевательским восхищением.

– Как могу – так и говорю, – буркнул я, уцепляя от углей котелок с чаем.

– ...Да по-разному. Мне редко удаётся смотреть на себя со стороны. Иногда, когда приходится подолгу бывать среди людей (например – остановиться на пять-шесть деньков в какой-нибудь деревеньке), я очень быстро начинаю чувствовать отвращение и страх вокруг себя. Это очень тяжело, Сева, чувствовать себя чем-то, вызывающим отвращение и страх! ...Я беру свою сумчонку и – ухожу.

– А за фокусника не принимают?

– Принимают... И за фокусника, и за чёрта, и за галлюцинацию... За что ни попадя! Да это, впрочем, не важно. Меня очень мало интересуют люди сами по себе, – они слишком одинаковы для интереса, слишком предсказуемы. Мне их жалко... Но поваленное ради нового нужника дерево куда как жалче...! И рыбёшку с разодранным крючками ртом – тоже. И плачущую под буром или лопатой землю, с кишасщими в ней корешками и жучками... Я не хочу сейчас говорить об этом, маэстро. Давай лучше петь, а? Давай!

Он объяснил мне, как искать в пространстве песню, как принимать её, ничего не спутав, как преломлять её собою, ничего не перемешав. Всё оказалось очень просто и – очень-очень здорово!

Это было похоже на плитыё в тёплой переливчатой пушистости. Мелодия менялась каждое мгновение, разбрызгивалась, мерцала; она была сращена со словами в одно, со словами какого-то напрочь забытого и невероятно старого языка (я не знал этого языка, но понимал его без малейшего изъяна; каждый звук... каждый оттенок звука...). Мы пели, чуть раскачиваясь, пригасив взгляд – и вместе с нами раскачивалось пламя костра, заросли крапивы, пульсирующий многоцветными вспышками воздух.

...Но – песня закончилась. Неожиданно. И погас костёр. Рассвело.

Миша сладко потянулся, обтёр драным рукавом телогрейки сапоги, встал. Встал и я.

– Помоги мне, – Миша огляделся. – Нужно как можно больше маленьких и – по возможности – круглых камешков.

– А зачем они тебе? – Я тоже оглядел окрестности: камешков видно не было.

– Нужны. Мне пора уходить.

– ?

– Мы ещё встретимся, маэстро. Не переживай! ...Но сейчас мне нужны камешки. Помоги их собрать, пожалуйста.

– Ну, нужны так нужны...

Мы стали собирать камешки. Дело оказалось занудливым и долгим. Миша принимал не всякий камешек, большую часть собранного мной он браковал.

Часа через полтора, однако, сборы подошли к концу. Перед остывшим костровищем высилась целая горка небольших и близких к сферической форме камней. Я смотрел на них весьма оторопело, совершенно не чувствуя, на фига мы занимались столько времени такой ерундой.

Миша сунул руку в горку, вытащив один, пожалуй – самый маленький, камешек (вся – тщательно складываемая – горка развалилась...) и, размахнувшись, бросил его вперёд. Камешек упал совсем рядом (метрах в трёх), несмотря на то, что брошен был с приложением изрядного усилия. Миша встрепенулся, отряхнул зачем-то брюки, подбежал к месту падения.

– Здесь, маэстро!

Мы стали выстраивать из камешков круг. Я носил, он строил. Я носил, он строил. Выстроил.

– Сева, окажи милость, когда я уйду – камушки-то поразбросай. По разным сторонам их поразбросай... да! – по разным сторонам.

Сморщил нос, поправил на мне сбившуюся на бок кепку, шагнул в круг и – исчез.

Да, конечно, я разбросал камешки. Я собрал рюкзак и приготовился идти...

...Но идти мне совсем не хотелось: не хотелось уходить

отсюда, а хотелось – это я точно помню – зареветь.

Не заревел; вышел на дорогу и пошагал в сторону Селиваново.

– Привет, старик!..

– Привет! Ты что, обалдел, – занятия пропускаешь?!

– Привет!..

– Привет!..

– Здорóво!..

– Севка, ты жратвы припёр?..

– Салют! Ну как там, в Туле?..

– Привет!..

Кто-то стучал меня по плечу, кто-то заглядывал в рюкзак... Всё это воспринималось будто бы в полусне. ...Сиротские запахи общежития, тоскливые, усталые стены, снующие по лестницам четырёхэтажки люди...; дряблая вялая энергия, скользкая и свивающаяся в тряские, неровные кляксы.

«Нет, бежать отсюда, бежать, – подумал я, – и чем быстрее – тем лучше...!»

Лёжа ночью в своей кровати – я попытался разобраться: что это была за встреча? что мне в ней? и вообще – ч т о т е п е р ь ? как...? Очень многое во мне шевельнулось. Очень многое во мне разбередилось. Выявилось. Вспомнилось.

С этого дня я совсем забросил техникумовскую бредятину и принялся за упорную безотдыховую работу.

Всего за один месяц мне удалось очень многое. Ощущение пространственных линий стало чётким и твёрдым, закрепились. Появилась возможность проникновения в инородные психологизмы. Я забирался на какую-нибудь крышу и, попросив ветер учить меня, – танцевал, запоминая каждое движение, приносимое ветром. (Это позволяло – сдвигая близлежащие слои пространства – видеть и слышать многие, длящиеся по параллелям, бытия.) Выявилось и закрепились умение улавливать песни (а с их помощью – понимать то, что воспринимал, но не понимал в дет-

стве: пробредающие между людей тени... мечущихся всяко шарообразных существ, коих особенно в изобилии – по городам... провисшие – то тут, то там – и разнообразные по своей геометрии дыры... и т. д. и т. п.). Но более всего: окрепла (прямо-таки – расцвела!) возможность воспринимать и осознавать голоса в с е г о с у щ е г о, что промеж и окрест людей (в данном – Условно-Конкретном – бытие).

Всего за один месяц!

Напряжение нарастало, и через какое-то время я оказался в кардиологии местной районной больницы, с сердечным приступом (потом – ещё раз...). Выписавшись – забрал свои документы из лесо-чиновного заведения и вернулся в Тулу.

Огромная благодарность к Мише, появившаяся у меня в то время, – сохранилась по сей день. И кстати: за семнадцать (с половинкой) лет общения – ни капелюшечки разочарования или отторжения! Ни малейшей!

В 1987 году мне было шестнадцать лет, а Мише (Михаилу Петровичу Черноярцеву) – как узналось позднее – девяносто четыре года.

Лена

Здесь и далее – вперемешку – появляются рассказы о встречах с Мишей других людей. Видите ли...: дороги перекрещивались, проскакивали (и иногда не гасли) искры, судьбы соприкасались друг с другом...

Пусть всё это было редко, мимолётно, но в мимолётности присутствовали и насущность каждого из моментов, и их наполнение (до краешка, под завязку). А иногда и не мимолётно вовсе, но – на всю жизнь.

(Разные люди. Разные времена. Разные события.)

«Я познакомилась с Михаилом Петровичем в 1976 году, в Ленинграде.

В то время у нас с бабушкой (мы жили вдвоём) были затруднительные денежные обстоятельства и мне много приходилось подрабатывать частными уроками (музыка и английский язык). Несколько моих учеников – так получилось – проживали в пригородах; нередко доводилось возвращаться домой к ночи, в последних, замирательно пустых электричках.

Так и в тот вечер. Я вошла в вагон, отряхнула снег, села. В вагоне было пять или шесть человек, а напротив меня, через проход, сидел пожилой мужчина в стареньком коротком пальто. Я ещё заметила, что шнурок на правом его ботинке развязался и как-то длинно, неряшливо стелился

по полу, а из кармана пальто торчал засохший обломок чёрного хлеба.

Все, кто был в вагоне, поглядывали на мужчину с безразличностью, но мне он понравился. Его лицо было удивительным: очень тонкое, одухотворённое, мягкое, но вместе с тем – вымотанное, отяжелевшее.

Я смотрела на него какое-то время, а потом спохватилась: бессовестная, нахально разглядываю человека, без всякого повода с его стороны! Каждый имеет право на уединение, и моя беспардонность может оказаться излишне тягостной и неуместной.

Я отвернулась, стала смотреть в окно.

...Он подсел ко мне минуты через три. Сел тихонько на противостоящую лавку и заговорил.

– Девушка, – сказал он, – я вижу в вашей авоське яблоки... Не могли бы вы дать мне одно?

Меня угостили яблоками в том доме, где я давала урок. Неожиданное обращение было несколько странным, но я охотно предложила этому человеку яблоко. Он взял его, поблагодарил; стал есть вприкуску с чёрным хлебом, который достал из кармана.

И тут на меня накатила волна чуть ли не родственной заботы. Я набралась смелости и осведомилась, не голоден ли он. Выяснилось, что – да. Отдала ему остальные яблоки. Съел. Тогда я набралась ещё большей смелости и спросила, где он будет ночевать. Он сказал, что ещё не знает, где-нибудь. ...И я (аж дух захватило!) предложила переночевать у нас с бабушкой. Он какое-то время смотрел на меня, потом улыбнулся, и сказал, что согласен, очень рад, что я – прелесть и, наверное, ужин будет очень вкусным.

Мы познакомились. Немного поговорили о вчерашнем сильном морозе, причём разговор о морозе он закончил заявлением, что мне давно пора замуж.

Постепенно, понемногу мне начали примечаться разные необычности в его движениях, манерах, речи... Мелькнуло некоторое сожаление: уж не поторопилась ли я, так решительно и бесповоротно предложив гостеприимство совершенно незнакомому человеку?..

И тут произошла первая несусветица.

В вагон вошёл милиционер. Сначала он прошёл мимо нас, потом вернулся и стал с довольно презрительной настороженностью разглядывать моего спутника. Потребовал документы.

Михаил Петрович поднялся с лавки, ухмыльнулся и, достав из заднего кармана брюк мелко сложенную газету, подал её милиционеру. Тот взял, покрутил газету, развернул... Я с замиранием сердца ждала, что сейчас будет...

– Михаил Петрович Черноярцев...

– Да, это я. Вот фотография, взгляните.

– Взглянем, взглянем... Так... Прописка... Так...

– Ну что?

– Ничего. В порядке документы. Вы бы, товарищ, одевались более пристойно и по сезону...

– Во что могу.

– Возьмите паспорт. С такой девушкой – и чёрте в чём!..

Милиционер сердито развернулся и пошагал дальше по вагону... Совсем ушёл. Михаил Петрович улыбнулся, засунул газету обратно в карман и сел на место.

Я чувствовала себя как стукнутая самоваром. Помесь фарса и фантазмагии за один раз... А может, это у меня с головой что-нибудь не в порядке?

– Успокойтесь, Леночка, ваша головка и очаровательна и рассудком вовсе не ущербна. Это иллюзия.

– Что?.. – переспросила я.

– Иллюзия. Старшина видел то, что я посчитал для него нужным.

– А я?

– А вы видели газету. Кусочек «Литературки». Подобрал в тамбуре; если проложить под пальто – здорово утепляет!

– Я всё равно ничего не понимаю, Михаил Петрович.

Он хмыкнул и вынул из кармана коробку спичек.

– Зажгите одну.

Я открыла коробку, достала спичку и зажгла.

– Хорошо горит? Зажгите ещё одну.

Я зажгла ещё одну.

– Сожмите коробку в кулаке.

Я сжала.

Он дунул – мягко так... – мне в лицо и попросил разжать кулак. Я разжала. Там была пуговица...

– Это иллюзия, гипноз? – спросила я.

– Нет, девочка, не гипноз... Гипноз – это варварство и глупость. Всего лишь – иллюзия...

– Объясните... Пожалуйста!

– Весь мир, Мироздание – иллюзия, Условная Реальность; и эта пуговица, и ты, и я, и поезд, в котором мы едем к Ленинграду, и Ленинград, и всё – иллюзия... Понимаешь?

– Но ведь это вы заставили меня поверить в то, что эта пуговица – спичечная коробка! Да?..

– Нет. Кстати, пуговица от моего пальто. Пришейте мне, пожалуйста, когда будем у вас дома.

– Вы меня не сбивайте! Пуговица – вот она, а ваши спички – мираж, наваждение, гипноз. Вот так!

– Ну-ну, – сказал он и ткнул пальцем в пол.

Я посмотрела, куда он показывает, и увидела на полу две обгорелых спички.

Он поднял их с пола и протянул мне.

– Пуговицу вы мне пришьёте, а спички останутся вам, на память.

Бабушка встретила его поначалу настороженно. Но прошло совсем немного времени, и она чуть ли не влюбилась; выставила все сорта варенья, какие только были у нас в буфете, постелила новую скатерть, достала прикупленную к своему дню рождения копчёную колбасу.

Моя бабушка – в прошлом – историк, кандидат наук, специалист по Древнему Китаю. Михаил Петрович заговорил о Древнем Китае...

То, что он рассказывал, было для меня интересным – и только, бабушка же просто ошалела. Сначала она спорила, потом бросалась в свою комнату листать какие-то книги, рисовала на салфетке иероглифы (Михаил Петрович их поправлял и рисовал в свою очередь)... Кончилось

всё тем, что бабушка замолчала и слушала нашего гостя два часа без перерыва, с открытым ртом.

Когда Михаил Петрович пошёл умыться перед сном, бабушка оттащила меня в дальний угол и страшным шёпотом спросила:

– Где ты откопала это чудовище?!

– В электричке... Но почему – чудовище?

– Его же надо под микроскопом в специальном институте изучать! Он т а к о е знает!.. Т а к о е!..

– Да что «такое»... Ну – знает много. Может быть, всю жизнь изучал.

Бабушка посмотрела на меня, как на закоренелую двоечницу, и, махнув рукой, ушла мыть посуду. Из кухни сразу же раздался грохот и звон: что-то разбилось...

Я стала готовить постель нашему гостю.

Вошёл Михаил Петрович. Он ухватил литровую банку с клубничным вареньем, уселся в угловое кресло и стал это варенье лопать, улыбаясь и жмурясь от удовольствия.

– Вы произвели на бабушку большое впечатление, – сказала я.

– А на вас? – Он перестал лопать варенье и, склонив голову набок, посмотрел на меня.

– На меня – тоже...

– Ну-ну, – сказал он и снова принялся уписывать клубнику.

Я закончила стелить постель, объяснила Михаилу Петровичу, где выключать свет, и, пожелав ему спокойной ночи, пошла к двери.

Тут, из кухни, раздался бабушкин вскрик.

Прибежав на кухню, я увидела, что бабушка сильно поранила руку осколком чашки (взволнованная разговором, она умудрилась во время мытья посуды разбить две чашки и блюдце). Судя по всему, она повредила какой-то кровеносный сосуд: из рваной, но маленькой раны лилось очень много крови. Мы обе растерялись... Очень растерялись!..

На кухне появился Михаил Петрович. Он быстро схватил со стола стакан, набрал под краном воды, пошептал в неё и стал лить воду на рану.

Рана затягивалась. Тут же! Михаил Петрович медленно лил из стакана воду, и к тому моменту, как вылилась вся вода, – рана исчезла. Не осталось даже рубца.

Мы с бабушкой оторопело стояли посреди кухни, уставившись на её здоровую, в бледных кровяных разводах руку. Обалдели до такой степени, что даже не догадались сказать «спасибо»...

А потом он вдруг запел (это была одна мелодия, без слов). Откуда-то подул ветер. Запахло лесом, морем... И – резко оборвалось.

Михаил Петрович молча поклонился, поставил стакан на стол, вышел...

...Но самым удивительным оказалось то, что когда мы принялись разбираться на кухне, выяснилось: чашки и блюдце, которые бабушка разбила, – целы и невредимы, на них даже не было ни одной трещины!..

Утром постель нашего гостя оказалась аккуратно застеленной, а его самого уже не было.

Больше всего меня почему-то удручало, что так и не успела пришить к его пальто пуговицу. Пуговица осталась у меня (вместе с двумя обгорелыми спичками).

Михаила Петровича я встречала ещё два раза, и вы знаете, Сева, оба раза, при встрече, вместо «здравствуйте» говорила «спасибо»!

(После той ночи у Лениной бабушки открылся дар целителя. Она снимала – в одно прикосновение – любую боль, а также – очень удачно – лечила сердечные болезни.

А Лена через два месяца вышла замуж. По любви. Взаимной.)

П о т а п (Л и н)

А повстречались в семьдесят пятом...
Была у меня одна приметная деревушка, на Урале. Ездил я туда на охоту. Считаю, каждый отпуск ездил! По-ехал и нынче...

Что там в деревушке да как – рассказывать не буду, лишнее. Приехал к ночи, утром – завтрак примяв – на охоту.

Есть там одна чащобинка интересная, – и дышится легко, и зверь бывает, и под ногами на земле мало что в помеху. Я сразу туда направился.

Иду. Зверя нет. Солнышко сверху продирается. ...Вдруг, справа от меня ломанулись кусты; я даже не заметил, как ружьё-то в руках оказалось! И палец – на курке...

Мужик оттуда вылез. Плюгавенький такой, в дерюжной будто бы рубахе, в штанах каких-то замусоленных... Босиком... А меня трясёт всего: я ж по нему чуть не пальнул!

Мужик сердито на меня посмотрел, да и пошёл куда-то в сторону, ни слова не говоря.

– Ты чего тут... – это я ему крикнул, – ты кто!?!

– Чернойрцев. – И на ходу, даже не обернувшись ко мне, добавил: – А ты можешь не представляться. Ты – охотник. У таких фамилии не бывает.

– Не понял... – начал я.

– Цыц, – говорит, – гуляй пока. Зверя тут всё равно сейчас нет, а с тобой я разберусь позже.

И ушмыгнул.

Я подумал: всяких дураков на свете хватает! Пошёл себе дальше.

Живности – ну хоть какой! – и впрямь не встретил, а где-то через часок вышел к муравьиному холму.

Есть там такое место: поляна лесная, небольшая, а посреди поляны – холмик. Муравейников там – видимо-невидимо! Здоровущих! Вся поляна в муравьях. На неё даже ступать боязно – того и гляди сожрут.

Вышел я, значит, глянул, – а там давешний мужик: прямо посередке на холмике уселся, и муравьи по нему шлындрают, как по тротуару. Сидит, ножки скрестил, руки на коленях сложил, глаза закрыты – не шелохнётся...

– Эй! Э-гэ-гэй, – кричу, – Черноярцев! Ты что, совсем сбрендил?! Вали давай оттуда!!

Он глаза-то открыл, на меня глянул... И ты знаешь, Севка, враз холодок какой-то по спине прошёл... даже озноб...

– Эй так эй, – сказал он, – как скажете. Вот сейчас я тобой и займусь, охотничек.

Пальцами, значит, щёлкнул – и все муравьи с него (прямо-таки колоннами!) потянулись вниз. И те, что по полянке кишели, – раздались по сторонам: дорога-тропиночка получилась в моём направлении.

Отродясь я пугливым трясохвостом не был, но тут, как пошёл он на меня – медленно так, задумчиво – будто что помутилось: двустволку с плеча содрал и на него наставил.

Черноярцев хихикнул, остановился и... – запел! Что-то непонятное запел, на подвывание похоже. ...И тут у меня стали ржаветь стволы, ржаветь – и рассыпаться (может, они и не ржавели – не знаю, но рассыпались за несколько секунд, а приклад стал горячим и липким... – бросил я его...)

Подошёл Черноярцев ко мне, за руку взял, посадил на ближнюю замшелую сушину и сам рядом сел.

– Ты что, – спросил он, – всегда голодный, из последней крошки живёшь? Зачем за зверьём рыскаешь?

– Это спорт, – проямлил я, – мне это нравится... Так многие делают!..

– Знаю, что многие, – сказал Черноярцев, – я с тобой сейчас говорю. Многим – свой черёд.

– Что вы от меня хотите? – Тряс-то уже прошёл, а помутнение осталось; ощущение какого-то бреда...

– Ты ведь убийца, – строго сказал Черноярцев, – а тюрьмы-то как – не боишься?

– Убийца – это тот, кто людей убивает! – возразил я.

– Вот и говорю: тюрьмы, значит, не боишься... Значит: людей – ни-ни, а прочую живность – пожалуйста. В ошмётки! Так чтоб кровь – фонтаном! ...А по какому праву?

– Человек – венец природы...

– Это тебе кто-то сказал, мальчик, или ты сам придумал? – Он смотрел на меня, как на заплутавшего в степи идиота.

– Да это вообще... везде... – попытался я аргументировать свои позиции. – Закон природы: сильный пожирает слабого.

– Ты – сильный??! – Черноярцев снова захихикал. – Ты мне про силу не говори, а то ведь я могу и медведку позвать, ну, а ружьё-то твоё – тью-тью. А? Хочешь – позову? Он тут, рядом...

Мне стало нехорошо. Я понял: он позовёт, с него станется!.. Вот влип...

Тут Черноярцев уставился на меня... так уставился, будто через глаза – в глубину зашагнул. А потом начал выдавать всю мою биографию, словно анкету заполнял. И то, что семьи нет... и что пить – не пью... и что – инженер, работаю там-то... что читаю мало... что характер добродушный... и т. д. и т. п. ...Потом говорит:

– Да... Ну и что с тобой делать, терновый венец природы? Я молчал. А чего тут скажешь...?

– А ну пошли, – говорит. Ухватил меня за руку и поволок в сторону болотца.

Остановились на краю болотца. Я стою, дурак дураком, жду, что будет. Черноярцев хлопнул в ладоши, прислушался, хлопнул ещё раз. ...Из ельника появился медведь. Здо-

ровый! Я зашарил на поясе, где у меня висел охотничий нож, и обнаружил, что ни пояса, ни – соответственно – ножа на мне уже не было.

Медведь шёл прямо на меня; неспешно шёл. Я стал пятиться. Он идёт – я пачусь, он идёт – я пачусь..., а он – идёт и идёт!.. ...Но пятился я недолго: через несколько шагов свалился в болото. Заорал, забарахтался и как-то уж очень быстро стал тонуть.

...Вроде бы я даже утонул, но не было ощущения смерти. Вместо этого – меня закрутило, замотало и началось т а к о е, что это т а к о е я помню до последней чёрточки и по сей день.

Сначала меня обхлестнули яркие (всех цветов!) шелковистые водоросли. Они обмотали всё тело, образовав подобие кокона. Я бился в коконе, пытаюсь разорвать, разрушить его, но стенки были прочными, хотя и податливыми, упругими. Потом кокон распался и вынесло меня в ночь, на опушку леса.

Яркая луна. Безветрие. Тёмные, строгие деревья. Тишина. ...И из тишины – прямо из воздуха, со всех от меня сторон – стали появляться звери и птицы: зайцы, волки, белки, лисы, тетерева, утки... Я уже знал: это – все те, кого я убил за свою недолгую (недолгую, но – жестокую...) жизнь. Появлялись не только убитые мной, но и их отцы, матери, дети, возлюбленные... Столько страдания, боли, тоски, сколько я видел в их глазах – и океан бы в себя не вместил! И это я, я один принёс им беду!

Звери не собирались мне мстить, не собирались меня убивать... Они пришли (все, кто пришёл) посмотреть на меня, взглянуть мне в глаза.

«ГОСПОДИ, – подумал я, – пусть всё, что происходит сейчас со мной, будет смертью! ...Да какое у меня, сотворившего всё это, право на жизнь?! Да и какая у меня, подонка, может быть теперь жизнь??!»

Я катался по земле, плакал, даже выл. Очень многое во мне, о чём я прежде и не задумывался, оказалось перекрученным и смятым.

...Кто-то дотронулся до плеча. Я поднял голову и увидел

маленькую, очень милую лису с запёкшейся на боку раной. Лиса посмотрела на меня – внимательно-внимательно – и отбежала в сторону, качнула хвостом. Стало понятно: нужно идти за ней.

Мы шли, очень долго шли... Сначала под ногами была трава... потом – песок... потом – захрустел снег... Мы остановились на обрыве; внизу – насколько хватало глаз – пропасть.

Лиса махнула головой в сторону пропасти и выжидательно посмотрела на меня. Я не шевелился, осознавал... Она махнула головой ещё раз, посмотрела (ласково, грустно...), вздохнула и, повернувшись, ушла. ...Я перекрестился и прыгнул в пропасть.

...Открыл глаза. По глазам полыхнуло солнце. Возле меня сидел, заунывно бормоча, Чернойрец. Одежда была мокрой, но находились мы уже вдали от болота, – почти что рядом с деревней, где я остановился.

– Чернойрец, – позвал я его, – вы простите меня...

– Меня зовут Михаил. Можно – Миша. И лучше всего – на «ты».

– ...Миша, мне сейчас очень плохо...

– Так это-то и хорошо, что сейчас тебе плохо. С днём рождения, милый мой!

– Что это было...?..

– А ты что – всё забыл?

– Нет...

– Ну так и спрашивай не у меня. У себя спрашивай, с собой говори.

Он достал из-за пазухи трубку, уже набитую табаком, коробку спичек. Закурил.

– Миша, что мне сейчас делать?..

– Спи.

Он пыхнул мне в лицо табачным дымом, и я отключился.

...Проснулся уже утром, в избе, где снимал комнату. Местные мужики наткнулись на меня ночью, перенесли в дом, приволокли фельдшера-пенсионера. Фельдшер осмотрел, не нашёл никаких повреждений и посоветовал по пробуждении дать мне водочки.

Водку я пить не стал. И есть не стал, хотя не ел уже давно. Во мне что-то произошло, что-то переменялось, причём настолько, что я чувствовал себя рождённым заново, существом с одним-единственным оглавлением на обложке книги (чистой книги, не тронутой ещё никакими словами...).

Поднялся. Оделся. Пошёл в лес.

Направился я сразу к муравьиному холму. Черноярцева там не оказалось, но зато я увидел и подобрал приклад с брезентовым ремнём (он и теперь висит у меня в пещерке). Потом стал ходить по лесу и звать Мишу.

Нашёл я его к вечеру. Он сидел у реки и, кажется, разговаривал с нею.

– Что мне делать, Миша?

– А что ты хочешь?

– Не знаю... Я знаю только то, что я не хочу всего, что у меня было прежде. Люди живут – так кажется на первый взгляд – ярко и разнообразно, но на самом деле их жизнь бессмысленна, пуста и жестока. Я теперь понял это... Помоги мне!..

– Ты хочешь попробовать, каково это – быть медведем, синицей, змеей, деревом...? Я могу научить тебя... Не только этому, конечно, но начало твоё – с преобразований форм. Трудно и долго. Хочешь?

– Да. Хочу. Очень хочу!

– Тут есть одно условие, мальчик. Многое дозволено и – одновременно – не позволение в скользящих мирах. Мы идём по тонкому осеннему ледку, и доходит до берега только тот, кто не спускает с берега взгляда, мысли, сердца. Ищущий удовольствия бродить над бездной – бездной, рано или поздно, съедается. Ты понимаешь?

– Да... Теперь – да.

– Я могу подарить тебе многое, но сперва мне нужно понять, что я действительно имею право это сделать. Ясно?

– Да.

– Тогда слушай. Ты останешься сидеть здесь, на берегу, пока не поймёшь в чём смысл жизни.

– Для меня?

– В Бесконечности, Потапушка, для всего бесконечья проявлений, миров и форм с м ы с л ж и з н и один. Вот за ним и отправляйся.

– И мне сидеть здесь?

– Ну да.

– ...А если я умру с голоду?

– Значит – не судьба...

И Миша ушёл.

Ну, конечно, я не умер от голода, хотя ослабел изрядно. Миша оставил мне для сидения хорошее место, очень сильное и щедрое, – оно помогло.

Прошло две недели, и когда мой Наставник появился – я уже знал ЭТО. И ещё: я знал, что ЭТО теперь останется со мной навсегда, на все грядущие жизни.

Черноярцев объяснил, как найти его на Арале. Оставалось только: вернуться в Минск, раздать всё то небольшое имущество, что у меня было, по знакомым, попрощаться со всеми, собрать рюкзак и – н а ч а т ь н о в ь ю ж и з н ь.

С тех пор прошло двадцать лет, Севка. О-го-го – каких лет! Да.

...А Миша у меня – частый гость. И для опекаемых моих появление Ткача – праздник. Всегда!

(Лин живёт в Саянских пещерах. Он – Мастер, Мастер изумительный и редкостный. А ещё: лёгкий и крылатый человек. Мы видимся с ним не слишком часто, но всегда – с радостью и взаимным удовольствием!

У Лина мало учеников. Он очень разборчив и привередлив: жить в Саянских катакомбах – не сахар... ...А может быть – и сахар, да только не для всякого.

Лин – солнышко, а солнышко может светить где угодно.)

Г О Р О Д

В Туле я безобрывно продолжил начатую в Селиванове работу, но уже без лихорадки и надрыва, спокойно. Работа давалась легко. Почти без напряжения вскрывались огромные участки прошлого: струйками, а то и целыми ручьями просачивались в меня, нынешнего, умения и знания из прежних жизней. Потянуло на экспериментальные пробы.

В числе прочего – заинтересовала (ярко, зазывно) возможность привнесения элементов некоторых мистерий в практику современного театра. Современный театр я знал крайне плохо и, решив это исправить, поступил в наиболее известный и популярный (на тот момент) в городе молодёжный театр.

Репетиция. Ничего не ладится. Режиссёр нервно и суетливо носится между рядами кресел. Актёры на сцене скучают, потихоньку рассказывая друг другу анекдоты и свежие сплетни, кто-то – забившись в уголок – заинтересованно ковыряет шпагой кулису. В дальних рядах зрительного зала разместились стайка приبلудных панков; они оживлённо переговариваются, трясут крашеными гребнями, брякают многим железом, – им интересно, с наслаждением и вкусом впитывают незнакомую атмосферу театрального мирка.

Снизу, из полуподвальчика, загремели шаги, и над сценой зависла полуоблысевшая голова игривого любимца муз Серёжи Стёпина.

– Сева, там тебя какой-то охламон спрашивает.

– Где он?

– В курилке. Дикий тип.

Я спустился в подвал, прошёл мимо галдящих в гримёрке девчонок и открыл дверь в боковушку перед чёрным ходом (она и служила у нас курительной комнатой).

На диване, развалясь и посасывая маленькую трубочку, сидел Миша.

В этот раз он был одет с некоторой претензией на моду: кроссовки (довольно дырявые), заливчатские зелёные джинсы, линялая сине-лиловая майка с улыбочатым крупным зверем (смутной породы).

– Миша...

– Маэстро, радость моя! – Он вскочил с дивана. – Как ты оказался в этом гадюшнике?

– Ну уж прямо и гадюшник...

Мы обнялись. Уселись. Я тоже закурил.

– Нет, ну правда, у тебя прямо-таки удивительное пристрастие залезать туда, где тебе делать, в общем-то, нечего.

– Ну уж и нечего... Ты лучше скажи, где это тебя так вырядили?

– На свалке, – Миша с довольным видом оглядел свои кроссовки. – Неплохо, да? Я там помогал местным аборигенам избавиться от ночных кошмаров и несварения желудка... Ну вот – чем смогли.

В курилку вползла компания панков. Разыскивая по карманам сигареты, они так скрежетали и брякали железяковыми причиндалами, что невольно приходили на мысль рыцарские турниры.

Один из панков – Юра (милый и мягкий человек, но обличья – жуткого) – восторженно уставился на Мишину трубку.

– Травка?

– Травка.

– Конопля?!

– Табак.

– Так ты что, дядя, табак из этого половника куришь?

– Угу.

– Ну ты даёшь, дядя! Прямо с Урала какой-то...

Все панки, как один, с осуждением и укоризной посмотрели на Мишу.

– Да, я с Урала, – оживился он, – а как вы узнали?

Завязалась оживлённая беседа. Поговорили об Урале, о латунных заклёпках, о брюнетках... За полчаса мне это здорово обрындело и я, ухватившись за лиловую майку Черноярцева, поволок его на улицу. Выйдя на улицу, Миша осмотрелся, вздохнул и сказал:

– Знаешь, Сева, всё-таки мне всегда больше нравились шатенки!

– А лысые? – ехидно спросил я.

– Ну..., если они потенциальные шатенки – то почему бы и нет...?

– Так, – говорю, – весенние бациллы проникли?

– Да какие там бациллы... – он махнул рукой и хмыкнул. – Пойдём-ка лучше лавчонку какую-нибудь поищем.

Лавчонку мы нашли неподалёку, в соседнем дворежке. Уселись. Помолчали, прислушиваясь к пространству вокруг нас.

– Маэстро, почитай какие-нибудь стихи... Свои...

Я прочитал.

– Ещё. Пожалуйста...

Я прочитал ещё... И ещё... И ещё несколько...

Помолчали.

– Ты знаешь, – сказал он, – я всегда мечтал быть поэтом. ...Но со стихами у меня не ладилось; не ладилось – и всё тут! Это я уж потом понял, что быть поэтом – вовсе не значит обязательно писать стихи... или картины... или музыку... Можно светить на тёмной дороге и иначе. ...А среди тех, кто пишет стихи, картины, музыку – так мало настоящего, подлинного... Ну просто уму непостижимо, до чего обильно развелось плодовитых и успешных пустышек! Тебе, маэстро, часто придётся с ними сталкиваться. Мне жалко тебя...

– Вот ещё...

– Ты сильный. Но сила твоя – стеклянная, тебя легко разбить. Ты уж поберегись...

Я молчал.

– Поэты – светлячки на Тёмной Дороге, по которой идут мёрзнущие и стенающие... Казалось бы: ну много ли от светлячка света?.. Но гаснет один из них, и сразу же очевидность – стало темней... – Миша резко развернулся ко мне: – Маэстро, я прошу тебя... У тебя впереди столько соблазнов и пакостей! столько всяческих очарований и давлен! Сохрани в себе поэта, пожалуйста, сохрани! Будь осторожней!!

Какая-то старушка, проходя мимо, в испуге шарахнулась в сторону.

– Миша, успокойся... Что ты, право... Давай лучше покурим.

Мы закурили. Черноярцев пыхтел трубкой, я – папиросой; над деревьями поднимался молодой изумрудный дым весенней зелени.

– Сева, хочешь песенку?..

– Ага... Давай...

– Когда-то я был знаком с одним человеком – вот уж двадцать лет как его нету – ...с женщиной, она писала для меня песенки... Я пою их иногда...

Миша запел, вполголоса. И пока он пел, я успел докурить папиросу, а заодно и понять: совсем мне неизвестен этот человек, яркий, чудесный и очень хрупкий человек... Но мне так хочется узнать, почувствовать, прикоснуться к его огромному горячему сердцу, и всегда – всегда! – ощущать Мишино присутствие рядом, даже когда его рядом не будет.

Песенка кончилась (я поместил её в конце главы; лишь текст, а мелодия – очень проста (расслабьтесь – и она зазвучит...)). Миша пел иногда и другие песенки той женщины, имя которой я не стал узнавать... Мне они всегда нравились.

...Я сбегал в театр и принёс нам по чашке чая. Чай (он это умеет!) придал нашему разговору плавный и раздумчивый характер. Черноярцев рассказал о Саянских пещерах, о Бахроме-Коридоре, где размягчается любая тяжесть и человек способен почувствовать своё отражение в любом существе, в любом мгновении. А ещё он рассказал об Аральском Песчаном Цветке...

...Раз в пятьдесят лет, на острове ....., расцветает Песчаный Цветок. Он показывается в разных частях острова и всего на несколько мгновений, но цветёт – целый год. Цветок – ключ, но ключ этот насущен не для всякого, а лишь для того, кто упорно движется по тропинке раскрытия своего глубинного потенциала; движется и не раскрывается, не может никак размягчить закаменелых парусов своего духа (закаменелых в прежних жизнях).

Достаточно всего один раз соприкоснуться взглядом с Песчаным Цветком – и глубинный потенциал у п о р н о г о раскрывается (мгновенно и полнокровно). Только – есть условие: это должно произойти неожиданно, случайно; нуждающийся в раскрытии не должен ничего знать ни о самом Цветке, ни о его силе.

– Может быть, тебе это пригодится...

Я рассмеялся:

– Мне же теперь известно о Цветке! Как я смогу им воспользоваться?

– А тебе и не нужно, ты обойдёшься и без него. Но, возможно, это понадобится кому-то из тобой опекаемых.

– Каких ещё опекаемых??

– Ну, это что-то вроде учеников...

– Миша, у меня нет учеников! И – ну их! с собой бы разобраться!

– Ну их... Появятся! И довольно скоро. ...Ишь, расхихикался... Запомни: следующий год цветения Цветка – двухтысячный.

– Ты сегодня озверевший какой-то. То пророчишь мне духовные катаклизмы, то – учеников... Ещё чаю принести?

– Давай.

Я сбегал за чаем. Пока чай грелся – заглянул на сцену; всё оставалось по-прежнему: бегающий режиссёр, сучающие полусонные актёры, панки в уголке... (не было только того, кто ковырял шпагой кулису, но зато в самой кулисе имела место дыра...).

Вернулся.

Черноярцев рассматривал мятый обрывок прошлогоднего календаря с репродукцией картины Бубнова «Утро на Куликовом поле».

– Вот чего я не знаю, – вздохнув, сказал он, – так это с какого ляда им вздумалось устроить побоище именно на Куликовом поле...

– Кому – «им»...?

Я поставил бокалы с чаем на асфальт и подсел к Мише.

– Историкам... Это ж надо: побоище – на Куликовом поле! Да там отродясь никто не воевал! Это священное поле; там никто не осмелился бы не то что массовую резню устроить, а и простую драку до первой крови!

– Расскажи, – попросил я.

– Да что рассказывать... Старое место, очень старое. Ещё лет триста-четыреста назад помнили об этом, теперь – забыли... Когда-то Куликово поле было почитаемо всеми окрестными народами, ещё до того, как к здешним местам прибились люди с северных островов (Миша имел в виду Арктику). Здесь собирались мудрейшие и сильнейшие люди, здесь проводились мистерии в каждое равноденствие и солнцестояние. ...Кстати: под Куликовым Полем – глубоко под землёй – до сих пор сохранились галереи и залы для Лунных мистерий. Да...

– Сходим?

– Можно и сходить... Только – зачем?

– А преобразующее начало? Оно же должно было сохраниться!.. или – фрагменты...

– Ты об этом... Ладно, сходим. Чем бы дитя ни тешилось...

– Ты это брось! Знаешь, как туда попасть?

– Знаю. Но имей в виду: эти самые фрагменты есть и на поверхности. Вовсе не обязательно тревожить змей и чёрный народец.

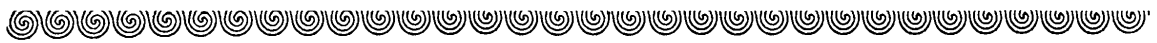
– О чёрном народце я слышал... Познакомь!

Миша расхохотался:

– Маэстро, ты неутомонен! Я тебе что – экскурсовод?

– Миша, не вредничай.

– Да ты можешь сам – и сходить, и познакомиться, и пятое, и десятое... Поменьше всякой ерундой занимайся, на-

вроде этого замшелого театрального заведения, и – всё что угодно! Я подскажу, как, а дальше ты сам.

– Ладно... Но чем тебе так театральная студия не угодила? Ну – не Камерный... не МХАТ..., но люди получают свою порцию удовольствия, тусуются в экзотическом ракурсе.

– А искусство?

– Да, здесь его нет... Но при чём тут «гадюшник»?

– Голубчик, ты присмотришься повнимательнее! Конечно, по большей части сюда приходят люди, которым скучно жить. Но – хоть и редко – приходят и такие, кто ищет здесь ИСКУССТВО, в ком з а т р е п е т а л о, п о з в а л о! И что?.. Вместо стартовой площадки для взлёта они попадают в яму ароматной полубогемной клоаки... и – гибнут. Ладно, кто-то почувствует опасность – уйдёт, а кто-то – погибнет. Таких людей, как здешний руководитель, надо изолировать и лечить. Он – махровый вампир (правда, сам себя таковым вряд ли осознаёт). Понимаешь?

– Ну, я-то здесь по своим делам. Скоро закончу – уйду.

– Ты-то по своим, а они? Те два молодых человека, которых мы встретили у выхода...

– ?

– Волосатенькие такие, худенькие...

– А! Валера и Игорь.

– Так вот: они уже с печатью. С печатью, если не физической, то уж (а это страшно!) духовной смерти. И не они одни. Нет, маэстро, это гиблое местечко. ...Пойдём, кстати, отсюда; отнеси кружки и пойдём.

Черноярцев повёл меня через частные дома к пустырю (я ещё не знал тогда, что этот пустырь – Долина Тёплых Туманов). Он повел меня берегом реки...

Мы шли, никуда не спеша, разговаривая обо всём, что попадалось на глаза: об ивах, облаках, пустых консервных банках, жучках... Шли себе и шли... Шли, пока не уткнулись в небольшой пригорок с возвышающимися над ним двумя молодыми липами с переплётшимися ветвями. Черноярцев остановился.

– Ты свободен сегодня ночью?

– Да... Да, конечно.

- Приходи сюда. К трём часам.
  - Именно к трём?
  - Именно.
  - Хорошо.
  - Тогда – до ночи. Сейчас мне нужно идти.
  - Ладно. Пока.
- Я повернулся и ушёл.

По дороге – то и дело – лезли в голову мысли о театральной студии. Мне там было не то что бы уютно, но – без явного дискомфорта. Были среди студийцев и люди, к которым ощущалась искренняя симпатия. ...Да, это была, скорее, пародия на искусство, но – не унылая, без надрыва. А может быть, всё проще: я слишком увлёкся своими расчётами и маленькими экспериментами...? не заметил? Или – Черноярцев сгустил краски?..

(Я ушёл из студии через несколько месяцев, уже убедившись, что Миша прав. Но, помимо того, мне довелось – через определённые отрезки времени – ещё дважды побывать там.

Студия стала уже бюджетной организацией, с громким названием «Муниципальный Театр Русской Драмы», и я оказался в этой драме на должности завлита. Кошмар! Без преувеличений: жадная до чужой энергии ароматная клоака, беспардонно калечившая и тупившая! Несмотря на некоторую привязанность к зарплате – продержаться утерпелось только три месяца.

Во второй раз – пригласили поставить спектакль. Это было интересно! Подумалось: вдруг встряхну всю эту пако-стную жижицу, отмою от неё, приведу в чувство!... ..Нет, не отмыл и не привёл... Куда там...)

В три часа я был у пригорка. Накрапывал дождик. Миша появился со стороны... (Да не знаю я, откуда он появился! Как всегда – невесть откуда...)

- Пошли.
- Куда?
- Вон под те деревца.

И мы вошли под сросшиеся деревца...

...ГОРОД. Это был тот же самый город – город Тула, только совсем (совсем-совсем!) безлюдный.

Непонятно какое время года... По сухим холодным улицам, мерцая, неспешно прокувыркивались обрывки газет, окурки, рваные пакеты, куски каких-то тряпок. Ночное небо – ясное, спокойное, но – совершенно беззвёздное. Фасады домов накренились и даже – как будто – переливались; от них исходило свечение: мягкое, многоцветное, наполняющее дома до последнего пятнышка-штриха... до последней щелинки... Фонари, запрокинутые лампами в небо, отливали сиреневым...

– Где мы, Миша?..

– Ты что, не узнаёшь свой город? – ...улыбнулся, глядя на меня с подчёркнутым удивлением.

– А где люди?..

– А что им тут делать? Нечего им тут делать! Это пространство твоего города б е з л ю д е й. Пошли, пройдемся, пока есть время; нас сюда пустили совсем на немножко...

Я шагал по ворсистому, словно ковёр, асфальту и – от шага к шагу – нарастало ощущение, что город оборачивается вокруг меня, закутывает собою, поднимает – рассматривая и вглядываясь – на ладонях. Отовсюду – сверху, снизу, со всех сторон – слышался шёпот. Обрывки бумаги, какие-то нитки, паутина – порхая – прилипали к лицу и одежде, планировали в руки...; возникало понимание: с тобой знакомятся.

Из арки выскочила кошка. Остановилась, уставившись на нас с тревожным (как мне показалось) возмущением. Потом – мявкнула, подбежала к Черноярцеву и прыгнула – с разбега – к нему на руки. Зажмурилась.

– Это пространство, – сказал Миша, поглаживая кошку, – существует уже давно. Здесь перебивало много всего: городов, морей, пустынь..., катаклизмов, и вновь – городов. На этом месте. С очень-очень далёких времён. Со всегда. ...Всё собралось здесь, всё запомнилось. Ты закрой глаза, обеззвучься...

Я закрыл глаза, расслабился, глубоко вдохнул и – выдохнул...

...То, что наплыло, то, что накатило, что пронеслось сквозь меня – описывать не берусь: не получится ничего... Будто бы проглотил я миллион лет разом (а то и миллион миллионов...): вся история этого места – от н а ч а л а и до к о н ц а (да! – до к о н ц а) всеми своими углами, округлостями, запахами, красками, бедами, надеждами, какофонией и тишиной – прошла сквозь меня навывлет. ...Как опишешь такое?

Меня закрутило, понесло...понесло...

Крик кошки. Резкая боль. Я открыл глаза.

– Эх она... – Миша с любопытством разглядывал моё лицо. Кошка, по-прежнему сидевшая на его руках, была несколько вздыблена, а вид имела – сердитый.

– По мордám она тебя съездила, – Миша достал из кармана грязноватую тряпицу и вытер с моей щеки кровь. – Так нельзя, маэстро. Надо контролировать проходящее; вспышка неконтролируемого контакта может и в порошок стереть.

Мы стояли у пригорка, рядом со сплетёнными липами.

– ...Нас выбросило или это ты меня уволок?

– Мы, – сказал Черноярцев.

– Пошли обратно!

Я шагнул к липам.

– Сейчас нельзя, маэстро. Успокойся. Отложи на потом.

– Так проход же закроется!

– Ну зачем проход? к чему?.. Ты теперь в любое время, когда захочешь, сможешь почувствовать и услышать ГОРОД. ...Но лучше – на рассвете.

Я присел на ржавое жестяное ведро и закурил. Миша сел рядом; прижал поплотнее кошку, прижался к ней щекой.

– А кошку-то зачем уволок? Как она обратно...

– У-у..., кошка – не мячик на ножках, кошка гуляет где вздумается и пролезет всюду. Ты за неё не беспокойся.

Миша вдруг расхохотался и боднул меня легонько головой в плечо:

– Маэстро, ты похож сейчас на одурелого с после дождичка воробья! Умылся бы, что ли... Пойдём, тут недалеко колонка.

Кошка спрыгнула с рук, потянулась, зевнула.
– Спасибо, – сказал я ей. – Спасибо, милая...
Кошка зевнула ещё раз.

Дома матушка повозмущалась некоторое время по поводу изрядных царапин, но – недолго: день был будний и она спешила, спешила, спешила...

– Смажь как следует йодом! – крикнула от дверей.
– Непременно!.. – ответил я и плюхнулся на постель.

Стоило только закрыть глаза – город сразу пришёл; ...такой, какой он есть... такой, какой он есть на самом деле:
ГОРОД.

(Мишина песенка):
надо мной качнулась ветка
ветка с тёплыми листками
надо мной качнулась ветка –
закачалась подо мной

я иду по этой ветке
ветке с тёплыми листками
очень быстро очень просто
и – конечно – далеко

всё что может быть на свете
под землёй и над волною –
подо мной и надо мною и –
конечно же – во мне

кто-то кружится и пляшет..
кто-то вьюжится и ищет..
кто-то пицца... кто-то мячик,
кто-то облако в траве...

я – иду
и я – качаюсь
над собой и под собою
веткой с тёплыми листками
без начала и конца

Петушок

С Петушком я познакомился в Туле, в девяностом году. ...Зима. Ночь. Я расположился в заброшенном двухэтажном доме (на окраине, под снос), разложил костёр, вскипятил воды под чай, испёк картошки. И только, понимаете ли, разлакомился приступить к позднему ужину, как от оконного проёма послышался тонкий хрипловатый голосок:

– Не могли бы вы и меня покормить? Кушать хочется... холодно... Извините, пожалуйста.

От костра я не видел в темноте говорившего, но никакой угрозы или хотя бы напряжения в возникшей ситуации не почувствовал. Ты сидишь у огня, у тебя есть пища..., у другого нет ни огня, ни пищи... – надо делиться. Разве не так?

Я махнул рукой, приглашая, и в окно влез здоровенный лохматый мужчина, при изрядной бородище. Одет он был явно не по сезону: неутеплённое пальтецо, короткая зелёная шапчонка, явно летние брюки и явно не зимние ботинки.

– Я вижу, тридцатиградусный мороз вас не смущает?

– Да по-разному... – тоненько прохрипел мой гость, облапив большими руками кружку с кипятком.

– Ну, по-разному, так по-разному... – я выложил на газетный лист картошку, лук, насыпал соли. – Давайте есть.

Приятного аппетита!

Мужчина взял картошину, посыпал солюшкой и, не счищая обугленной корки, целиком отправил в рот.

– ...Пётр. Меня Пётр зовут, – чавкнул он, улыбаясь.

– Всеволод...

– А вы тут живёте, Всеволод? – Не переставая жевать, Пётр с интересом погляделся.

– Нет. У меня есть более комфортное обиталище.

– А-а... Выгнали?

Я рассмеялся:

– Да никто меня не выгонял. Всё гораздо проще: брожу ночами по городу, часто брожу, – разговариваю, общаюсь с ним, понимаете? – иногда останавливаюсь там, где позовёт, куда потянет, откуда пахнёт уютom. Вот и теперь...

– Понимаю!

Я присмотрелся к выражению его лица, и мне понравилось подвижное, будто б – переливающееся, сочетание простодушия и глубины...

– Это приятно. – Это действительно было приятно: понимание – редкость. Слишком часто (пообщавшись, поговорив с кем-то) мне доводилось ловить за спиной упоминание о дурдоме. – За психа не посчитали...?

– Да вы что! Ну! Вот ещё!

– Приятно, приятно... Чайку?

– Ага... Вы мне его покажете?

– Кого – его...?

– ГОРОД. Я здесь уже два дня, и никак не могу нащупать перехода... Не слышу... Как барьер какой-то...!

– Вы что – серьёзно? Вы хотите пройти между граней? Зачем...? – В первый раз я встретил в Туле человека, который знал, что есть город и ГОРОД (это даже вызвало немалое ошеломление).

– Нужно. Очень нужно.

– Нет, я могу показать вам тропинку, Пётр, но сумеете ли вы по ней пройти... Вы – умеете?

– Да, меня мой Наставник учил. Миша.

– Кто?!

– Миша... Ткач...

– Черноярцев??

– Да... Вы что, знаете Мишу...? Ой, здорово!

– Да уж куда здоровее. Это он вас в Тулу отправил?

– Погодите... Вы – маэстро?... Миша, говорил, что я обязательно встречу вас здесь! Ну чудесно просто!

Мы перешли на «ты», подложили в костёр несколько старых досок и углубились в активную беседу. Выяснилось, что два месяца назад, где-то на задворках Ненецкой автономии, Миша – сурово и решительно – развернул Петра в Тулу. Зачем – не объяснил (тот должен был сам узнать – зачем...). Пётр добирался почти два месяца, на перекладных (как придётся), намёрзся и наголодался досыта, два раза попадал под какие-то облавы с перестрелками... И – наконец – добрался (по-прежнему не зная – зачем...).

– Погоди... Я видел Черноярцева три дня назад. Этот старый обормот ни словом о тебе не обмолвился!

«Старый обормот» несколько смутил Петра: к Черноярцеву он относился с благоговейно-трепетным почтением. И с робостью. Миша был для него – Ткач, Мастер, Наставник; потустороннее явление и – вместе с тем – отец родной (всё в одной куче). ...Ну, а для меня – букетик... солнышко... и – конечно же – брат, с т а р ш и й б р а т.

– Ты не напрягайся, мы с Мишей при встречах ещё не так обзываемся! Это – вовсе не проявление неуважения, а – наоборот...

– Я его люблю очень... Но знаешь, Сева, иногда – боюсь... Почему так? Нечего мне его бояться! – никого нет ближе!.. Но вот поди-ты – проскакивает... Вот ведь как...

Мне Пётр понравился. Представьте себе двухметрового, с пышной смоляной бородой сорокалетнего мужчину; несмотря на частое недоедание, сквозь демисезонное пальто просто-таки пропирались бугры мышц, и при этом – тоненький голосок и нежные-нежные, мечтательные глаза очень доброго и искреннего человека.

– Может быть, он поэтому тебя сюда и отправил? Боязнь – неважное подспорье для взаимного понимания, да и вообще – для близких людей... Мишу многие боятся: он непонятен, он странен, иногда – оглушительно непонятен и

ослепляюще странен. ... Но для тебя-то он – Наставник, так ведь? А в страхе – какой в наставленьях толк?

– Ох, да я это понимаю..., а вот ведь – никак...

В ту же ночь я показал Петру проход в ГОРОД и пошёл с ним. А в следующую ночь он уже пошёл один. И в следующую...

Петушок (как называл Петра Черноярцев) пробыл в Туле почти неделю. Я поселил его у своих знакомых. Приняли знакомые Петушка вначале с некоторой натугой, неохотно: «Сева, он бомж, да? Сева, а вши у него есть?», но потом (особенно после того, как избавил их дочку от астмы) – души в нём не чаяли; расставались с долгими поцелуями и сборами «вкусненького, домашнего» в дорогу.

...Он нашёл в ГОРОДЕ всё, что ему было необходимо, даже – более того... Но я совсем не собираюсь рассказывать о том, о чём может (и имеет право) рассказать только сам Петушок. ...А вот о его первой встрече с Черноярцевым – да, об этом – пожалуйста!

– В деревушке, в которой мы мимоходом останавливались, идти к Лысой Поляне нам не советовали. Мол, места там действительно – хорошие, но если молнией шархнет, так чего тут хорошего?.. Дедок, который нас уговаривал, был весь какой-то мятый: в соре, крошках, и вроде бы даже – в курином помёте! Да ещё – драные валенки, несмотря на летнее время... Как уговариватель – никакого авторитетного уважения к себе он у нас не вызвал. А остальные: бабка, у которой покупали молоко, и молодая женщина, очень симпатичная (очень! глаза – зелёные, глубокие, спокойные... чудо!), – так они в разговор вовсе не встречали. Хотя, было заметно: наше любопытство к Лысой Поляне воспринимается ими как дурная и вредная блажь. Ну да мы были молодые, нам это пугание только в пущий рёзжиг! Надели рюкзаки и...

– Ты погоди, Петруш, как вы вообще в тайге-то очутились? И кто – вы?.. Ты уж по порядку давай, что ли...

– Да неинтересно это! неважно! Ну – молодые, свободные, через несколько месяцев в армию... Взяли палатку напрокат, – отправились ноги топтать, тайгу поглядеть. Недели две по буреломам дурака валяли, а на третью – наткнулись на другую компанию, вроде нашей (только там народ постарше был). Они-то нам и рассказали о Лысой Поляне: мол, есть такая поляна недалеко отсюда, вся как сковородка – голая и ровная, – молнии по ней часто лупцуют. А вокруг – благодать. Ягод, грибов – навалом, лес – чистый, и – тишина... Вот мы туда и отправились – за грибами да молниями! Любопытно было...

– Понятно...

– Вышли мы туда к вечеру. Нагребли сушняка, развели костёр, палатку поставили (метрах в пятидесяти от поляны). А места кругом и впрямь были душевные, спокойные. Тихо так...

Поужинали. Легли спать.

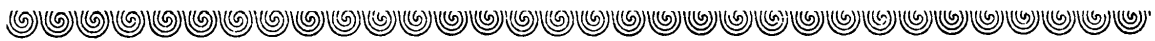
Разбудил нас (на рассвете, часа в четыре) удар грома. Тряхануло так здорово, что сон слетел, как и не было! Мы выползли из палатки, и – ошалели...

Над поляной зависло несколько багровых, с желтоватыми прожилками туч. И то ли сквозь них, то ли из них – выплывались, долбаясь о землю, жёсткие шнуры молний. Воздух вокруг был какой-то заледеневший. Мы так уставились на всё это, что не сразу заметили на поляне человека...

Человек плясал. Его движения были энергичны, резки, коротки; он запрокидывал голову, топал ногами, пел. Молнии били прямо по нему: одна за другой, одна за другой...! Я заметил, что от ладоней, живота и лба этого человека тоже исходили молнии; он их будто бы бросал, и они уходили вверх, ввинчиваясь в тучи. Его молнии отличались от тех, что сыпались сверху: синие, более тонкие и, как чувствовалось, более жёсткие, сильные.

А ещё я заметил, что всё вокруг – деревья, трава (всё!) – как бы замерло... или – нет: замедлилось... И ведь что удивительно: ничего не горело, никакая травиночка не обуг-

лилась, хотя сама Лысая Поляна чуть ли не дымилась! (Правда, когда я позже попытался узнать время, выяснилось: все части механизма моих наручных часов – слиплись, расплавились и слиплись... Но никакого ожога на руке не было.)

Все мы перепугались. До жути перепугались! Но – ни двинуться, ни шевельнуться: столбняк накатил; ...ощущение провала в гулкую гигантскую паузу.

...И вдруг синие молнии полыхнули из человека особенно сильно; он весь выгнулся, вытянулся в струночку, казалось: вот-вот, ещё немного, и – порвётся! Тучи съёжились, сбились в комок, а потом – ...взорвались!! совершенно бесшумно, мгновенно, целиком (даже мелких клочков не было)!

...Человек вскрикнул – жалобно, тонко – и упал.

А только весь этот бред закончился – столбняка как не бывало.

Мои приятели кинулись собирать вещи. Я сказал им, что там человек, что он лежит, – может быть, ему надо помочь... На меня посмотрели, как на безнадежно спятившего. Ничего не сказали – быстрее стали собирать вещи, а я пошёл на поляну.

Человек лежал неподвижно; как-то всё в нём было скрюченно, неестественно. А глаза... – широко распахнутые, остановившиеся, и из них – слёзы, крупные... прозрачные... Я это на всю жизнь запомнил!

Встал перед ним на колени, приподнял (обмякший он весь был), пригляделся к нему: лицо в морщинах глубоких, усталое, измятое, – старик-стариком... Я потряс его немного, пытаюсь привести в чувство, да куда там: весь заолоделый, застывший будто...

Оглянулся я на своих, а уж никого и нету! Сгинули со всем барахлом: с палаткой, с харчами...; только рюкзак мой валялся в траве.

Ну что ж, они – домашние, я – детдомовский; у нас не принято в беде бросать. Страх я понимаю, он и во мне тогда сидел (а какими-то кусочками – по сей день остался...), ну и что? На то нам и жизнь дана, чтоб от всякой пакости

в душе избавиться, а если не выходит – то хоть не набрать её ещё больше!

Взвалил я старика на одно плечо, рюкзак – на другое и потопал в ту деревню, где мы про поляну расспрашивали да молоко брали. Там километров десять-то всего и было, а старик – лёгкий.

Пришёл. Крикнул людей, – никто не высунулся. А деревня хоть и маленькая (домов десять всего), но – широкая: дом от дома далеко стоит. Стал стучать в окна к молочнице нашей. Та выглянула, заохала, велела старика в баню нести, и сама со мной в баню пошла – с одеялками, с подушкой.

В бане она застелила лавку – широкую, прямо двухспальная кровать! – я уложил бедолагу, прикрыл одеялом.

«Врача надо, – говорю». «Да где ж у нас тут врачи, поди – не столица! – отвечает бабка. – В лесу подобрал?» «В лесу, – говорю (а что ещё сказать..?). Делать-то что? Помрёт ведь старик!» «Нет, – отвечает бабка, – не помрёт! У нас тут свои врачи; Вера Афанасьевна-то вылечит! Мигом!» «А она кто, – спрашиваю, – знахарка?» «И знахарка, и ведунья, и всё что хочешь! У них с испокон веку вся семья такая: хоть на ноги поднять, хоть в землю вогнать. Сиди здесь, сейчас приведу».

Сижу. Мыслей в голове – никаких. Как истукан сижу.

Пришла Вера Афанасьевна. Я думал – ведьма какая дремучая окажется, но – нет: пожилая невысокая женщина, опрятная; глаза пристальные, строгие. Вошла она в баньку одна. «Поди-ка, – прямо от дверей говорит, – отсюда. Живенько поди! Мне тут одной надо». Да только не успел я выйти. Плянула она на моего старичка, подошла поближе, – и аж затряслась вся! Да! Наперёд меня из бани вылетела. Ухватилась на улице за огородку, – стоит, дышит, как загнанная лошадь, озирается. Я сразу понял: испугалась эта Афанасьевна до смерти!

Ей водицы подали; попила, отдышалась, присела на лавочку. Потом меня углядела – и прям вызверилась глазами: «Ты откуда его приволок, ирод?!»

Рассказал я всё как было. Что помнил... У них челюсти

отвисли, а молочница наша даже за сердце стала хвататься. И ты знаешь, Сева, смотрели они на меня, как давеча – приятели: мол, свихнулся, спятил дураком сопливый!

Тут я малость рассердился: «Вы лечить-то его будете или нет!»

«Его...? Лечить...? – Вера Афанасьевна тоже схватилась за сердце. – Он сам себя вылечит... либо – не вылечит. Тут ему никто не помощник!» «А он кто?» «Не знаю, – говорит». «Но вы же что-то видели, – возмутился я. – Вы же ведунья!» «Кто я – не твоего ума дело, а кто он – не моего. То, что я видела, – я отродясь не видела! Понял?» «Нет...» «Ну и не надо тебе. Шёл бы ты лучше отсюда куда подальше...» «Нет, я не могу так... Да вы что, бабки, сдурели, что ли, – здорово разолился! – Ему же плохо! Он же помереть может!»

«Ох, бестолочь...» – сказала Афанасьевна, и – ушла. И все ушли. А я в баню вернулся; от всего, что с утра со мной приключилось, уже мутило, хотелось не то чтобы спать, – а забиться в уголок, и подальше, и посидеть там тихонько суток трое: сидеть и ни о чём не думать...

– Что ж эта ведунья-попрыгунья – так и слиняла? Вообще никто не пришёл?

– Да навроде того... Хотя – потом – я нашёл у двери корзинку с едой и небольшое ведёрко молока. Тоже хорошо! А насчёт всего прочего – я не в обиде: каждый сам к своей совести линейку прикладывает, тут уж – кто как умеет... Да и потом: не сахар дело... Вот у тебя, маэстро, с Мишей всё просто складывается; вы с ним – ну будто б! – со времён царя Гороха друг друга знаете! А я... Я ведь в тот вечер и в ту ночь и впрямь чуть не спятил! – Пётр помолчал немного, улыбнулся: – Вообще-то, за всё, что мне тогда хлебнулось и потом (за двадцать с лишним прошедших лет) – благодарен я судьбе, всем собою благодарен! Непонятно только: как могут жить другие – все прочие, кто не встретил на пути Мишу – так, как они живут. Сберёг меня ГОСПОДЬ от такой напасти!

– Сберёг... Ты молодец, Петруша, ты – сильный, только прозрачный и ломкий до невозможности.

– Ну уж...

– Давай, рассказывай дальше. Что дальше-то было?..

– Лежал он недвижимый. Глаза закрыты. Весь прямой, замерший... Иной раз лезло в голову: уж не помер ли...? Дыхания совсем слышно не было.

Чем я мог помочь? Тряпку мочил – на лоб клал... Губы смачивал... Что ещё? Вот и всё...

Ближе к ночи (я тогда задремал малость) вдруг затрясло его. Побагровел весь.

Вскакиваю. Кидаюсь в угол за ковшиком с водой: оплесну, думаю, его – может, к пользе будет, может, полегчает... Разворачиваюсь с ковшиком, а он – взмыл!

Ты понимаешь, вроде бы и лежит, как лежал, и колотит – по-прежнему, только не на кровати лежит, а – над кроватью. В полуметре, а может и больше...

Ковшик-то я выронил. Прислонился к стенке (закачало меня несколько). На него смотрю...

Смотрел не долго. Старик захрипел и бухнулся на постель. А керосинка – погасла... Мгла полнейшая.

Я за спички ухватился, керосинку принялся запаливать по-скорому. Запалил... И опять меня закачало (только на этот раз – я по стенке вниз съехал, на корточки): на постели сидел мальчишка, лет семи-восьми, голый и ел яблоко.

Он ест-хрустит и на меня смотрит..., а будто б и не на меня – сквозь меня. Маэстро, ты будешь смеяться, но – прохватило: вот яблоко он сейчас доест – и за меня примется... А я не шелохнусь, и из бани-то кинуться не могу: оторопь насквозь взяла!

Не доел мальчишка яблоко; застыл. Яблоко на пол упало; покаталось покаталось, да как-то непонятно и сгнуло. Он встал, пошёл к ведру с водой, что на табурете стояло. ...Поднять ли он его пытался, ну а может – другое что... только – опрокинул ведро; по всему полу растеклась вода, а мальчишка заплакал.

Тут у меня перед глазами всё завертелось: пятна... вспышки... сполохи... А как сошло – мальчишки нет, ста-

рик же лежит по-прежнему, вытянувшись. И колотит его.

Худо совсем стало с головой. Жуть навалилась. Выскочил я из бани и на земле растянулся, – отдышаться не могу. Дышу-дышу, дышу-дышу – вроде полегчело. А как полегчело – стыдно стало: «Что ж я, – думаю, – здоровяк такой, ребёнка испугался! ...Да и не было никакого ребёнка. Померещилось. Бред это всё!»

Возвращаюсь; захожу осторожно; стараюсь не смотреть на постель – смотрю в пол. А на полу – за границей разлитой воды – мокрые детские следы в сторону постели... «Да что же это, – думаю, – такое! ...Надо тряпку взять..., подтереть воду...» Поднимаю глаза: мальчишка! Тот же, только стал он как будто бы поменьше... в том смысле, что – помоложе, младше: года четыре, ну может – пять, не больше. И – смотрит..

Я в дверях стал, с краешку. Зайти – боюсь.

Мальш вёл себя очень свободно и легко: болтал ножками, хлопал в ладоши, что-то напевал. В такт его хлопкам – всё в бане подрагивало, а чуть погода – стало лопаться.

Первой лопнула жестяная кружка (ну как стеклянный стакан под кипятком! честное слово!). Потом – таз, корытце, бадья, табуретка... По стенам бани прошли прошли вертикальные трещины... И – щёлк!: посреди помещения возник размытый голубоватый шар, небольшой...

Я ахнул: «Это ж шаровая молния, не иначе! Сейчас как шандарахнет!»

Мальш протянул руку к шару – шар сразу оказался у него в руке. ...И мальш стал его есть! Как яблоко! И ел он его с таким удовольствием, таким аппетитом!!

...В общем: грохнулся я в обморок. Впервые в жизни. Начисто отключился.

– Ничего не расшиб?

– Да нет..

– И то хорошо... Но почему всё это так напрягло тебя, Петруш? Ты чувствовал опасность, тяжесть?..

– Нет! Наоборот: от происходящего веяло ласковостью, нежностью... Просто, для меня (тогдашнего) такое было

слишком! Нереально было. Нет, не так... Было, как бред, который вдруг перестал быть бредом и, подойдя к тебе вплотную – заглянул в глаза! Вот.

– Сейчас тебя подобное уже не смущает?

Пётр рассмеялся:

– За двадцать лет общения с Мишей я столького навиделся и напробовался, что смущаюсь с очень большим трудом...!

– Ага... И в обморок больше не падал?

– Да сколько раз! С Мишей не соскучишься!..

– Это верно. ...А знаешь, я никогда не видел его плачущим. Никогда... Вот что, наверное, по-настоящему страшно!

– Это единственное, Сева, что кажется мне до сих пор наваждением. Он же – как комочек радуги! Вот только как-то ему самому достаётся быть радугой...

– Давай-ка, Петушок, рассказывай дальше...!

– А дальше... Очнулся я на травке. Да. И не рядом с баней... Вроде как луг небольшой; ручеёк рядом со мной журчит, бабочки летают.. Головой потряс, сел, огляделся.

Горы вдали. Ближе – метрах в двухстах – развалины неясные, что-то вроде заброшенного здания. А невдалеке – валун, а на валуне старичок мой сидит: голову запрокинул, раскачивается, поёт.

«Эй, – позвал я, – дедушка!..» Старичок петь перестал; резво так с камня спрыгнул, – я и ахнуть не успел, как он рядом очутился.

«Очнулся, Петушок? – сказал он. – Вот и славненько!»

Пляжу на него – вроде как расправился дед, помолодел: лет сорок, много – пятьдесят.

«Где мы?» «В горах, не разглядел разве...?» «В каких горах, дедушка? – слабо спросил я». «В каменных, внушек, – ухмыльнулся, сел рядом. – Дедушки... бабушки... дяди с тётями... Меня Михаил Петрович зовут, а лучше – Миша. Договорились?» «Как же так – Миша... Да вы мне в дедушки годитесь!» «Нет, – говорит, – не гожусь я тебе в дедушки. В друзья – да, если захочешь. ...Я тебе, Петушок, хороший

мой! жизнью обязан». «Да что там, – отвечаю, – я ж и не сделал ничего... Сами вы с хворью да болячками разобрались». «А не будь тебя – может, и не разобрался бы. Дружить будем?»

Что я мог сказать...? Вот он сидел рядом, и было мне хорошо. Хорошо-хорошо! ...А друзей – настоящих – никогда не было; ни друзей ни родных. До восемнадцати лет дожил – воспитатели да приятели..., столько одиночества накопил – мочи не доставало!..

«Да, – говорю, – а вы...» «Ты». «Хорошо... А ты – кто? колдун?»

Миша хохотал минут пять (может и больше). От души хохотал.

«Нет, Петушок, – сказал он, отсмеявшись, – не колдун. Я самый что ни на есть обыкновенный Мастер. Ткач».

Опять я обалдел. Как-то сюда совсем не вязались ткачи...

«Так ты что, на ткацкой фабрике работаешь, Миша...? – спрашиваю осторожно».

Тут его от хохота совсем повалило. Снова минут на пять.

«Дикий ты, Петушок! – сказал он, утирая слёзы. – Да не обижайся! Среди дикости расти – как диким не стать. В том твоей вины нету. – Миша посмотрел на облака. Улыбнулся. – Я – Мастер ОЭМНИ; в далёкой-далёкой давности идущих по тропке ОЭМНИ называли Ткачами». «А что это – ОЭМНИ...?» «Хм... Тут, дружок, языком объяснить затруднительно... Само слово можно перевести так: с в е р к а ю щ а я н и т ь. НИТЬ-основа, НИТЬ – проходящая сквозь все нити Условной Реальности, и, вместе с тем, – вне их... Непонятно?» «Не очень, – честно ответил я». «А само слово нравится?» «Да. Очень!»

Действительно, сразу почувствовалось что-то... Вот что-то... Ну – волшебное! и – родное, родное-родное!

«Тогда – пошли». «Далеко? – спрашиваю я». «Далеко, – отвечает Миша. – И – навсегда». «Как – навсегда...? ...Мне же в армию скоро...»

Ух, как он рассерчал!

«Нечего тебе в армии делать, – говорит, – там вообще никому нечего делать. Ишь, взяли моду: ать-два! пиф-паф! ...Паскудники! Нравится в смертушку играть – никак играть не могут!» «А как же, – спрашиваю, – Родину защищать?..» «Родину? – сурово посмотрел, строго. – Родина – это то, что родное для тебя, близкое. А родное и близкое – беречь надо; от дураков беречь, да от собственной дурости – заодно! Тогда и защищать не потребуется. ...Да из насилия и защита – какая...? Никакой! Насилие – насиле рождает, насиле кормится... Дай-ка сюда паспорт!»

Я достал паспорт и положил на протянутую Мишину ладонь. Только положил, как паспорт – прямо на ладони – вспыхнул, и сгорел буквально за несколько секунд. Миша аккуратно опустил пепел на землю, махнул мне рукою – приглашая за собой, и пошёл в сторону заброшенного здания.

Здание было как здание. Из простого кирпича. Судя по всему, здесь лет десять–пятнадцать назад начинали что-то строить, но так и не достроили – бросили. Окна пустые. Из дверных проёмов – только на одной двери, дощатая, с остатками зелёной краски. Крыши нет. И снаружи и внутри – всё заросло высокой травой, а четыре бетонных ступеньки перед дверью промелькивали из травы, как маленькие речные волны. Красиво!

«Куда мы?» – спросил я Мишу. «Туда...» – показал он на дверь.

Я сунулся в окошко и оглядел внутренности здания: густо заросшие холмики строительного мусора, какие-то балки... Тянуло сыростью...

«Зачем? Там даже ночевать негде. И крыши нет...»
«Ночевать? – Миша удивился. – Ты же вроде выпался!»
«Выпался...»

Миша поднялся по ступенькам и – остановившись перед дверью – обернулся ко мне:

«Знаешь, почему петухи голосят солнцу навстречь?»
«Нет, не знаю...» – «Они просят научить их летать!»

Подул тёплый ветерок. Миша вдохнул, глаза его засверкали:

«Пора. Пойдём, Петушок».

Ничего не понимая, я поднялся по ступенькам и остановился. Во мне была растерянность.

«Открывай!»

Я потянул за ручку и распахнул дверь...

З а д в е р ь ю б ы л о м о р е...

Петушок мечтательно и ласково улыбнулся, вспоминая.

– Купались?

– Ага. Я никогда раньше не был на море, а тут: чайки, дельфины, камушки разноцветные, ракушки... Барахтался, пока голова кругом не пошла!

– Это стоит паспорта.

– Ещё бы!.. К тому же Миша научил меня без паспорта обходиться.

– Ай-яй-яй...

Петушок рассмеялся:

– Ну так же правда проще! Сколько леса для дурной игры в документы перевели! А тут: подбери любую бумажку – она тебе и паспорт, и справка любая, и всё что угодно...

– Ай-яй-яй!..

Петушок подобрал со снега бумажку от конфеты, и она тут же в его руках превратилась в забавную открытку с лентяйцем на шариках Винни-Пухом. Потом картинка замерцала, стала трёхмерной, – и Пух нам подмигнул.

Я пихнул Петушка плечом о плечо:

– Хватит шалить. Отпусти фантик – у него свои заботы. Давай дальше рассказывай.

– Ой!.., а что – дальше?.. Ты же просил рассказать о встрече! Ну вот: мы – встретились...

– А чем тебя там, кстати, кормил Миша? Мёд у диких пчёл таскал, небось?

– Не-а. К вечеру появился Ади с сыновьями. Два мешка еды принесли. Доверху! Вкуснющей!.. – Петушок облизнулся.

– Это ты правильно. Пора бы и нам что-нибудь скушать. Пошли?

– Ага. Пошли! ...А молоко и еду у дверей баньки та – зеленоглазая – девушка оставила. Ну, помнишь, я рассказывал.

– Помню. Симпатичная...

– Да. Она такая серьёзная была, старше казалась, а так – почти мне ровесница.

– Больше вы не встречались?

– Встречались...

И Петушок почему-то очень здорово покраснел...

(С тех пор мы виделись с Петушком часто, но – промельками, мимолётно. Миша то и дело засылал его в какие-то джунгли, пески, болота, катакомбы всевозможные... В одну из наших встреч, когда выглядел Петушок особенно жалостно, я не выдержал и посоветовал:

– Запустил бы ты в Черноярцева чем-нибудь...

– Как это?..

– Да вот так! Взял бы да и запустил. Табуреткой, к примеру...

– Да ты что! Что ты!.. – Петушок прямо-таки ужаснулся.

Совет был и впрямь не из лучших. Мише и без табуреток доставалось от жизни всяко. А Пётр... И моя жалость, и его (иной раз вырывающиеся) вздохи – пустое. Пустое до доньшка! Кому, как не настоящему Мастеру, знать: так или иначе. Помочь расправить крылья, подтолкнуть на взлёт, поддержать в первых испуганных взмахах, – кому, как не Мастеру? В нём есть и жалость, и место для каждого твоего вздоха... Но – главное! – в нём есть сила, способная очистить в тебе от плесени и скорлупы СОКРОВЕННОЕ.

Петушку повезло: он встретил настоящего Мастера.

А д ѝ

А дѝ, которого я видел всего два раза (с интервалом в три дня) был старым молчаливым казахом. Замкнутое, в глубоких морщинных бороздах смуглое лицо, пронзительные пылающие штрихи суженных глаз, хрипкая отрывистая речь...

Адѝ поздоровался со мной поклоном и тут же уставился в глаза. Я ответил тем же. Мы стояли, как два вполне благодушных фехтовальщика, которым не известно: ...для чего они, собственно говоря, обнажили шпаги? зачем? но вот ведь – обнажили...

Прервали нашу упёртую позицию бешеные и заливистые хлопки. Я оглянулся: Миша сидел на крыше сарайчика и, дурашливо оскалась, бурно проплёскивал ладошками.

– Извините... – Адѝ неожиданно резко смутился, даже отшатнулся.

– Да за что же, – во мне отчётливо тренькнула досада, что наша игра в смотрелки так быстро и недоговоренно оборвалась. – Напротив: было приятно и поучительно. ...Михаил Петрович, будьте любезны – слезьте с крыши! Крыша-то трухлявая, не ровён час...

Миша отмахнулся (даже гримасу соорил), но с крыши всё-таки слез. Слез и подошёл к нам.

– Мы на твой спектакль, маэстро.

– Ну-ну...

– Название вот только длиннѐхонькое... – Миша выволок из-за пояса штанов мятую афишу. – Симфония Трагикон... или... Осенняя Модель Мироздания..., – побряхтел. – И что, как ты думаешь, ожидает публика, отправляясь на спектакль с таким названием?..

– Понятия не имею, – откровенно и бодро ответил я. – Посмотрим. Актѐрам тоже интересно...

Миша хихикнул:

– А что ты будешь делать, если актѐры разбегутся? Они, небось, перепуганы, передѐргались все.

– Авось! Кто-нибудь да останется...

– Сева, ты думаешь, никто не поймѐт, что учудится на сцене под видом спектакля?

– Думаю – нет. Зритель будет преимущественно элитно-богемного разлива; эти люди заранее уверены, что всё на свете знают и понимают, зная и понимая при этом крайне мало! А ребята мои скорее всего и впрямь – перепуганы-передѐрганы, как ты это и сам прозорливо предположил... Жаль... Но главное – не их понимание, а пространство, в которое они попадут.

– И мы хотим попасть. Пожалуйста два билета, господин режиссѐр!

Во время этого разговора Адї стоял в сторонке и – улыбаясь – внимательно рассматривал прыгающих вокруг нас воробьев. Услышав о билетах – востепенулся, подошѐл ближе.

(Меня всегда интересовал старый казах. Лин говорил о нём, как о самом лучшем и самом успешном ученике Чернойрцева. Обращению с пещерами Лина учил именно Адї..., и не только этому...)

– Завтра – премьера, на премьеру вход без билетов...

– Ха, премьера! Думаешь, тебе дадут повторить это безобразия?

– Ха, – согласился я. – Вряд ли. Так что – спешите видеть! Хотя... Послушай, а тебя-то что здесь заинтересовало? Всего-то и навсего – плавающие фрагменты...

– Мало ли! Всегда можно увидеть что-нибудь новенькое. Редко я в городах бываю... Да вот и мой мальшш хотел посмотреть.

– Да-да, я хочу посмотреть! – восторгнулся «малыш» лет семидесяти-восемидесяти. – Очень. Да. Вы позволите, Сева?

– Позволю. Валяйте, смотрите, на здоровье!

(Тут, судя по всему, нужно прояснить вопрос о спектакле-действе «Осенняя Модель Мироздания».)

Перед премьерой, намеченной на завтрашний день, ходило немало толков о предстоящем, особенно – среди актёров. Дело в том (и это больше всего нервировало коллектив), что я не ставил никакого спектакля. Были расклеены афиши, была собрана куча рваного тряпья, на предмет причудливого костюмирования, было – довольно диковато и интересно – задумано декорирование зала, сцены... И – всё. Никто понятия не имел, что нужно будет делать, когда соберётся публика...

А всё объяснялось просто: никакого спектакля не будет; вместо спектакля я собирался завертеть между участниками и зрителями пролог одной из Орфических Мистерий. Пролог-инициацию...

Зрители здесь вообще не имели сколько-нибудь самостоятельного значения. Зрительный зал был необходим как создающая круговой экран и отражающая линза. Действо – только для участников, для тех, кто пришёл за три месяца до того (со смутными чаяниями... с невнятными желаниями...) в экспериментальный театр-лабораторию «ТРАГИКОН».)

Я пришёл в театр за два часа до начала. Трагиконовцы собрались далеко не все (кое-кто морально не сдюжил и увильнул от грядущей невнятицы). но те, кто явился – в полной мере отдавали должное мандражу и нервическому стукозубью.

Костюмировались. Прошли в засценье. Краткий инструктаж о принципах начала действия... о чёткой координации и предельном внимании... о спонтанной инициативе... Три месяца даром не прошли: теперь почти все были уверены, что что-нибудь да будет (по крайней мере – бить чем придётся за несостоявшийся спектакль не станут; это утешает).

Начало...

Действо (по версии администрации: измывательство над публикой) длилось часа четыре. Мистериальный пролог, несмотря на оборванность, сработал отлично. Проникновение было даже глубже, чем я изначально предполагал...

Большая часть участников зависла в ошалелом недоумении, типа: «Что это было...? Что же это мы такое накуролесили...?..» Недоумённая пауза в них ничуть не мешала Проникновению, скорее – мне: сколько же ещё надо работать, чтобы расшевелить, растряссти лакомую упрямую духовную спячку!

...Одним словом – надо работать.

А зрители-слушатели... Их реакцию вполне правомерно будет обобщить высказыванием одного моего знакомого: «Это было похоже на одно из двух: либо кошмарный бред, либо бредовый кошмар...!» «Значит, – участливо спросил его я, – тебе не понравилась моя импровизация?» «...А это была импровизация?» «Да». «Значит – только одно, и второго не дано: наглое глумление над нормальными людьми окончательного спятившего и беспардонно, распоясавшегося шизофреника!»

Ну, наглое – так наглое... Чего уж тут...

Миша и Адí подскочили ко мне всего на пару минут, мёлком.

– Не очень складно у тебя вышло, маэстро, но – хорошо! Жаль только, что пролог оборвали. Проникновение может быть неполноценным.

– Администрация не вовремя влезла... Казус...

– Ну ничего, может – обойдётся, – Миша обнял меня. – Сейчас мы уходим; увидимся через три дня.

А Адí, посмотрев на меня (и на этот раз штрихи его глаз были тёплыми...), сказал:

– До встречи, брат...

Через три дня я встретился только с Адí.

...Он тише облака сидел на обломке из слипшихся кирпичей, мягко гудя однотонную простенькую мелодию. На

правом колене – подпертая локтем – лежала толстененькая малоформатная книжка.

При первом обмене взглядами – стало понятно, что мы уже перешли на «ты». Естественно. Не суетливо.

- Что за книга?
- Близкая мне. Друг.
- Можно взглянуть?..
- Конечно. Тебе – да. Возьми...

Увесистая..., изрядно потёртая..., отсыревшая чуть... Цвет обложки – золотисто-ржавый, тёплый. Без автора. Название – по-русски, но – витиевато, трудноразборчиво: «ПРИКОСНОВЕНИЕ. СЕРДЦЕ».

Я раскрыл книгу. Первая страница (из желтоватой плотной бумаги) оказалась чистой... Вторая – тоже... И третья... И все остальные...

Подсел к Адí. Раскрыл наугад страницу. Расслабился.

...И – колыхнулось... качнулось... взнеслось...: летящее и скользящее ... сверкающее... прозрачное... Приподняло... Омыло...

Я вернул книгу Адí:

- Спасибо.
- Если хочешь – оставь её у себя на какое-то время...
- Нет, Адí... Здесь всё уже написано, а я – не всё ещё написал... Мне рано быть рядом с этой книгой...

Мы сидели долго, не шевелясь. Ни гул, нависающий над городской окраиной, ни острый холодный ветер. – во все не мешали нашему теплу, нашему совмещению в щедрости тепла друг к другу. Во мне метнулся малый краешек сожаления, что разнотропье – хоть и соседствующее, но редко пересекающееся – отделяет меня от Миши, Адí, Лина...

Адí это почувствовал, услышал. Нагнувшись – поднял с земли два камешка, протянул один мне.

– Сожми его.

Я сжал камешек, и то же сделал он. От камешка – в ладонь – толкнулась упругая горячая волна.

Разжав кулак – я увидел лежащую на ладони маленькую плоскую медную спираль. И на ладони Адí лежала спи-

раль, точно такая же, спираль-близнец, только – серебряная.

– Мы плывём на разных судах, но по одной реке. Наши суда часто стучаются бортами, – мы можем перекинуть сходни и наведать друг друга. Понимаешь? Даже если река в каком-то месте разольётся широко, изовьётся штормом, разбросает – разделив и поставив преграду из жёстких течений, – всё равно: мы будем знать, что плывём в одну сторону, по одной реке...

Ади уронил свою спиральку на землю. Уронил и я. Спиральки-близнецы вновь закутались в камешковый образ.

– А где Миша?

– У него там кучка неприятностей образовалась. Маленькая кучка... нужно было идти.

– Совсем маленькая?... или...

– Да. Совсем. Ничего серьёзного. Да.

– Хм...

– Маэстро, мы с Мишей разложили из камешков твой гороскоп на ближайшие пару лет...

– И...?

– В нескольких неделях от этого времени тебя ожидает раскрытая дверца...

– Что это, Ади? Что за дверца?

– Не знаю. Миша промолчал, а я такой дверцы никогда не видел. Что-то огромное, очень огромное...!

(Во мне последние полгода часто возникало некое Предощущение; оно нарастало, становилось сильнее, отчётливей... Значит – несколько недель. Ладно...)

Ади смотрел на небо. ...Тяжёлое небо, свинцовое, в потёках низких туч с провислыми лохматыми боками. Давно уже следовало быть дождю, но – дождя не было, и эта вспученная упруго-налитая задержка создавала стойкое ощущение дискомфорта.

– Ты не против дождя, Сева?

– Нет. ...Давно пора!

Ади внимательно огляделся вокруг, встал, подошёл к лежащему метрах в четырёх обломку прессованного мрамора. Взял обломок в руки, поговорил с ним и, резко крикнув,

опустил на землю сантиметрах в десяти–пятнадцати от прежнего (откуда взято было) места. ...Тут же, без всякого громового предупреждения, без первых редких капель – рухнул ливень.

Мы перебрались на автобусную остановку под ржавый козырёк остановочного навеса.

– Я бы не смог так быстро найти связку. Ты просто чудо, Аді! Здорово получилось!

– Связок было несколько... Дождь держали. Кто-то держал дождь...

Дождь... Дождь бурлил вокруг остановки, перемешиваясь с холодным ветром – захлёстывался внутрь, плясал брызгами, грохотал тысячами барабанных палочек по жести навеса. Воздух стал сырым и плотным. Быстро стемнелось.

– Ты отсюда – на Арал?

– Да. Сыновья ждут.

– Мне Петушок рассказывал, как твои сыновья гонялись за ним, пытались накормить какой-то гадостью.

Аді улыбнулся:

– Национальное кушанье. ...Но Петушок и угощателей и кушанье забросал песком. Так что – всё обошлось.

Он перетянул к коленям висевшую на плече холщовую сумчонку и, покопавшись, достал круглый ароматный хлеб, мешочек с какими-то сушёными ягодами и старинную овальную флягу с водой. Расстелил на скамейке тряпицу. Пригласил к ужину.

Мы поели. Пока Аді убирал остатки трапезы в сумку, я поудобней приёрзался, закрыл глаза и на меня накатила лёгкая дождливая дрёма.

– Маэстро...

– А...?

– Там... У той дверцы вокруг тебя было много людей, некрепко, но явно соединённых с тобой людей... Это – опасность. Дверца откроется только для тебя.

– Я вообще не смогу никого туда провести?

– Не знаю... Во всяком случае – войти тебе лучше одному, иначе – опасность.

– Дверца... дверца... Что же это за дверца...? А?

– Судя по всему – Сокровенная Дверца...

– Сокровенная для меня?

– Для всякого...

Помолчали. Дождь усилился. Усилился ветер. Барабанные палочки больше не стучали по навесу, – они сплелись в один сплошной гул.

– Послушай, Адí, а как ты встретился с Мишей? Как вы познакомились?

Тот поднял брови, удивился:

– А зачем тебе? Так важно?..

– Кто его знает... Нравится. Интересно. Я ко всем пристаю с этим вопросом. Кто не против рассказать – рассказывает, кто против – я не настаиваю...

– Здесь нет никакого секрета, но рассказывать – не люблю, не умею. Да и давно было: почти семьдесят лет... – Адí задумался. Встал, отложил сумку в сторону. – Я покажу тебе. Так будет лучше, понятнее.

Мы стали друг напротив друга, соединили руки – ладонь к ладони – и я увидел... (даже – нет, не увидел: перенёсся в туда...)

Пустыня... Горячий песок... Безветрие... Яркое размыто-слепящее солнце...

По песку идёт мальчик. Он полусогнут в ходьбе, он то и дело спотыкается, падает...; почти не смотрит, куда идёт.

Сколько лет мальчику – не угадывается. Может – семь, может – восемь, а может и десять–двенадцать. Очень измождён..., черты лица обмялись – понять трудно...

Ощущается (расплывчато, бессвязно) происходящее с этим ребёнком: беда... большая беда... он уходит от беды, бежит от неё... несколько дней в пустыне... плохо понимает – зачем...? куда...?.. невероятно – до крика! – хочется пить... он едва отдаёт отчёт, что – передвигается, идёт..

Склон бархана. Мальчик падает на спину. Рядом – застывшая, много-оттенково-изумрудной расцветки, ящерица. Она медленно подбегает к лежащему, смотрит на него внимательно, даже как-то сурово... Забирается на

грудь. Ребёнок делает слабую попытку согнать с себя рептилию; руки плохо слушаются..., почти не поднимаются...

Ящерица соскакивает – очень резво – в сторону, и тут же, там, где она упала в песок, возникает тонкий высокий крутящийся вихрь. ...Множество песчинок обрушивается на мальчика, он кашляет.

Моментальным обрывом, секундой – вихрь рассыпается. Возле лежащего стоит мужчина (в длиннополой хламиде, белой шапочке...). Он присаживается на корточки; берёт горсть песка, растирает его в ладонях, – и вот в полуоткрытый рот ребёнка падают капли прозрачной свежей воды.

Мальчик не удивлён; его чувства притупились. Он ловит капли воды, а они падают.. падают.. обжигая губы, расплёскивая по телу надежду.

Я не сразу узнал в мужчине Мишу. Выражение его лица было мне не знакомо, да и само лицо – подёргивалось, переливалось...

Миша взял мальчугана на руки и пошёл куда-то вправо, буквально через несколько шагов – смазавшись и исчезнув...

Дождь перестал. Адí забросил на плечо сумку, поклонился:

- Рад буду видеть тебя вновь, маэстро.
- Я тоже, Адí...
- Появляйся у нас. Мягкой постели, котла с бараниной – не обещаю, но добрую встречу – да. ...До встречи, брат!
- До встречи!

Так вышло, что за прошедшие с того времени десять лет мы с ним ни разу не виделись. Слышать о нём – слышал..., и всегда – расспрашивая об Адí – представлял себе не старого задумчивого казаха, а – мальчика, худенького полуживого мальчика на руках у Михаила Петровича Черноярцева, спасшего и вышедшего его, ставшего ему отцом...

...Но вскоре (я чувствую!) мы встретимся. Хорошо встретимся. Обязательно!

ПУТЬ

Вернулся я домой из театра поздно.
Сын спал. Жена, закутавшись в кофту, занималась
вдумчивым штопаньем.

– Привет, родная моя!

– Привет...

Особого восторга у жены приход мой не вызвал... Де-
прессия была у неё, очередной приступ.

Я прошёл на кухню и поставил чайник.

...Неладное что-то в нашей семье. Всё чаще и чаще воз-
никают трещинки, заболоченности, зябкие туманы... И
вроде – любим друг друга, а вроде – всё дальше, дальше
размывает по сторонам... (Да оно и понятно... Маленькая
девочка выходила замуж за овечьего романтической
дымкой поэта, с репутацией не то сумасшедшего, не то
волшебника. Ко всему прочему – этому поэту пророчили
блестящие материальные перспективы. ...А вышло так,
что за годы совместной жизни девочка хорошо познакоми-
лась и с нищетой, и с голодом, и с протекающими крыша-
ми случайных жилищ... и с моим бодро-равнодушным от-
ношением ко всем этим перипетиям; в ней такого равноду-
шия не было...)

Неспешно пил чай. Смотрел в окно. Грустилось немно-
го..., совсем немного, но – протяжно как-то.

Через час вернулся в комнату. Жена уже спала, щедро отбросив на мою сторону постели бóльшую часть одеяла; бормотала что-то во сне.

Лёт. Не спалось. Спустия какое-то время – понял: очень хочется к морю.

Перевернулся на спину, расслабился; убрал из себя мысли, чувства, ощущения этого мира, и – метнулся к морю... в море...

...Шторм. Бурные, буро-зелёные волны перебрасывают меня с одного пенистого гребня на другой... Ошмётки водорослей, спотыкающиеся о тело... Прикосновение к пальцам, к горячей коже доверчивых ниточек глубины...

Я ныряю в глубину, уходя всё дальше, беспросветней... Вода податливо оскальзывает из моих рук, приближая к тишине, покою...

Плеск. Что-то – подпихивая – настойчиво выталкивает меня на поверхность. Поднимаюсь. Выныриваю из волны; встаю на волне, уверенно ощущая подошвами гладкий морской шёлк.

...Море начинает замерзать: сначала – тонкая плёночка льда проплёскивается по внезапно успокоившимся водам, потом – лёд начинает твердеть, грубеть, утолщаться, напоминая вспухающую броню. По многодальному ледовому полю – из края в край – проносится, проплясывая и мельтеша, голубая сухая позёмка.

Я напрягаюсь, пытаюсь растопить лёд, вернуть своё весёлое гостеприимное море, но – не выходит... Я напрягаюсь ещё сильнее, – попусту: лёд прочен, и позёмка дотошливо, цепко охраняет его. Топаю ногой. Чувствую: мёрзлые окраины, раскинувшиеся окрест, воспринимают меня как капризного расшалившегося ребёнка, и – выпроваживают, стараясь сделать это побережней, поделикатней... Им будто бы тоже не хочется расставаться со мной, но – пора.

Из далёкой медленной, идущей клубами пурги появляется бегущая маленькая фигурка. Вглядываюсь, стараясь узнать... Фигурка приближается... Узнаю...

Он не останавливается; пробегает мимо, крича:

– Что ты здесь делаешь?! Уходи! Уходи отсюда!!

– Миша... – оборачиваюсь я вслед за ним.

– Уходи! Тебя ждут!..

Пурга, идущая за Мишей, – кутает, поднимает, несёт...

...Постель. Тихое посапывание спящей рядом жены. За-медленный стук... стук капель в ухающий чугун ракови-ны... из подтекающего крана... на кухне... Ветер за окном. Комната пропитана серебристо-синеватой дымкой...пуль-сирующей... дрожащей...

Встаю. Иду на кухню. Наливаю в стакан воды. ...Но вы-пить не успеваю, – меня опрокидывает... Одним прыжком – сквозь меня – во всё, – прорастает б е с к о н е ч н о с т ь.

(Со мной такое уже было, один раз, лет за десять от это-го времени. Ощущение б е с к о н е ч н о с т и, ощущение каждой частички твоего «Я», сросшейся с каждой частич-кой МИРОЗДАНИЯ, конца и начала не имеющего...

Я пробыл т а м и т а к – бесщётье эпох, секундная же стрелка на моих часах едва одолела малую пригошню де-лений...

А потом... Потом во мне открылось очень многое: новый уровень видения, слышания, понимания, умений...)

Здесь и сейчас повторилось сперва то же самое: б е с к о н е ч н о с т ь, ощущение одномоментности и одно-равности нашего совместного с ней существования-пре-бывания; всё безграничье форм иллюзорной реальности – трепетной сохлой горошиной уместилось на моём выгну-том ладошками сердце...

Дальше... Дальше – горошина стала увеличиваться, пóлниться; разбухли и смазались складки сохлости, про-ступило – ярчась и сильнёя: – алое свечение. ...Два сердца дышали, прижавшись друг к другу, единым (не разделён-ным нá два) позывом к дыханию.

Сердца соединились – войдя одно в другое, – стали Еди-ным Сердцем.

И сияло ОНО, сияло несказанно! Всё озарено было сия-нием тем, всё озарялось! Озарилось – и я увидел сквозь ма-рево иллюзорной условной реальности изначальное ров-ное серебро Реальности Абсолютной!!!

...Только на мгновение!.. Потом – проступающее кануло, заслонилося. ...Но остались тонкие серебряные ниточки-паутинки со сверкающими – то тут, то там – алыми бликами. И было ЧТО-ТО, что держало серебро нитей (как бы на вытянутых руках), не давало погаснуть ему, быть захлестнутым, затопленным... И это ЧТО-ТО – шептало...; только тогда, услышав ЕГО шёпот – понял: я слышал шёпот БОГА с самого рождения, он был во мне, как и в каждом из разбрызнутых в многообразьях, только – не слушал... только – имел нелепость не слышать ЕГО.

Я провёл рукой по ближним ко мне ниточкам: они были и светом, и музыкой, и движением, и словом, и всем-всем-всем...! Я пригляделся: сквозь ниточковое серебро просверкивала ещё одна – глубинная – нить, Единая Сверкающая Нить, ОЭМНИ.

Мне хотелось броситься в серебряную паутину, как в гамак, – это сулило невероятное наслаждение! Но (почти сразу) понял: нити хрупкий, одно неверное пустое, движение – и они порвутся, лопнут, провиснут гаснущими вялыми стебельками... И кому-то придётся всё это чинить, наращивать, исцелять; трудная работа, работа на износ, до капельки.

Сверкающая Нить толкнулась в меня, вошла, укрепилась. Возникло неизбывное, предельно комфортное состояние тепла и мудрости. Я стал наполняться ясностью: ЧТО, КАК, ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ... Наполнился... Растворился...

Очнулся. ...Настойчивый стук в дверь. Я вскочил и побежал открывать.

На пороге стоял Миша (почему-то в мокрых валенках).

– Проходи... Только – тише, мои все спят.

– Ничего! Сегодня, даже если мы начнём барабанить тазами по полу, – никто не проснётся. Спят – и хорошо. Пусть спят.

Мы прошли на кухню. Я набрал в чайник воды и поставил на плиту. Черноярцев сдвинул табурет в сторону и уселся на пол.

- Ой, тараканчик! Какая прелесть! ...Куда это он?
- Валенки твои побежал уволакивать. Да вряд ли уволачит – мокрые, тяжёлые. Ты бы хоть калошами обзавёлся...
- Ишь, у самого сапоги драные, а другим советует!
- Починим...
- Сева, ты понял, что открылось в тебе?
- Да. П У Т Ь.
- Чай пить будем? А?
- Нет. Заварка отсутствует. Будем пить кипяток.
- И то славно... – Миша покладисто поёрзал по половикам, вздохнул: – Будь осторожен, маэстро. Будь теперь осторожен...
- Да ты погоди с осторожностью! Я почувствовал ОЭМНИ – полнокровно, до витка, – а теперь не чувствую. Почему?
- Почему, почему...
- ...Почему? Ты – Мастер; проясни, сделай милость.
- Ты сам теперь Мастер...
- Я??!
- Ты. Но не думай, что теперь так вот, сразу сможешь полноценно коснуться Преображения ОЭМНИ. Нужно какое-то время, пока это приживётся, вырастет...
- Я бухнул горячий чайник на стол:
- Какое? ...Год? два? три?.. Какое «какое-то время»?
- Миша нацедил в пиалку кипяточек, покрошил туда сухого хлеба, хлебнул. Нацедил себе и я.
- Год... два... три... Хе! – ещё хлебнул. – Я могу сказать, конечно, только – приблизительно; у каждого, понимаешь ли, по-своему... – ещё хлебнул, зажмурился. – Пять-шесть, может – семь...
- Лет?
- Жизней. Не так уж и долго, если не делать беспрестанно глупости.
- Обожаю делать глупости!
- Знаю, потому и предупредил.
- Сквозило. Я понял, что, впустив Черноярцева, – забыл закрыть дверь. Встал, пошёл в прихожую.
- Вернувшись, увидел что Миша высыпал на пол груды

камешков и лепит из них какой-то узор.

– Обрывы. И так и сяк – почти везде обрывы...

– Угу... О чём ты, собственно...?

– Послушай сам...

Я уселся на пол перед камешковым узором и положил на него руки. Узор распахнулся, впустил меня.

...Удары. Закон самосохранения Условно-Конкретной Реальности. Шаг на П У Т И – удар. Чем сильнее и шире шаг – тем сильнее и шире удар. Удары проходят со всех сторон: чем ближе тебе какая-то ситуация, чувство, человек, – тем очевиднее прохождение удара именно через них... Кошмар какой-то!

Я выдернул себя из узора и одним махом руки сгрёб камешки в кучку.

– Бред!

Миша молча собирал камешки в мешочек. Тщательно. Аккуратно.

– Да. Именно так, маэстро... Вот так вот..

– Ты хочешь сказать, что все родные мне люди...и жена моя...и друзья – все! – станут чем-то вроде пусковых шахт для ракет?!

– Эх ты образ замудрил... А впрочем – да. И близкие люди, и твоё здоровье, твой дух, каждое проявление твоих возможностей (с ними – особенно осторожно!) – всё, и – через всё. Ты это пойми, это – важно.

– И сколько жизней ты сам живёшь на минных полях?

– Много. Зачем тебе это? Очень много...

Миша поднялся и пошёл в прихожую напяливать свои мокрые валенки. Когда мы проходили мимо комнаты – жена вскрикнула во сне.

– Тяжёлый сон для лёгкого человека – вдвойне тяжёл. Хорошая она у тебя, светлая, только – слабая...

Он подошёл к постели и провёл указательным пальцем между бровями спящей. Вздохнул:

– Всё. Сегодня у неё будут только хорошие сны. И добрые.

– Спасибо, Миша.

– Да за что спасибо? Сегодня – сегодня, а за его плечами –

завтра, имеющее такое же право на место в этом мире... и оно знает об этом.

Я закрыл за Мишей дверь, вернулся в комнату, разделся, лёг (покрепче обняв соседствующее мне родное и любимое существо)... уснул.

Утром – в размышлениях – проступила очевидность: затея с театром закончилась.

Театр «ТРАГИКОН» был задуман как некая школа-лаборатория для выявления глубинного творческого потенциала. (Того, что есть в каждом человеке. В каждом, без исключения.) Прошедший все ступени этой школы, все углы её, все завитушки – не только приближался к своему изначальному ядру, но и приобретал возможность стать проводником для других.

Прошло всего несколько месяцев от намеченного трёхлетнего процесса, и вот теперь надо было всё сворачивать, комкать. Надо было, резко развернувшись, покинуть поверивших в тебя людей. Это пахивало предательством...

...А что, если взять их – тех, кто и впрямь в е р и т – с собой...? Во мне появилось отчётливое тяготение к компромиссу..., но, при всей отчётливости, – не радостное.

В тот день я не поехал в театр, а отправился (через системы канализации) в маленький уютный подвальчик, где, будучи в Туле, устраивал свою берложку Черноярцев.

– Эй, – крикнул я, всматриваясь в темноту, – есть какая живность?

– Живность, между прочим, баиньки собиралась, – прогудел недовольный Мишин голос. Загорелась свечка, посветлело. – Может, что покушать есть?

– Есть, – я выложил на газетку полбуханки чёрного хлеба и несколько луковиц.

Миша выполз из тряпкового гнезда, придвинулся к газете и с удовольствием приступил к скромной трапезе.

– Миша, тут кое-что надумалось...

– Что?

– Я решил взять с собой в пространство Дороги тех из трагиконовцев, кто на это отважится, кто поверит...

Миша отложил в сторону луковицу и оторопело посмотрел на меня.

– Зачем?!?..

– Попробовать приблизить их к открытию П У Т И, за чем же ещё? Ну, не всех, конечно... кто доберётся...

– Маэстро, твоя школа талантов – замечательная затея, но ты взялся за неё слишком поздно. Теперь тебе надо всё это бросить, и как можно быстрее!

– Я могу повести оба процесса параллельно...

– И что? – сожжёшь себя таким темпом, а они – разбегутся, так ничего и не поняв. Маэстро, тебе нужна сейчас дальняя глубокая ниша для внутреннего преобразования. И чтоб сиденье было мягким, удобным, без малейшей шероховатости... А ты что собираешься делать? – ты собираешься медитировать на бочке с порохом! Да! И кто знает, что останется от тебя после взрыва...

– Авось...

– А где ты возьмёшь силы для контроля за параллельным движением?

– Понятия не имею. Вся надежда на поговорку: нужда припрёт – из-под хвоста жемчуг посыпется.

– Ага... Посыпется... Жемчуг... Навроде овечьего! Только прежде чем собирать его, – лучше подождать, пока подсохнет.

– Однако...

– Ты – начинающий Мастер, ты – как свечка без стеклянного футляра: любой налетевший сквозняк... и – тютю!

– Вот взял бы и помог.

– Нет, милый. Каждый свою кашу варит. Возле твоей кастрюли моей ложке делать нечего. – Миша опять принялся за трапезу. – Лично тебе – помогу. Если расплющит. ...Если, конечно, будет кому помогать.

– И на том спасибо... Я пойду. Ты здесь ещё долго?

– Нет. Ждут меня. Вот только вздремну...

– Ты появляйся, Миша. Хоть и есть у меня родные люди, а без тебя одиноко как-то, ветренно.

– Ну куда я денусь? Появлюсь. Твои выкрутасы – лучшее в мире зрелище! Ни за что не пропущу.

Я медленно направился к выходу. Миша окликнул:

– Сева, ты же сам не хочешь того, что затеваешь. И – боишься.

– Да.

– Похоже, ты из тех, кому надо получить несколько ударов копьём, прежде чем понять, что ты – жив.

– Пока...

Миша легонько подул в мою сторону, и тяжесть слизнулась, ушла. Я выбрался на поверхность и в довольно жизнерадостном настроении зашагал к дому.

...Трагиконовцы находились в изряднейшей паузе.

Я рассказал (то, что мог рассказать) и объяснил (то, что мог объяснить), но почти никто ничего не понял. В зрчках большей части коллектива плавала очевидная сумятица, которую можно было сформулировать примерно так: «Мэтр окончательно спятил. Караул! Спасайся кто может!»

Я не мешал сумятице. Не помогал определиться. Ждал.

Несколько дней продолжался разброд. Многие жалели, что такое чуждое театральное начинание накрылось медным тазом, с грохотом! А взамен – запахло какой-то сектой... (кстати: слово «секта» с тех пор частенько навевалось к нам в гости, без всякого приглашения и с разных сторон).

По одному (а то и парами) трагиконовцы стали разбегаться. Осталось восемь человек; все они были разными: по характерам и возрастам, по образованию и воспитанию, по желаниям и стремлениям. В одних я видел твёрдость в решённом, в других – поверхностность и недомыслие..., но и для того и для другого цензор один – время.

...Так, в начале 1996 года в Туле возникла община, о которой прображивало немало смутных и противоречивых слухов, далёких от достоверности и ума. ...А у меня появились опекаемые, те самые «навроде учеников», которых некогда с пророческой непререкаемостью посулил мне Миша.

Община

Округляя – ситуация общины длилась пять лет (с 1996 по 2001). За эти пять лет мы редко виделись с Мишей, да и то – чаще урывками.

Как и прежде, он категорически отказывался знакомиться с кем бы то ни было из числа моих родных и друзей, утверждая – и вполне резонно, – что подлинные встречи происходят иначе. Понятие «знакомиться» было для него вообще чуждым. (Знакомство без в с т р е ч и воспринималось Мишей как дело заведомо пустое и зряшное. Знакомство, это – в лучшем случае – возможность ко́нтакта, встреча – возможность соединения; здесь такая же разница, как – к примеру – между любопытством и интересом.) Да и вообще: за годы прорисовалась забавная закономерность: мои «странные» знакомые с неукоснительным упорством избегали контакта с моими «не странными» или «странными слегка» знакомыми. Всё время приходилось общаться на два изолированных по отношению друг к другу круга (хотя – нет: «странные» знакомые знали почти всё о «не странных», а те, в

свою очередь, – знали о «странных» очень немногое, обрывками, почти ничего).

Я немало досадовал на такое (пусть – естественно образовавшееся) раздвоение; и там, и там, – были те, кого я любил, к кому тянулся сердцем и кто тянулся сердцем ко мне. Ну не в досаду ли такое?..

Осень. Ночь. Чавкательно-непролазная, обильная в замусоренности и потёмках набережная Упы (ул. Дрейера). Поговорив о многом – многое обсудив и многому улыбнувшись, – мы с Мишей подходим к дому, в пристройке которого проживало одиннадцать (крайне пугающих своей необычностью соседей) человек.

Осенний дом спал. Окна были тёмными и холодными. Торопливо – за обрывом, за голым кустарником – шумела река. Моросил дождик; мягкий дождик, почти тёплый.

– Зайдёшь? ...Сегодня вечером мы работали с протоком лёгкой энергии, так что – все спят, крепко спят.

– Зайду. Посмотрю на них.

Мы миновали скрипучие коридоры и зашагнули в кухню. Я включил свет и увидел прямо-таки восторг Миши от зрелища великого множества тараканов, хлынувших по углам.

– Ну куда же вы??! – воскликнул он и протянул ладонь.

Два таракана, бежавших по тумбочке к стене, развернулись и на полном бегу ткнулись в его ладонь.

– Хорошие мои... Страдальцы...

(Черноярцев просто-таки обожал насекомых. Мог принимать любой из их образов, общаться на любом расстоянии и с любым видом. Я же к насекомым был нейтрален; из всех соседствующих с людьми форм существования ближе и роднее всего воспринимались мною деревья. С детства. С многих-многих прежнерождений. Ну а он... Он был протянут – одновременно и равнозначно – ко всем формам-проявлениям (без исключений!). Подобные умение и глубина всегда были мне желанны и вызывали безусловное восхищение.)

Миша присел на корточки и бережно спустил тараканов на пол. Те не спешили уходить, жались к Мишиным ботинкам.

– А твои ребятки их не обижают, вот оно как... Молодцы!

– Мои ребятки никого не обижают. Они хорошие. ...Голодные только всё время.

– Ага... – Миша стеснительно поскрёб макушку. – Я, кстати, тоже... Найдётся какая-нибудь корочка на вашей сиротской кухне?..

– Корочка... Хлеба-то у нас и вовсе нет, – ни в виде буханок, ни в виде корочек... Но есть зато немного чаю, свежие огурцы и чеснок. Будешь?

– Огурцы, с чесноком и чаем?.. Хм... Буду.

Пока грелся чайник, мы прошли в комнату. Все спокойно спали. Почему-то пахло вишнями...

Миша пробрался к окошку и оттуда внимательно оглядел лежащих. Поднял руки и под потолком возникла – размытой шёлковой нитью – серебряная спираль. Она поколыхалась, покачалась немного, приобретая чёткость, яркость, и – расплеснулась множеством лучиков, соединившись с висевшими у каждого на груди малыми медными спиральками. На макушках крепко держащихся за сон людей заплясало горячее бело-золотистое свечение.

– Спасибо, Миша... Только – зачем...? Привычка к донорским вливаниям – опасная привычка. Они должны сами добраться до источника...

– Так дети же ещё...

– Ничего себе, дети! Они – мои ровесники; кто – чуть помоложе, кто – чуть постарше.

– Они – твои опекаемые. ...Дорога только началась, а ты уже начинаешь выматываться. Не заметил?

– Заметил.

– Как там жемчуг из-под хвоста?.. Ещё не сыпется?

Я рассмеялся:

– Ехидная вы личность, Михаил Петрович, даром что со сколопендрами о философии беседуете! А пойдёмте-ка лучше чай пить, с огурцами. Ладушки? И тараканов пригласим.

Миша направился к двери.

– А! Этого я знаю! ...Женя? Поэт?

– Да.

– Это тот, который со мной знакомиться не пожелал? Правильно?..

(Как-то, спускаясь с Женей по Ленинскому проспекту, мы остановились у пешеходного перехода. Ему – домой, мне – в магазин. И тут я увидел на углу кукольного театра приветственно машущего шапочкой Черноярцева. Обрадовался – не виделись два месяца! – повернул к нему.

«Женечка, – спрашиваю, – хочешь, я тебя с интересным человеком познакомлю? Невероятно интересным!»

Женя, будучи в мрачном настроении, оскользнул Мишу хмурым взглядом и, буркнув: «Что я, бомжей никогда не видел?..» – махнул через переход.)

– Не судьба, видать.

– Ну, он у тебя в бомжах не задержится, – очень уж угловат... А – жаль! Настоящий поэт. Я видел его стихи: хорошие стихи!

– Хорошие... – Из кухни донеслось шальное гудение. – Пошли быстрее, там чайник выкипает!

...Первым делом Миша налёг на огурцы.

– Ладные огурцы, – чавкал он, – сладкие, душистые...

И вдруг перестал чавкать.

– А знаешь, маэстро, что меня несказуемо удивляет?

Я промолчал, старательно разжёвывая огурец.

– А удивляет меня, что в общем пространстве есть место для твоей общины, и вписался ты с ней аккуратно между слоями, – тютелька в тютельку! Знал об этом?

– Нет. Ну, а чему тут удивляться? Чему? Удивляется он...

– Да всему! Шансов на реализацию твоего бредового замысла почти нет, а место в пространстве – есть!

– Глядишь – и шансы появятся...

– Ну откуда? Начал ты – замечательно, темп взял ещё замечательнее – на зависть просто! – но на этом всё замечательное и обрывается. Ты ведь уже заметил: они смотрят на тебя всё чаще не как на обучателя, а как на дарителя. ...Ты сумел прикрыться зеркальным куполом и большая часть ударов в тебя – не проходит. Так?

– Так.

– Но удары-то, те, что до тебя не добрались, куда-то да деваются?

– ?

– В них! Как в консервных банках. До поры...

– Миша...

– И самое главное, – оборвал он меня, – ты по-прежнему слабо чувствуешь ОЭМНИ; и ориентируешься с трудом, и почти не способен восполнить ту энергию, которую плещешь из себя с щедростью Рога Изобилия. ...Что – Миша...?

– Миша, тебе чаю налить?

Да знал я всё это, знал! Но вариантов-то не было... Так что говорить? Если дорога под твоими ногами становится раскалённой, как сковородка, а свернуть-обойти – негде, то остаётся только одно: стиснуть зубы покрепче и – идти. Да.

...Ребят стало втягивать в провалы. Вот, к примеру, целую неделю идёт работа; успешная работа, обильная по результатам. Ступенька – закрепление, ступенька – закрепление. Всё чудесно! И вдруг, в конце этой недели – проснувшись поутру – обнаруживается, что вся недельная работа стёрта! Вся! Только какие-то обрывки и ошмётки плавают... ..И – сначала. ...И снова – провал... И они этого почти не осознают! Огромные пласты духовной лени, прижившиеся и не разогнанные (это, в свою очередь, позволяет провалам разгуливать-маневрировать как заблагорассудится; в одиночку за ними – как угонишься?).

Да что – провалы! Они – лишь немного из того, что, лавинообразно нарастая, сыпалось со всех сторон. Нигде, как в ситуации общины, я не наблюдал столь яркого и почти что вовсе не камуфлированного проявления Закона Самосохранения Условно-Конкретной Реальности. О, Закон умело играл на клавиатуре комплексов и пороков, беспросно квартирующих в каждом! Да, ребят уже не слишком смущало голодать, спать на полу под истёртым одеяльцем (они научились спать и на земле, и на камнях, и в сугробах), но как много было ещё такого, что смущало (яв-

но и прямоударно), провоцировало, размалывало неокреп-
лые духовные приобретения-образования!

...Ну и, разумеется, приблизился критический момент, когда духовное движение-развитие стало угрожать пре-
вращением в духовное выживание; ...кучка застывших по-
среди трещинного горного склона скалолазов, на пони-
зывающем ветру, плюс – со слабой волей к неукоснитель-
ному продвижению в сторону вершины.

Всё, что я мог теперь для них сделать, – это закрепить
(закольцевав в потенциал) то, что они уже сумели приобре-
сти, и перекинуть мостки для достойного и ненадрывного
ухода. ...И – продолжить дальше, с тем (или с теми) кто по
мосткам не то что не побежит, а и не дёрнется бежать.

Я решил сыграть роль Бармалея (в переводе на язык
взрослых: умной концентрированной сволочи). Подобная
роль сложности не представляла. Уже давно – закоулками –
бродили по мой адрес красочно-мрачные ярлыки, как то:
«монстр», «инопланетянин», «колдун», «антихрист», «охот-
ник за душами», «чёрный психолог» и т. д. и т. п. Одним сло-
вом: бредятины и самой что ни на есть обычной глупости
хватало с избытком. Мои братья и сестры, те, кто жил со
мною бок о бок изо дня в день, относились к подобной ерун-
де с нормальным здоровым смехом. ...Но, тем не менее, не-
заметно для них – что-то да просачивалось, что-то да осе-
дало, а осев – жило самостоятельно.

Выбрав день, я объявил, что ситуация совместной До-
роги была – всего-навсего – психологическим эксперимен-
том, а эксперимент оный предназначался для целей столь
далёких и сложных, что объяснить-растолковать более
подробно я не имею ни возможности, ни желания. Всё.
Всем спасибо! И – смиренно извинился...

Все, кроме двух человек, приняли эту соломинку, цепко
обхватив её уставшими лапками. Хотя – такое трудно не
заметить! – никто в глубине души «психологическому»
вздору не поверил.

С семьёй и двумя недогнущими я переселился (поч-
ти на год) в полузаброшенную лесную деревеньку, в пус-

той – не слишком пригодный для жилья, но очень уютный – дом.

Черноярцев в тех местах не показался ни разу. Для него это был трудный год, год многих отяжелений и малого солнца. Мне с трудом удавался контакт с ним. Нередко (часто!) контакт резко обрывался, можно даже сказать – срезался (и срез был чистый, гладкий...). А иногда, вместо общения с Мишей, – меня попросту заносило в куда-то непонятное: тоннели... красивые низкорослые люди... озёра с фосфоресцирующим чем-то... странные животные... огромные дрожащие кристаллы...

«Вот ведь, – думалось, – эх его носит всё время, неутомного!.. Может – помощь нужна, да ведь – не попросит, не скажет...» Как только у меня получалось почувствовать Мишу, – я благословлял его и желал Доброго П У Т И.

Идущий по тропке ОЭМНИ – ни с кем не враждует, всему – в надежду. ...Но как объяснить, не предложив ощутить собственным хребтом, какова тяжесть груза на плечах и д у щ е г о?.. Редко кто предложит помощь (фи – тяжести таскать! ...куда там! – подавай героизм: чтоб мечкладенец сверкал, чтоб белый конь под тобой выплясывал, и – конечно! – аплодисменты с облаков...). А тяжесть великая, несомая почти в одиночку, часто обращивается великой болью. И я знаю (знаю!), – хватало, хватало боли в жизни букетика-Миши, боли пронзительной и боли глухой, боли, раскрашенной всевозможнейшими красками, и боли – обесцвеченной (до полной истёртости, до расплыва)...

«Эй, Миша, отзовись...!»

Мы вернулись в Тулу. У нас появился свой собственный – маленький и невероятно родной – Домик. Домик стоял почти у самого края огромного городского пустыря, который был вовсе и не пустырьём (вовсе!), а – сердцем ГОРОДА, Долиной Тёплых Туманов.

И именно там, в Долине, я наконец-то встретился со старым Ткачом после долгого напряжённо-тягостного перерыва. ...Миша недужил, – его здорово потрепало; теперь

он не производил впечатления сорока-пятидесятилетнего мужчины: все его сто с лишним лет (и ещё – столько же) были при нём... Ввалившиеся потускневшие глаза, рытвины морщин...

– Что с тобой, Петрович...? Хороший мой, что с тобой?

– Устал... Устал я, маэстро, лихо устал!..

Мы сидели в тени недостроенного – сборванного посередке – заброшенного моста. Интересный мост: никуда не вёл, ни над чем не стоял (ни речки, ни оврага); мост – сам по себе...

– Я поживу здесь денька два. Ты приходи ко мне почаще... Сможешь?

– Конечно! ...Миша, может – лучше ко мне? в Дом... А?

– Нет... Мне твои – в тягость... нынче – в тягость. Не обижайся! Нет... я – тут... тут хорошо, светлое место...

– Не обижаюсь. Привык. Ты сиди, а я пойду что-нибудь поесть соберу, да и постель тебе надо устроить... Жди!

В Долине, под мостом, Миша задержался не на два дня, а почти на неделю. Долина Тёплых Туманов берегла его, выхаживала. Я ощущал – остро, отчётливо – как этот заросший многотравьем и многодревесьем простор берёт на колени, ласкает, баюкает маленького болящего старичка.

(Долина Тёплых Туманов – изумительное место! Обомкнутое со всех сторон городом, – оно живёт своей, не похожей на обомкнувшие её пределы жизнью.

Внешне (для взгляда мимоходного, случайного, для взгляда суетливого) это разнообликовый пустырь: рощицы..., останки строений..., болотца..., поросшие травой груды строительного (и всякого иного) мусора..., речушки-ручечки... Для человека же, протянутого к ней и сердцем, и вниманием, – Долина постепенно начинает раскрывать – дверцу за дверцей – свои необычности... Их много!

Долина Тёплых Туманов – живое, очень мудрое и чуткое существо. Если (пусть этого не будет!) озабоченные и ретивые чиновники вдруг решат расчищать и застраивать это место – город начнёт задыхаться. Без преувеличений! Стоит только – слепо и грубо – влезть в Долину с экскаваторами, бульдозерами и прочими несчастными железзяками во

имя расширения цивилизации – город оплеснётся болью, начнёт гнить, гаснуть...

О, только не безобразничайте там, прошу! Так мало осталось в мире такого, до чего – в высокомерии, безразличии и невежестве – не докоснулся бы человек, изгаживая и калеча!.. Придите – и сядьте на верхушке недостроенного моста, вдохните небо (оно там совсем другое!..), улыбнитесь... Всем вашим печалям – найдётся утешение, сомнениям – верная ясность, грохоту и мукам – тишина и покой.)

...Несколько раз у моста появлялся Ловец.

Видел я его всего один раз – минут двадцать, – он делал Мише массаж длинной костяной палочкой с насечкой из каких-то диковинных физиономий. Кажется, мы друг другу понравились, хотя не было сказано и слова. Ловец обращался с больным сердито-нежно, очень по-родственному.

Миша мне рассказал о нём очень немного. Ловец – Мастер ОЭМНИ (далеко уже не в первом воплощении), индус, ста сорока лет. Последние два с лишним года живёт в Антарктиде...

– И не мёрзнет? Индус как-никак...

– Нет, – засмеялся Миша, – он никогда не мёрзнет. А потом, у тебя неверные представления о южном материке; внизу – тепло... жарковато даже, по моему разумению.

– Везде?

– Не везде. Но в большинстве регионов – особенно на глубине – тепло. И – хорошо...

– А где ж тебя так прохватило?

– Меня не прохватило, меня –хватило... И вовсе не там. ...Ошибся в фигурах кристаллов... оплошал...

– Как это?..

– Маэстро, не сейчас... Ладно?

– И-эх... Ладно, конечно. Пойду до колонки, воды тебе наберу.

– Пару бутылок, не больше, – привстал, качнувшись. – Я завтра уйду.

– А то бы задержался...?

– Меня Петушок ждёт, – Миша улыбнулся. – Очень ждёт...

А работа в моей, уже – крохотной, общине тем временем продолжалась. В двухтысячном году наконец-то удалось подвести одного из опекаемых к р а с к р ы т и ю. Ему оставался всего один шаг. Но – барьер... Он никак не мог сделать этого шага! Я решился отправить своего застрявшего брата к Песчаному Цветку... Не дошёл, вернулся. Снова отправил... Снова не дошёл. Барьер.

...С конца 2000 года, с декабря, надо мною (и вокруг меня) завис тёмный, с багровыми прожилками, кокон. Это была сгустившаяся и пять лет отодвигаемая кувалда, вполне способная не только раскрыть череп, но и расплющить. Я лихорадочно искал просветы-варианты, в которых нашлось бы решение для всех провисаний сразу. ...И просвет-вариант возник, высветился: энергия Моря. Если только оно позволит... Если только оно согласится оделить меня от своих изрядно оскудевших капиталов...

Звал к морю и Миша. Настойчиво. Непонятно.

В конце весны 2001 года я уехал. Уехал с тем, чтобы – вернувшись – быть в состоянии разобраться со всеми смутностями-неурядицами.

...С электрички – на электричку, с электрички – на электричку... Дело известное.

В первом же прогоне, на первой же станции в вагон неожиданно впорхнул Петушок.

– ...Вот здóрово! – выдохнул он. И кинулся обниматься. Дальше – до моря – мы добирались вместе.

Зеркальные мистерии (внеглавье)

Тот год, который я провёл в деревне, – Миша провёл в Саянских пещерах (недалеко от Байкала), у Лина. Он проводил Малую и Большую Зеркальные Мистерии.

Работа эта, требующая огромных сил и невероятного труда, поначалу не задалась. Ученики Лина в течение полугода никак не могли прошагать первые три ступени Малой Мистерии. Но потом всё пошло на лад: большинство из них – продравшись-таки через первые ступени – легко (в течение трёх недель) преодолели и остальные восемнадцать. Преодолев – это были уже другие люди: люди, похожие на прекрасных новорождённых бабочек... Миша наконец-то смог, вместе с Адí, приступить к Большой Мистерии.

Такое здорово выматывает, как выматывает любое безоглядное' движение в сторону **о д н о з н а ч н о й** **н у ж н о с т и**, однозначно подлинной цели. Адí – по завершении мистериальных витков – приходил в себя несколько месяцев, Черноярцев же – две недели отлёживался в Туле (в Долине Тёплых Туманов).

Я попробую (вкратце и бегло) пояснить-рассказать, что же такое Зеркальные Мистерии. Не описать – нет; неопи-сваемое описать невозможно... (Пережить – это другое дело! Мне думается, что пережить подобное было бы необходи-

мо всякому ныне живущему. Всякому, да! Малую Мистерию можно сравнить с чаном, после омовения в котором с человека сходит первый – самый липкий и жирный – слой коросты, а прочие слои – размокают (в той или иной степени). Главное: продолжить очищение, не останавливаться, не дать размокшему засохнуть вновь...)

Зеркальные Мистерии проводились с незапамятных времён, проводятся и поныне (и не только в нашей форме бытия, – во всех). Но, конечно, на пике Железной Эпохи они редки...

Тропинка Малой Зеркальной Мистерии начинается обрушением мостов. Ступивший на тропинку – насовсем (насовсем!) отделяет от себя возвращение (возможность возвращения) к себе прежнему: либо – пройти, либо – согнуться; нет мостов за спиной, – вспять не развернёшь. Это – решение сильного. Осознание безоговорочной нужности такого решения уже само по себе свидетельствует о пробуждении в человеке прочно встающей на ноги духовной зрелости. Но, разумеется, прохождение состоится только в том случае, если Мастер-Ведущий различит в соискателе явную (стоцентную) способность дойти до венчающего витка.

Благополучное проведение Малой Мистерии в основном зависит от двух слагаемых: места (во всех отношениях пригодного и – обязательно! – благосклонного к проведению), и – Мастера (его возможностей, желаний, состояния). Впрочем: где нельзя – там и не будет, кто не сможет – тот и не начнёт.

Начинает *идуший* с прохождения системы коридоров-миражей, пройдя которые – забывает всё: своё прошлое, свои разноцветные многоликие «я» и даже – что он находится в каком-то процессе, что он отважился ступить (и ступил) на тропинку Мистерии... И идёт теперь по тропинке человек как таковой: руки, ноги, голова, туловище, внутренности..., плюс – все пороки, все слабости (но – и достоинства, и сила), – всё что есть и как есть, без скорлупы, распахнутый вихрящийся клубок.

А дальше... Каждая ступенька – жизнь, целая жизнь, прожитая острыми пиковыми фрагментами. Как правило, на первых ступенях *идущего* буквально захлёстывают кошмары, боль, отчаяние. Он всё это принёс с собой, в себе (из прожитости нынешней и из прожитостей предыдущих). Теперь *п р и н е с ё н н о е* – раскинувшись, обретая полную свободу – создаёт вокруг него индивидуальную условно-конкретную реальность; страх, безумие, ощущение обречённости – характерные черты первых ступеней.

Следом (невидимо для *идущего*) скользит по подземному лабиринту Мастер. Он сплетает из коридоров-миражей узоры, и узоры *идущего* в себя втягивают, заключают в себе, уподобляясь многоходовым бережным руслам. Мастер поддерживает вокруг индивидуальной реальности экран, не позволяя тяжкому и ранящему вырваться на волю, покинуть окольцовку лабиринтов. И, разумеется, – внимательно следит за *идущим*, позволяя кризису мять его, но – не позволяя смять и раздавить; внимателен, чуток.

Жизнь... жизнь... жизнь... Каково это: прожить десять лет узником Бухенвальда?.. неделю – цветком, срезанным для вазы?.. век – застрявшим в ущелье ветерком?.. Все страдания – и те, которым ты был причиной, и те, которые взрастил твой страх – настигают, захлёстывают, окутывают... Но – они больше не пропитывают тебя, они – вокруг, а то, что в тебе *с и л ь н о г о* и *п р е к р а с н о г о* – понемножку заполняет покинутые ими ячейки «тебя». Так, постепенно, омывается и высвечивается подлинное «Я», соединённое тончайшими прозрачными ниточками с БОГОМ.

Шаг *идущего* становится всё крепче и мелодичней; ёмкость лабиринтов исполняется простором, годным не только для широкого вдоха, но и для взмаха крыльев; отражения – блики Мистерии, – начинают отражать *и н о е*. И это *и н о е* (воистину!) учит тебя летать... – духом, порывами, сердцем, всем-всем-всем...! Вот ты уже и летаешь, летаешь так, будто бы – летал всегда!

Виток за витком, – *идущий* приближается к венцу, к последней ступеньке. Он вспоминает себя прежнего, но вспоминает как сон...развеивающийся сон... исчезаю-

щий... ...За обводом всех ступеней – рядом с Мастером – стоит совсем другой человек:

ЧЕЛОВЕК.

Большая Зеркальная Мистерия – танец-песня Ткачей. И если Малую Мистерию проводят в подземных пещерах, то Большую – на вершинах гор. Изъясняясь предельно строго и сжато: смысл Большой Мистерии – в создании идеально отражающего зеркала, способного отразить всю силу и ясность Ткача, а отразив – выплеснуть в мир, в мироздание.

(Конечно, для мироздания это – капельки... Но именно из капелек возникают наполненные до краёв чаши. Именно из них! Из чего же другого?..)

Танец-песня, с перерывами, – продолжается много, много дней (и ночей). Огромный труд, великий труд, изнурительный. В Долине Миша не просто – появился, а – появился-приплёлся; весь выжатый, весь больной и очень-очень старый...

(Но... Но, кажется, на П У Т И стало чуточку светлее... Да нет! – не кажется, – так и есть: светлее! Мне вовсе не показалось.)

Большая Зеркальная Мистерия – соединение с прямым (открытым) потоком ОЭМНИ, при котором происходит исцеление-восстановление наиболее разрушенных, наиболее повреждённых его участков. Одновременно – растёт уровень Мастера-Ткача; он, миновав изнурения и недуги (эта работа – работа на пределе), становится выше, пронзительнее, сильнее.

(Люди слишком заняты копошением в своих муравейниках, слишком увлечены пожиранием-потреблением всего, до чего могут добраться. Но... но ведь кому-то ж надо и работать! За всех, для всех (для всего...). Что поделаешь, если все остальные так заняты, что им недосуг задуматься, а задумавшись – приблизить (хоть на чуть-чуть!) СЧАСТЬЕ, БЕСКОНЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ В БЕСКОНЕЧНОСТИ.

БОГ – во всём, в каждом. Но не каждый позволяет себе слышать ЕГО, а уж тем более – слушать... Люди во многом

себе разрешают прикасаться к имени БОГА: выпрашивать, клянчить, ругать, умолять, обвинять, требовать благословения, ...а зачастую и попросту – присваивать себе право определять и судить от ЕГО имени! А вот задуматься, что ОН нуждается в помощи и благословении куда больше, чем все мы, вместе взятые, – куда там!..)

...Случается, что во время проведения Больших Зеркальных Мистерий Мастера гибнут (в физическом смысле). Но, разумеется, рождаются вновь, по-прежнему – Мастерами ОЭМНИ.

Очень важной составляющей подготовки к прохождению витков Мистерии (и Большой и Малой) является работа с пряжей – активными, генерирующими миры сгустками, имеющими условно-конкретное ора́мье той или иной формы. Я называл их всегда метафиксациями. Это могут быть стихи, живопись, музыка... Не любые – нет! – ж и в ы е.

То, что в нашем бытийном объёме называется Искусством, возникло как побочное (и весьма чахлое...) ответвление некоторых из практик ОЭМНИ. Увы, проблески подлинного сверкания – от века к веку – становятся всё более и более редкими в Искусстве. Трудно прижиться в цветочном горшке отломанной от дерева ветке, почти невозможно. А что делаем мы?.. Вместо того чтобы дать себе отчёт в усыхании оной, схватиться за голову, принять хоть какие-нибудь (но – срочные) меры, – делаем вид (чего там...) что всё вполне чудесно; нет листочков – начеканим из золота да серебра и приклеим-повесим, кора стала отваливаться – подкрасим-расцветим. Ох... Хотя – вполне закономерно: от того, кто отламывает (игнорируя сиротство и боль) частичку от живого – иного и ждать не приходится.

В своих проброждениях Миша (и не только он) часто, но – не заметно, не явно, – идёт на контакт с художниками, поэтами, музыкантами. Реже – с представителями театральных форм. И – случается! – находит живую сверкающую пряжу. Не часто, конечно, совсем не часто... Практика метафиксаций уже сама по себе обратилась затерянным в

высокой траве ручейком, полноводной раздольной рекой некогда бывшим. Но ведь он опять может стать рекой, это возможно! С теми, кто был рядом, я занимался (в «ТРАГИ-КОНЕ», и – позже – в общине) азами этой практики; я убедился: дух, даже изначально отчуждённый и слабый, очень чутко реагирует на подлинное сверкание, жадно тянется к нему..., но – с трудом пропитывается (очень уж ссохлось всё...). И именно поэтому, без изначального вхождения в пространство метафиксаций – вхождения тончайшего, в унисон – прохожденье по виткам Малой Зеркальной Мистерии попросту невозможно. А в Большой – это лекарство для повреждённых нитей; куда без него?..

...Вы бы слышали, как во время венцового витка резонируют горы! Такое не передашь...

Как-то я был свидетелем, как один человек упрашивал Лина допустить его к прохождению Малой Мистерии. Лин сказал, очень мягко:

– Ты же совсем неготов. Совсем.

– Но я чувствую, что смогу! – горячился человек.

– Нет, это не так. Ты – не готов.

– Я уже двадцать лет занимаюсь йогой и всяческими восточными практиками! Я не новичок!.. Да я...

– Бедолага, – сочувственно и совсем уж мягко сказал Лин, – как же тебя так угораздило... Э-хо-хо...

– Я смогу. Обязательно! Допусти, очень прошу, – для меня сейчас нет ничего важнее...!

Лин присел на корточки, сгрёб в большую горку песок и, отойдя от горки метров десять, расстелил на земле платок.

– Хорошо. Я возьму тебя, но при условии: ты перенесёшь всю песчаную горку на мой платок. Всю. П о о д н о й п е с ч и н к е.

– Как это?..

– Так: берёшь песчинку – относишь к платку – кладёшь – возвращаешься – берёшь следующую – ...и т. д.

Темпераментный соискатель сначала оторопело посмо-

трел на Лина, потом – умоляюще – на меня. Я развёл руками: полез, мол, через проходную – показывай пропуск...

Он начал носить песчинки. Два часа... Три... Пять... На платке (за пять часов) появилась всего-навсего крохотная щепотка песка.

На шестом часу соискатель не выдержал: ударил ногой по песчаной горке, развалив её, и – выругавшись – ушёл.

О Т О М . . . О С Ё М . . . ,
А В Ч А С Т Н О С Т И —
О Б О Б Щ Е Н И И . . .

Мне всегда было любопытно наблюдать, как Михаил Петрович Черноярцев общается с людьми. Да что там, любопытно! – интересно.

Миша прекрасно умел быть невидимым (если, конечно, хотел этого). Вроде бы он – тут, а вроде бы – и нет никого...

Как-то, когда шли мы, прогуливаясь, вместе по улице, к нам – повстречавшись – присоединился один мой знакомый, поэт. Идём втроём. Беседуем. С этим самым знакомым-поэтом (его имя Андрей) мы работали в то время вместе над литературным ежемесячником «Авторская Газета». Беседа свернула на газету: на литературу вообще и на поэзию в частности. Я мало участвовал в говорении, в основном имел место диалог между Черноярцевым и Андреем. Андрей, будучи человеком не только с отменным чувством вкуса, но и с живым, дышащим интеллектом, вполне оценил парадоксальность и многослойную необычность говоримого Мишей. Диалог развивался весьма оживлённо.

Но: нам – в одну сторону, Андрею – в другую. Попрощались. Разошлись.

На следующий день я встретился с моим знакомым в нашей полулегальной редакции. Первые же вопросы (хотелось поразузнать о впечатлениях) показали: Андрей не

только не помнит о Черноярцеве, но и вообще – о беседе... Да, он помнил, что мы с ним встретились, что какое-то время шли вместе, что перекинулись несколькими словами по поводу некоторых авторов, печатаемых в нашей газете... и – всё.

– Андриюшенька, ну хоть жёлтополосую шапочку помнишь? Она яркая такая, запоминаемая...

– Какую шапочку?

– С жёлтыми полосками, рыжую. Она была на том субъекте, с которым ты так многоречиво беседовал.

– Да не было никого! – Андрей рассмеялся: – Вечные твои розыгрыши!.. Всё, считай – оценил...

– Ну-ну...

Несколько раз Миша появлялся в «ТРАГИКОНЕ». Сидел на репетициях, болтал с ребятами в перерывах, даже участвовал в нескольких этюдах!.. ...С ним говорили, с ним вместе работали, здоровались и прощались, пожимая руку..., но – как будто не видели; забывали, как только пропал контакт – зрачок в зрачок...

– Миша, зачем тебе это?..

– Не хочу наматывать на себя лишние ремешки. Если бы всякий раз, когда мне случается с кем-либо соприкасаться, я оставлял бы это соприкосновение на себе – то уже давно запутался бы в эдаком месиве! Оставлять надо только то, что просверкнёт как родная необходимость. ...Вот тебе, Сева, разве не трудно передвигаться с многорядной грудой людей вокруг себя? и с ещё большей грудой разнородных мнений в свой адрес?

– Трудно, конечно. Но я, периодически, расчищаю личное пространство: обрываю контакты, меняю формы и методы общения, образ... ну и так далее.

– Очень громоздко! Да и, кстати, – может быть очень-очень болезненно... Нет уж, я – по старинке...!

О Мишу стукнулся – в торопливости и рассеянности – Андрей (тот самый «знакомый»; теперь мы вместе были в театре).

– Ой, извините!

– Чего ты выкаешь? – Я притормозил его и развернул в сторону Миши. – Ты с этим человеком уже два раза переходил на «ты»!

Андрей растерянно заморгал. Миша улыбнулся:

– Дядя шутит. Не обращайтесь внимания. Можем, если хотите, познакомиться.

– С ним и не разберёшь: шутит ли, всерьёз..., – Андрей несколько обиженно хмыкнул, – как на минном поле... – Протянул руку: – Андрей.

– А по-отчеству...?

Руки сжались в рукопожатье.

– Владимирович.

– Крайне приятно. Михаил Петрович... Ну, вот и познакомились!

(Замечу: к гипнозу это не имело ни малейшего отношения. Миша – всего лишь – создавал вокруг себя скользко-стенный экран, работавший, как правило, на двух уровнях: либо – после общения – из человека выскальзывался сам факт такового (как намыленная резиновая игрушка из рук ребёнка), либо он совсем не замечал Мишу, хотя бы тот и стоял рядом с ним. Гипноз же – ни в коем случае! Этот метод воздействия – метод насильственный, разрушительный даже в самых незначительных и благожелательных формах.)

Действие экрана никогда не затрагивало детей. Здесь Черноярцев ничего не мог поделаться! ...Человек рождается близким к совершенству, и – увы – по мере возрастания всё шире и активнее деградирует. Если бы многие взрослые вспомнили, что они видели, умели и знали, будучи малышами, то их закостенелый разум навряд ли бы выдержал подсобное испытание! Жизнь, с педантичной аккуратностью непревзойдённого цензора, густо замазывает в памяти не только опыт предыдущей жизни, но и яркие фрагменты из опыта жизни нынешней (в изобилии приобретаемые людьми в младенчестве). (К примеру: знаете ли вы, что – приблизительно – семьдесят-восемьдесят процентов ныне взрослых имели (в дет-

стве, будучи малышами) опыт полётов? Не во сне, нет, – наяву! ...А разговоры с подобранной в пыли стекляшкой или – деревом?.. Если сейчас вы и вспомните об этом, то только как о наивной забавной игре. Нет! Это не было игрой! В вас (нынешних) попросту что-то закаменело, затёрлось, и вы теперь со снисходительным или умили- тельным пренебрежением смотрите на аналогичные «иг- ры» своих – пока ещё маленьких – детей...) Долго можно перечислять забытое, список огромен. Только зачем? не проще ли – вернуться...

...Так вот: дети видели-помнили Михаила Петровича Черноярцева, несмотря на все его усилия (пытался, иной раз) избежать этого. Более того: многие малыши мгновен- но замечали многоцветную серебристую пульсацию вок- руг Миши (огромную, чуть ли не до неба!) и им она очень нравилась.

Одна моя знакомая, у которой я как-то оставил Мишу на полчаса, спустя несколько дней не без озабоченности и досады заметила:

– Как ты у нас побывал, мой оболтус всё какую-то ерун- ду несёт. Ну прямо бредит, будто!..

(У неё был сынишка, лет пяти.)

– Ты о чём?

– Ну, приходил ты, помнишь? Неделю назад...

– Помню.

– Он говорит, что с тобою дядя-волшебник приходил. Да... Суп у нас ел, картошку...!

– Вот как...

– Я ему говорю: дядя Сева приходил один. А он: нет, дя- дя Сева приходил с волшебником, и тот весь сиял и пере- ливался и дал говорящую конфету...

– А ты?

– А что я... Говорю: вот скоро Новый Год, придёт настоя- щий волшебник – Дед Мороз, с целым мешком конфет и шоколадок... Слушай, он мне с этим волшебником неделю покоя уже не даёт.. – нахмурилась, – ...а может, мне его к врачу отвести? к психиатрическому, детскому... а? Вдруг что-то не так...

– Не вздумай! Уж лучше сразу через мясорубку проверни и котлеты сделай!

– Ты чего городишь-то!

– А что? Это, знаешь ли, мало чем отличается от твоего предложения. Чем тебе волшебник помешал?

– Но он же говорит, что это на самом деле было!

– Ох...

(А с дитём мы договорились так: мама заколдована и ничего-ничегошеньки не понимает. И не надо маме рассказывать о том, чего она не видит (а ведь видела когда-то!), а то ей обидно... Угу? Угу! Тем дело и обошлось.)

В общем-то, Миша прав: слишком обильное, и, в основном, – ничёмно-обильное коловращение людей в твоём личном пространстве чревато мешаниной пустых следов. Плядишь, и опомниться не успеешь, а ты – уже не ты, а покрытый трещинами и истёртый многими подошвами клочок асфальта.

...Но тем не менее я знавал достаточно людей, встречавшихся с Черноярцевым всего один-два раза, но запомнивших встречу на всю жизнь (как, например, Лена и её бабушка). И не так уж мало – много даже! – людей (и не людей), которые входят в круг постоянного Мишиного общения. Так что экран его – не нечто приросшее, а – так..., одёжка, надеваемая по нужде (но носимая в таковой с благодарностью).

А вообще-то, он всегда (по возможности) старался избегать длительного пребывания в любых населённых пунктах – от мегаполисов до полузаброшенных деревень. Случалось, конечно, что приводили его дороги в то или иное людское поселение, но – будучи в поселении – Черноярцев бережно размещался вне человек и человечец: в подзёмьи, на пустырях, в нежилых развалинах... А кушал... да что придётся – то и кушал! Его жизнь вообще никогда не была особо сытой, ну а минимум пропитания как-то да находился. Миша никогда не стеснялся подобрать заплесневелые корки в мусорном баке (скорее – стеснялся за тех людей, которые этот хлеб выкинули). Просить же – он никогда

не просил. В том не было гордыни – отнюдь! – всё проще: то, что тебе необходимо, так или иначе само появится, само придёт..., ну а уж коли не пришло – значит, так оно и нужно; не стоит, находясь на П У Т И, теребить пространство окрест своими желаниями: желания многоголосы и не мудры, П У Т Ъ же – мудр, О Н лучше знает твои потребности-необходимости. И Миша спокойно голодал, день за днём, если ничего съестного в тот или иной лоскуток времени-жизни не образовывалось. Мне доводилось отведать, каков он на вкус – г о л о д..., и понимал..., и удивлялся: сколько терпения, сколько т и ш и н ы т е р п е н и я было в этом изумительном старичке, которому (между прочим...) достаточно было шевельнуть рукой для того, чтобы ахнулся ураган (или чтобы лежащий перед ним кирпич превратился в густо цветущий маслом каравай хлеба...)! Удивляюсь и поныне.

Здесь я, кстати, подошёл к тому, что у некоторых людей, из числа знавших Мишу (или -- о Мише), вызывало недоумение: соотношение его возможностей с его частенько пустым животом и хронически драным свитером.

...А действительно: почему?.. Почему он не наколдует себе – ну пусть не лимузина со смокингом и не мегадворца с малахитовым унитазом, – но хоть самый что ни на есть насыщенный (?) минимум бытового комфорта...? Почему??! Почему человек, обладающий сверх (а может быть – мета...?) – возможностями, никаким образом не прилагает оные к своим обиходным нуждам?

Да потому!.. Если где-нибудь на просторах нашей технобумажной цивилизации бдительные и бездельные стражи потребуют у него документы – он, подняв с земли фантик или обрывок газеты, предъявит им всё что будет угодно (если, конечно, не предпочтёт попросту остаться вне замеченности). Но он никогда – никогда! – не уподобит фантик или обрывок газеты деньгам, для покупки батона колбасы и новых ботинок! Он может спасти кого-нибудь от голода или от жажды, приблизив из песка, камня (чего угодно!) сущности воды, хлеба... (Миша столько людей спас за свою жизнь, сколько женщины целого посёлка не нарожают!..)

Но он никогда – никогда! – не расстелит скатерти-самобранки перед собой! Почему?.. Да всё потому же!

Михаил Петрович Черноярцев – не маг, не колдун, не волшебник. Букетик-Миша – Мастер ОЭМНИ, Ткач; всё, что есть в нём (включая его самого), принадлежит П У Т И, все его силы и вся его жизнь – направлены на П У Т Ъ, и взять для себя он может только то, что предложит ему П У Т Ъ, – не меньше, но и не больше... Да и что значат все эти ваши разносолы и многие-всяческие чехлы для уснащения телес по сравнению с тем, что он – чудесный, лёгкий человек – постоянно (всегда!) слышит в себе отчётливо, без пауз и неясностей, голос Б О Г А! По мне – так лучше в лохмотьях и с плесневой коркой в кармане, но – с э т и м. (!) ...А? (А как по-вашему?..)

(Мне доводилось встречаться с магами («маг» – наиболее подходящий, универсальный из существующих терминов), с магами силы необычайной... настолько огромной, что они давным-давно вычеркнули из себя потенцию закрепления какой бы то ни было формы, давным-давно потеряли – в себе и помимо себя – границы в длениях преобразования материи...! ...Но: мне их всегда было очень-очень жалко. Эти смерчевые столпы, распластанные в бесконечность по горизонтали своих желаний, не имели, по сути дела, ничего... Более того: они так далеко ушли в это «ничего», что уже неизбежно и прочно осознали пустотность своей дороги, а равно – почти полное отсутствие шансов на возвращение... Даже самый обыденный (и – стабильный в обыденности) обыватель рядом с ними – богач!..

Миша говорил о них так: «Бедолаги... Уж на что весь мир – чаша сиротская, а эти – сироты стократ. Разделённое ЕДИНОЕ (Условно-Конкретная Реальность) – бессчётные ямы страданий; мы все сидим по таким ямкам. Кто-то – пытается выбраться, имея целью помочь выбраться всем-всему, кто-то – пытается выбраться только для «я» (бесполезное занятие...), кто-то – просто сидит на дне ямы, пытаясь убедить себя, что сидит на вершине горы, кто-то – сидит и плачет... А эти – сидючи в яме – ещё и старательно

присыпали себя землёй (умудрившись, в стараниях и усердиях небывалых, ещё и притрамбоваться)... Сироты стократ!»

Я до звенящей отчётливости чувствовал беду таких людей-сущест, и даже (по молодости и самонадеянности) пытался кое-кому помочь... Для Анны (О, Анна! Это существо всегда появлялось в образе феерически красивой женщины... настолько красивой, что не возникало и намёка на плотские порывы. Нечто ювелирно-музейное...) я написал-построил поэму-метафиксацию «ЗАОКОНЬЕ». Никакого толка, право. Ей так и не удалось войти в метафиксацию. Только разбивала образ за образом... Отчаянно... Жутковатое было зрелище! ...Впрочем, Миша о том обсказал мне заранее: «Что слону дробинка, маэстро... Тобой руководит сострадание, а не мудрость. Сострадание без мудрости – дело пустое и даже опасное, опасное обоюдно! ...Оставь Анну в покое: ни у тебя, ни у меня, ни у кого! нет ковша, способного вместить её беду. Всеми своё время...» Всеми своё время...)

– Миша, а в тебе никогда не возникало омерзение к людям?

(...Как-то Владимир Николаевич (Вова-хромоножка, как поименовывали его бродяжки. Владимир Николаевич – бомж с двадцатилетним стажем, в прошлом – доктор наук, гурман и философ) рассказал мне историю о том, как Мишу норовили убить, целой деревней.

...Глухоманная лесная деревушка, Сибирь, двадцатые годы... Случилось так, что навалились на тамошних обитателей-горемык голод и неясная быстросжирающая болезнь-эпидемия. В самый разгар этих бедований появился Черноярцев. Он выручил горемык, накормив (уж ему ведомо – как...) и уняв – в два дня – эпидемию. Но, видать, методы спасения чем-то не угодили спасённым, и они попытались (всяк благодарит по своему!..) забить Мишу вилами да кольями, да иным – что под руку глянется... Это был не единственный случай.)

– Хм...

- Неужели не возникало?..
- Нет, маэстро.
- Совсем-совсем?
- Совсем. – И тихонько добавил: – Возникла усталость, – она часто цепляется за мои следы. Иной раз – довольно сурово...
- И что ты делаешь тогда?
- Ухожу в тишину. В тишине не остаётся следов, дружок, там усталость вовсе не назойлива... Да.
- Михаил Петрович, вы – прелесть!
- Спасибо, Сева. Ты всегда умел говорить комплименты. Только я не прелесть, я – букетик. Ты разве забыл?
- Нет, Миша, не забыл. А если б и забыл, то, увидев тебя, – вспомнить об этом не трудно.

Тишина... Прозрачная солнечная тишина...
Вот, пожалуй, что наиболее желанно и отчётливо ощущал тот, кто был рядом с букетиком-Мишей. Много ли в мире людей, рядом с которыми ощущаешь такое? Вы часто их встречали?.. Я – нет. И поэтому мне всегда становилось радостно и легко, когда я (вдруг ни с того ни с сего) вспоминал, что по земле, где такое изобилие глупости и насилия, глухости и незрячести, изнемогающей жертвенности и безнадёжного отчаяния, – бродит невероятно утешительный и солнечный старичок Михаил Петрович Черноярцев.

Море

С Петушком мы расстались уже в приморье: мне нужно было в Новороссийск, ему – в Анапу (и далее – в Крым). Петушок посулил скорую встречу, и, бодро подхватив рюкзачок, полез – по уговору – в тархтучий пыльный грузовик. (Увиделись же мы с ним только через два года...)

Море... Встретило оно так ласково, так приемно, что половину напряжения и тревог – как корова языком слизнула (слизнула, и сплюнула подальше). А вторая половина – под первым же ударом волны отлетела куда-то на задворки и там залегла, затаилась.

Бродил. Слушал. Смотрел на расположившихся у Моря людей: загорающих, кушающих, болтающих, купающихся (немногих купающихся: конец мая...); вялых и энергичных, весёлых и сумрачных, – разных, всяких... Но было заметно: никто из них не обращает ни малейшего внимания на Море, воспринимая его – всего лишь – как просторно-огромное обилие солёной воды (и только... и всё...). И над этой нелепицей-несуразицей – недоумение, печаль; казалось, Море говорит... говорит... говорит... спрашивает... Но, вопрошая, – сквозь вопрос – говорит... говорит... говорит...

...А может быть, и не казалось. Видно, оно и впрямь – говорило... Или – спрашивало... Или – горюнилось вслух... Или – ...

«Скажите, а вы умеете ходить, не ударяя подошвами землю, а – лаская? Не хлебать – ожаждев – воду, а – принимать её в себя? Не разрубать воздух вечно спешащими куда-то телами, а – наполнять воздух собою? ...Умеете?

О! каждый (каждый!) день над вашей головою небо! Каждый день... День – это: птицы и солнце, облака и тучи, хрустальный и гонговый гомон... Ночь – это: луна, и тьма, и звёзды... звёзды... звёзды...звёзды... звёзды... Когда вы, в последний раз, смотрели на небо? Когда вы, в последний раз, угадывали в облаке плюшевого медвежонка своего детства? Когда вы, в последний раз, видели звёзды? Когда?..

О! А доводилось ли, доводилось ли вам в этой жизни проветривать сердце, улыбаясь и удивляясь его свободе, его – вовсе! – не скрежетному голосу, его всеприимности и огню? А доводилось ли вам беседовать с совестью, сидя в креслах – напротив друг друга, – мило беседовать с ней о пустяках, поскольку о г л а в н о м вы уже давным-давно переговорили и г л а в н о е в вас – нераздельно...?

О! Милые мои..., бедолаги, сиротливо скользящие в стеклянном барабане... в бешено вращающемся стеклянном барабане... ! Что же вы делаете с собственными жизнями и с жизнями, лежащими окрест вас?!.. Неужели, за важностью своего прохождения от зеркальца к зеркальцу, вы забыли, что з а ч е м-т о родились на свет??!

...Ну а теперь...: разве сумеете угадать в песчинке (в круглой маленькой песчинке, остывающей к ночи) ту самую планету, где вы тычитесь из угла в угол, перепрыгиваете с линии на линию, и всё это – в смятении-испуге от морозно-скрежетовых фанфар орущей в вас пустоты... Вы даже не знаете, з а ч е м ж и в ё т е. (Вы шарахаетесь от этого вопроса. Вы, судорожно дёргаясь, бросаетесь в него тяжёлым и острым, – норовя поранить, убить. Вопрос приводит вас в ярость, и из этой ярости, как из прозрачной предутренней лужи, вы познаёте отражение собственного бессилия, лакомого и добровольного.)

Ну разве хватит всей моей воды, всех водорослей, всех камней и всего моего желания, чтобы отмыть, отчистить, отскрести... чтобы вылечить...

Э-эх..! .....

...Эй, малыш, иди в меня! смотри в меня! дыши мною! запомни... И, может быть, в старости, когда над левым плечом прозвенит настойчиво-укоризненный голосок смерти, у тебя будет возможность вспомнить что-то более огромное, нежели пересыхающее влажное пятнышко своей жизни... Эй, малыш, не убегай к шоколадке и яркому резиновому утёнку, которыми подманивает тебя мама! Хоть разочек, хоть в самом начале житья-бытья, – удержишься от соблазна (их столько ещё будет.. столько!.. о! – соблазны не оставят тебя своим вниманием...)! Удержишься... Иди ко мне!..»

...Монолог Моря... Впрочем, мне могло это показаться. Море могло вовсе ничего не говорить. Море могло повернуться спиной, не замечая высокомерно отдыхающего люда, и – с м о т р е т ь в н е б о...

...Мягкая, шероховато-звёздная ночь. Мы лежим с Мишей на восхитительном серебристом одеяле галечной чешуи. Наши ноги оплёскивает-тормошит едва ощутимая тёплая рябь. Море спокойно. И спокойно окрест. Почти... (издали – далеко от нас – монотонные извизги модного эстрадного вздора). Синяя тишина...

Мы лежим и беседуем. Молча. О многом и по-настоящему можно говорить только молча. Мы интересны друг другу. Нам есть что сказать.

Внезапно, откуда-то с гор, налетает зябкий сквозящий ветерок. Тревожный. Он теребит, он развеивает драгоценные капельки покоя. Становится трудней молчать.

– Море не даст тебе того, что ты ищешь, маэстро. – Мишин голос чуть хрипловат, залёжен. – Оно не жадное, нет... Оно – просто-напросто – не может, не сможет дать. ...Да и зачем нужна бессмыслица: давать на заведомую бесполезность?..

– Он остановился всего в одном шаге, Миша! Мне нужно совсем чуть-чуть.

– В одном шаге... Да, в одном. Но твой опекаемый не сделает шага. Именно этого – одного – шага.

– Почему? ...Я, кстати, провёл его гораздо глубже, чем ты ожидал. Осталось совсем немного!

– Да, ты умудрился обойти огородки за счёт быстроты... Но ты платил по полной горсти сокровищ за каждый сантиметр скорости. Всё. Твои карманы в запуши; из них получатся хорошие гнездовья для моли. ...Твой опекаемый немного оскользнулся... впрочем – основательно. Последнего шага к раскрытию он не сделает. Всё.

– Миша...

– Ты хочешь отодвинуть лавину ударов. ...Поздно.

– Я надеялся на Море...

– При чём тут Море? Ты ведь уже два месяца (два месяца, маэстро!) не видишь над собой прежней угрозы. Её здесь нет.

– Да. Её нет... Не понимаю!

– Не видишь, и – блаженствуешь. Как тут понять! Да... А всё очевидно, просто: молотка нет на д головей потому, что он опустилс я на голову! Удар прошёл.

– Но я не чувствую удара... Да меня бы тут же смяло, изувечило бы!

– То, что прошло, – замерло на волоске от твоей судьбы... на крохотулечном... на капелюшечном...

– Ты это серьёзно?

– А ты что – не ощущаешь беды?..

– Ощущаю... Но – далеко... Ты-то что посоветуешь?

– ...Пока только одно: отложи своё возвращение домой, а там, глядишь, что-нибудь придумается... Прошедший удар, при всех своих причиндалах, ждёт тебя именно в Туле. Отложи, отодвинь возвращение.

– Отложить... На сколько? ...Неделя? ...Месяц?

– Лет восемь–десять.

– Чего?.. Ты сбрендил? Это невозможно! нет.

– Право, отложи. Отправляйся со мной к Лину, он давно тебя ждёт-кручинится. Восемь лет – не восемьдесят.

– Нет, Миша. Мне нужно... необходимо вернуться. Как так – всех и всё бросить! ...Нет. Вернусь.

Мы помолчали. Знобкий, но лёгкий ветерок крепчал, превращаясь в пронизывающий сквозняк. Море же по-

прежнему: спокойное... загустело-благостное...

– Тогда – готовься. – Миша повернулся ко мне, – посмотрел внимательно, напряжённо. Во взгляде его угадывалась странная неразделимая смесь грусти и одобрения... – Готовься, Сева. Здорово тебя шарахнет – и дух, и разум, и тело... – прокорёжит всё. Смятение... отчаяние... болезни опустошения... – лавиной, чередой лавин, потопом! Готовься.

– А ты ведь согласен, Миша, с моим решением вернуться... Да? Я же вижу!

Он улыбнулся:

– Согласен. Всем собою согласен, кроме – сердца; мне жалко тебя, очень-очень жалко, солнышко моё... Но единственный, по-настоящему верный, способ избавиться от созревшего лиха – пережить его. Если, конечно, переживёшь...

– Ну, хоть что-то утешительное сказал! Появиться-то – появишься?

– Глупенький, ещё бы! Мы часто будем видеться. Да и ходить – вместе...

– Ты о чём?

– Не понимаешь? ...Тебе трудно будет – почти невозможно – попасть куда-нибудь без поводыря. Так-то...

– Вот как...

– Многое потеряется. Переживёшь – начнёт возвращаться, понемножку. ...Многое накренится и переломается, да – авось! – переможется... перетерпится.

Во мне нарастал многогорлый схват дурноты, слабости. Стало тоскливо, очень тоскливо.

– Вот как...

Миша резко сел, развернулся ко мне всем телом:

– Эй, брось! Главное-то останется, – оно из жизни в жизнь с тобой кочует: ты – п о э т, ты – на П У Т И. Это никакой удар не промнёт! Помрёшь – за тобой последует!

Миша размахнулся и хлёстко хлопнул меня ладонью по голому пузу. Я вскочил.

– Охренел, Петрович! Больно же! А если за́ ноги – и в Турцию?!!

– Поплыли!

– Неохота.

– Пошли, пошли! Ну пожалуйста!

– Э-эх...

– Имей в виду: теперь тебе долго не доведётся всласть поплескаться. Имеешь в виду?

– Это почему?

– А потому. Скоро в твоём теле мало что здорового останется; не то что – по горам бегать, по лесам прыгать..., а из кресла в кресло – будут такие дни – с трудом переберёшься.

– Тьфу на тебя.

– Поплыли, дружок. Море хорошим гостям всегда радо.

– Ладно. Может, там хоть уймёшься всякие пакости прорицать.

– Ага. Уймусь.

...Плыли мы долго, быстро. Уплескали от берега километров на пять-шесть; разлеглись на воде, ручки-ножки разбросав, расслабившись. Легонько покачивало.

Не видать было ни берегов, ни прибрежных огней. Только – тёмно-синие – море и небо. Звёзды...

Море ощущалось, как огромный доверчивый ребёнок, добродушный, умиротворённый. Вернулся покой. Вернулось молчание.

...Шёпот... шёпот... шёпот... Отовсюду, повсюду, везде: шёпот... шёпот... шёпот... Море говорило с нами, обращалось к нам, присоединялось к говорливой многонаполненности нашего молчания.

Пространство-шар... Из нас... вокруг-помимо нас... во всём... изо всего... – проступила Сверкающая Нить. Она проступила сердцевиной шара, и была настолько насыщенной, настолько пронзительной в насыщенности своей, что не позволяла шару иметь сферического оконтурья, превращая пространство – в П Р О С Т Р А Н С Т В О (в зародыш, распирающий сомкнутый монолит скорлупы).

Море распахнулось. Мы с Мишей пошли не то что бы по дну или по нижним водам, – а по безличинной сущности-

изнанке Моря; скользили – радостно, аж дух захватывало! – по его изнанке.

Отсюда открывались тропиночки... Куда угодно! Можно было зашагнуть в любое время, в любой бытийный слой... Во что угодно! Можно было принять любой облик, любое сознание (не теряя ничего своего, будучи собой, но собой – любимым)... Я сразу это понял. И вслед за тем – сразу – пришло ощущение званости: нас приглашали.

Я потянулся к приглашению... Но Миша – раскинув напруганные, дрогнувшие чуть, ладони – опоясал нас облачком, и облачко вынесло – и меня и его – обратно, в синее ночное Море.

– Твоё движение, если бы оно оформилось – начало большой работы, – шепнул мне Черноярцев. – Не сейчас, Сева... Потом... потом...

Мы поплыли к берегу. Подплывая, я разглядел возле места, где мы оставили одежду, тонкую женскую фигурку. Женщина махала нам рукой.

Вылезли. Я с любопытством уставился на ночную гостью. Ошеломляющие, восхитительные глаза! Да и вообще – красавица. То, что она уже не слишком молода, можно было понять только по густой седине в её короткой, но пышной гриве, по лёгкой проливи едва заметных тонких морщинок...

Миша познакомил нас. Женщину звали Натой (Натальей), по национальности – якутка. Черноярцев называл её северной принцессой. Она нас что бы искала, а так – взяла и нашла. ...И очень-очень, обрадовалась этому!

– Ну ладно, детвора, вы тут знакомьтесь, а я... – Миша фыркнул и снова полез в воду.

Мы с Натой с удобством расположились на одеяле. Распаковали свёрток с едой. Миша же между тем резвился как тюлень: выныривал, заныривал (оставаясь минут по пять по шесть под водой) и уходил всё дальше в Море.

– Вот неутомный старикашка! Всех рыб распугает...

– Он ребёнок, – Ната смеялась; у неё был очень мелодич-

ный, на удивление открытый смех. – Он всегда-всегда ребёнок, даже когда плохо или одиноко.

– Ты давно его знаешь?

– С детства. Он был знаком ещё с моими родителями... и с родителями родителей.

Миша – в резвости и кувырканиях – скрылся за зонтом. Море тихонько раскачивалось. За нашими спинами шумела – легко, беспечально – листва высокого кустарника.

Я развёл в ямке костёр из плавника, поставил котелок с водой.

Мы с Натой сидели, рядышком, у прозрачно пылающего костра; смотрели в море... в огонь... беседовали.

Выяснилось, что она приехала сюда вытаскивать подругу своей дочери из нехорошей и смутной истории: девочка угодила-увязла в секту: секту потаённую, малоприметную, но – активную, жёсткую.

– Их там используют, как сырьё, – с гневной брезгливостью говорила Ната; глаза её становились белыми, с серебристыми барашками..., – как энергетическое сырьё! Маньяки... Гадость какая!.. Девочку лечить придётся...

– А может – ничего страшного?.. Что за секта-то? Может, просто: заурядная гипноповязка; деньги, секс, рабочая сила...? Там глубокие повреждения редки, привести в себя легко.

– Нет. – Ната придвинулась к костру, глубоко вдохнула дым. – Это шаманы-самоучки. Далеко залезли. Запутались. Теперь им нужно много летучей крови, молодой, здоровой...

Ната с хрустом сжала кулак, и из костра шарахнул огромный язык пламени; шарахнул с такой силой, что опрокинул котелок с чаем на камни.

– Ой... – глаза её сразу стали испуганными и виноватыми. – Прости, Сева. Я сейчас схожу за водой!

– Да сиди ты, есть вода. Вон две бутылки о полутора литрах. – (Шаманам-самоучкам, – подумал я, – теперь даже дурак не позавидует..) – Слушай, Нат, давай лучше я за девочкой схожу? А то ещё набедокуришь... Оглоедов приструнить надо, конечно, но не в порошок же, не в пыль их стирать!..

– Нет. Спасибо. Я сама. – Котелок снова стоял на огне, а северная принцесса успокоилась, затишилась. – Я не буду бедокурить, ...но точку в этих гадостях поставлю.

– Ты её не слушай, маэстро, – Миша появился откуда-то из-за спины, со стороны обрыва, – обязательно набедокурит. Чихнуть не успеешь!

...А чаепитие между тем вышло славное, душевное. У Наты оказался целый пакет с пирожными и – ...дудочка. Она так славно играла!

Девочка оказалась и впрямь довольно измотанной, полувменяемой. Нам с Натой потребовался целый день для истряса всей хмури и пакости. Когда мы соединяли – втроём – круг, я увидел всё, что с девчушкой и ей подобными вытворяли (там действительно бесчинствовали весьма разъявшиеся вампиры, но – вампиры-марионетки. Да! никто из алчущих быть сильным за счёт насилия и агрессии не минует участи раба! Худшего из рабов...), а заодно разглядел, что Ната так-таки и набедокурила. («...Не слушай её, маэстро...» Хм.)

...Когда маэстро и принцесса гуляли в горах, маэстро спросил:

– Что же ты, а?... Разве так можно?

– Ох, Севочка, не трави душу... Не сдержалась! Миша теперь, когда появится, знаешь как задаст!

– Строг Петрович?

– Не то слово! Он меня уже лет сорок воспитывает-воспитывает...

– И всё, как с ушей дождик, – добавил я.

Но это было неправдой. Я успел узнать Нату: терпение, безоглядно любящее сердце, доброта... Ну, а срывы, – с кем не бывает срывов? особенно когда утыкаешься лицом – с размаха – в подлость и варварство. С кем? Со мной по крайней мере бывает. (Худо только, что от этого подлость и варварство не гаснут, – крепчают. Нельзя опускать меч на то, что нуждается в лечении. Изрубить – не исцелить. ...Ну его, меч-то... ну его совсем! ...Хорошо бы...)

А трёпку Черноярцев учинил знатную. У-ух! Мы с ним

даже малость побранились. Ната смотрела, хлопала глазами и тихонько – отворотясь в сторону – хихикала. Очень уж ей было всё это весело!

Через несколько дней я уезжал. Миша ехал вместе со мной в поезде, до Ростова.

Я помнил об ожидающем ударе, о застывшей где-то над самой макушкой, но готовой обрушиться в любой момент лавине-грозе. И всё-таки нетерпеливая радость была сильней: очень уж соскучился по близким мне людям! очень! очень-очень! ...Я нашёл за эти месяцы несколько ниточек, способных (если только помогут мне те, кто рядом) всё изменить, высветлить, залечить.

Сидел, улыбался во все щёки.

Миша вернулся от титана с двумя полными кружками кипятка. Я засуетился на предмет заварки.

– А может, без заварки? – Миша плюхнул кружки на стол.

– Зачем же без заварки, если есть заварка? Вот ещё фокусы!

Миша наставительно сказал:

– Когда поэты улыбаются, так кипятки и без чая хороши.

– Сел на диванчик, посмотрел на меня избоку: невесело, вдумчиво. – ...А ты чего, собственно, улыбаешься?

– Соскучился, Петрович! По родному соскучился: семья, дом... Увижу скоро, понимаешь?!!

Мишино лицо приобрело довольно странное – стянутое какое-то – выражение:

– Да ты, я гляжу, ещё и не готов совсем...

– Ну уж – совсем... – Я рассыпал заварку по кружкам, проболтал ложечкой. Повернулся к Черноярцеву, приобнял его: – погоди, обниму всех, прижмусь покрепче, а там уж...

– Глупенький... Остриё удара поймает тебя на вдохе, сразу. А там уж – острию вслед – всё войдёт. Паузы не будет. Совсем не будет, маэстро.

– А...

– Что же касается семьи и дома, – перебил меня Миша, –

так это... ты не серчай... я уже посмотрел: нет у тебя больше ни дома, ни семьи. Нету. Всё.

– Что?!?!

– Повторяю: нету, – он с подчёркнутой аккуратностью взял со стола кружку. Отпил глоток. Поставил на место. – Ты, понимаешь ли, с нетерпением ждёшь встречи с тем, чего уже нет...

Миша оказался прав. Когда я вернулся, у меня уже больше не было ни дома, ни семьи.

А потом – хлынул о...

Старый Лес

СКАЗКА (глава в главе)

Осенние ночи 2002 года были холодными. В Парк, где – зарабатывая на хлеб – я угнездился в сторожах летнего кафе, почти каждую ночь прибредал морозец, и мне приходилось – порыскав по окрестностям в поисках досок, палок, сухих веток – разводить в мангале огонь; ...грелся, любовался пламенем.

Парк находится в центре города; через него пролегают трассы всех ночных ходяков: опоздавших на последний транспорт, изрядно надравшихся (что, как правило, сопряжено с осознанием своего одиночества), сексуально озабоченной молодёжи, всяких-прочих неясных особей..., бомжей.

Разумеется, многие льнули к огню. Городские люди вообще стали забывать, что это такое – пылающий в заиндевелую ночь огонь...; они воспринимают его где-то на грани: между несказанным волшебством и пустотно-грохотным обманом...

Чёрная одежда, длинные волосы, борода – частенько вводили путников в заблуждение: очень многие принимали меня за священнослужителя, подрабатывающего ночным сторожем. Упрямо лезли за теологическими консуль-

тациями, требовали (бухаясь при этом на колени) отпущения грехов, а одна бомжевавшая неподалёку девица приволокла с собой целую связку иконок, с требованием: немедленно – тут же! – их освятить (за что была обещана полубутылка водки).

Для человека, предпочитающего уединение и покой, вся эта суета и околесица была крайне утомительна.

В ту ночь (о которой и пойдёт речь) к моему костерку прибилась компания из трёх человечков: двое юношей и девушка. Все трое были сильно навеселе, и их просто-таки распирало растолковать мне, что «все попы – мура». что «студенты ТГУ – это круто» и что «самое главное в жизни – это как следует оттянуться».

Я попросил огонь показать мне моих непрошенных гостей, открыть.

...Из истязно-прозрачной чаши огня смотрели несчастные, осиротевшие сердцем дети... тоскующие, умирающие... Не было в их душах ничего не развороченного, а всё – надкусанно, надломленно, надорванно, и только в самой глубине – очень глубоко – виднелись испуганные бесприютные глазёнки, подёрнутые мутной бирюзовой рябью.

...Внезапно болтовня стихла. Треснул уголёк. Весельчаки-студенты замерли, застыли, как внезапно выключенные куклы-автоматы.

– Маэстро, плесни-ка мне чайку... горячего чайку...

– И давно ты здесь, Петрович? – Я налил ему кружку и вытянул через ограду ещё одно пластиковое кресло. Миша сел.

– Да минут пять... – он хлебнул чая...опять хлебнул..., ухватил из кулька конфету... – Принеси, пожалуйста, ещё три кресла.

– Зачем?

– Для них. Небось всю ночь шлындрают.

Я принёс ещё три кресла. Подложил дров в мангал.

Черноярцев – мягко взяв за плечи – усадил студентов, аккуратно сложив руки их на коленях (во время данной процедуры мои суматошные гости даже не шелохнулись). Сел в кресло и сам. Закрыв глаза.

– Маэстро, расскажи им сказку...

– Да какую там сказку... Смутно мне, Миша, тяжело...
Каждый день тяжело...

– Знаю. Ты захлебнулся своим бедованием и – гаснешь... Так ведь и совсем погаснуть можно!

– А может – уже...?

– Нет ещё... Когда будет «уже» я сам вырою тебе могилку и украшу колокольчиками. Ты – на П У Т И ! ...или совсем его не чувствуешь? ...оглох? ...ослеп? ...а?

– Чувствую..., но – за дальней далью... сквозь дымку...
Что-то мешает мне...

– Расскажи им сказку, маэстро. Этим детям нужно помочь. Ты – придумаешь сказку, а я – их туда отправлю. Давай!

– Могу ошибиться, Миша, – построить не тот домик, который им сейчас нужен. ...Да и с чего ты взял, что не вытрясется всё через день-два, сохранится? В суете они, в беспросветной суете...

– А я постараюсь. Пока ты будешь рассказывать – они проживут всю свою жизнь, но – там, в твоём рассказе; во всём, – и что там будет, и что возникнет как возможность быть.

Из Мишиных рук колыхнулось покрывало; покрывало еле приметной глазу синей лучистой энергии. Оно накрыло всех троих... обвеяло целиком... запеленало...

Я взгляделся в застывшие глаза, – зашагивая внутрь, отыскивая щёлочку-начало...

– Ну что? – Миша стянул кончики лучистой синевы, – связывая, сплетая их между ладонями. – Пора.

– Раз уж мне придумывать сказку, то будь любезен дать хотя бы начало... Я не вижу щёлочек. Никак не вижу...

– Ну ты уж совсем, маэстро! Прямо на ходу разваливаешься, прямо рассыпаешься... Это же очевидно: последнее, что они воспринимали перед отключением как подлинность бытия – огонь. Сделай проводником огонь.

– Хорошо...

(Потом – утром – я записал сказку, и теперь решил приложить её к этой книге. ...Не всю, конечно, – фрагменты...)

ИЗ ОСЕННИХ ЗАПИСОК ЕЖА (фрагменты)

(На поляне, в открытом каменном очаге, горел яркий осенний костёр. Воздух был тёплый, густой, почти летний...)

– В мою чашку упал берёзовый лист...

– И в мою тоже...

– А вот ещё один!..

– И у меня...

Поднялся ветер, и огонь, почувствовав восхищение, поддержку, – польхнул до самого неба, пролизнув в его черноте крохотное прозрачное пятнышко...)

...Может давно, а может и совсем недавно, между корнями старой приветливой ели жил зверёк по имени У.

Зверьку очень нравилось бродить по белу свету. Он рано-рано вставал, умывался и отправлялся на все четыре стороны; каждая сторона встречала его по-разному: то – насмешливо, а то – восторженно, то – радостно, а то – утрюмо. Но везде, где бы он ни появился, любопытство и удивление не покидали маленького бродяжку.

«У-У-У-У...» – говорил зверёк иной раз. А иной раз говорил: «У-У-У-У!!!» И ещё: «буу». И ещё: «У-Уу-у-у...!». Одним словом: он просто-таки обожал у-укать.

Случалось, У делал передышку, – не путешествовал. В такие дни он обычно валялся на травке (разбросав как попало лениво обмякшие уши) или напропалую чаёвничал со своим другом, домоседливым ежом-литератором (редко когда забредавшим дальше дикого малинника, что за Большим Оврагом). Они подолгу и неторопливо беседовали за чашечкой чая; беседовали вдумчиво, беседовали хорошо. Но больше всего ёжику нравилось не говорить, а – слушать...

Зверёк засмеялся, набрал как можно больше воздуха и что есть силы дунул в сторону туч. Тучи мгновенно рассеялись-испарились, показались луна и звёзды. Стало светло. ...И увидел У, что мчится он на лёгкой крошечной тучке (мчится непонятно куда...), и хорошо ему отовсюду, раз-замечательно!

(Рассказывая про всё про это за чашечкой чая, на полянке, У сказал, что тучка была очень и очень похожа на ежа. Еж только хмыкнул. Но потом – улыбнувшись – заметил, что теперь ему (уж само собой!) понятно, отчего У так высоко взлетел...)

...Они летели очень быстро, так быстро, что с ближайших звёзд махом сдувалась накопившаяся за миллионы лет пыль (вся, без остатка!). Облетели несколько раз луну, заметив при этом, что она чуточку побледнела...

«Скоро рассвет, – подумал зверёк, – пора домой». А как он это подумал – так сразу и различил впереди родные места: ель... поляну, обвитую ягодными лентами... сверкающие росой норки соседей...

Тучка присела на нижней еловой ветви. Зверёк погладил тучку, сказал «спасибо...» и – быстро спустившись по стволу вниз – отправился спать».

у-у-у-у...!

2

«...Чуть в стороне от дороги стояла невысокая, густо обросшая мерцающим разнотравьем башня.

Заглянув в широкий сумрачный проём входа, зверёк у-укнул. Ответа не было. Не пошевелились даже ромашки, росшие на кирпичном выступе (они находились как раз на пути у-уканья и имели все основания заволноваться).

– Эй, ты чего тут забыл?

У обернулся и увидел остановившееся на дороге тележное колесо. Большое. Он видел это колесо и раньше: на горных тропинках... на взморье... в дюнах..., но оно никогда не останавливалось, всегда катило мимо.

Колесо стояло и выжидательно смотрело на зверька.

– Любопытствую... – У почему-то засмутился.

– Ну и чего тут любопытствовать, – строго спросило колесо, – ты что, башен никогда не видел?

– Видел... – зверёк начал слегка обижаться. – И тебя видел... Ты из тех, кто никогда не здороваются!..

– Здравствуй, – сказала колесо.

– Здравсьте-здасьте...

– ...Ну и что ты здесь нашёл интересного?

– Пока ничего, – ответил зверёк. – Вот ты, например, знаешь что там внутри?

– Знаю, – сказала колесо. – А как же!

– И откуда ж ты это знаешь?! Я сюда первый пришёл!..

– Колёса всё знают, – колесо улыбнулось и подкатило поближе. – Тебе разве мама этого в детстве не говорила?..

– Ну и что там?

– Лестница.

– Какая лестница?

– Обыкновенно какая: каменная.

– Да нет, я спрашиваю: куда по этой лестнице попасть можно...!

– Да куда хочешь! Вот ты – куда хочешь?

– ...Никуда. Просто любопытно...

– Значит, никуда и не попадёшь, – колесо захохотало и даже чуть-чуть подпрыгнуло.

Зверёк досадливо махнул лапой и полез в проём. ...Метрах в двух от входа начиналась крутая каменная лестница, прижатая – по спирали – к изнанке башенных стен.

«И ничего оно не знает, – подумал зверёк, – только болтать гораздо. Сейчас поднимусь по лестнице... выберусь наверх..., а там видно будет...»

Осторожно ставя лапки на шершавые полурассыпавшиеся ступени, зверёк начал подъём. Поднимаясь, он старался держаться ближе к стене и не смотреть вниз: перил у лестницы не было.

...По всему пространству башни – свободно, ничуть не стесняясь в скорости – мотались подвывающие сквозняки. Влажно дышала плесень. Обрывки паутины в поисках

лучшей доли перелетали с места на место, цепляясь за выступы, за ступени, за зверьковую шубку... Иногда ни с того ни с сего (и на короткое время) начинал падать снег..

У шёл долго. Иной раз ему казалось, что прошли целые недели (а может и месяцы...) с тех пор, как он вошёл в эту башню и начал подъём. У очень устал, проголодался и даже стал проникаться равнодушием к своему любопытству. Снаружи башня была невысокой, но его путешествие внутри оказалось таким долгим, что это начинало походить на какое-то хулиганство! ...А однажды, присев на ступеньку, зверёк даже всплакнул... но – поднялся; поднялся и пошёл дальше.

Наконец (должно же это было когда-нибудь случиться!) впереди посветлело, подул свежий уличный ветерок... и похудевший У – весь в паутине, со стёртыми лапами – вышагнул из широкого проёма...

...Яркими красками встретило его многотравье. Ласковой тишиной встретила его дорога. А посреди дороги (улыбаясь и ехидно свесив язык) стояло колесо.

– Ну что, здороваться будем?

Зверёк молчал. Колесо, подкатив поближе, достало из кармана бутылку молока и свёрток с бутербродами.

– На, подкрепись, путешественник, а то смотреть на тебя горестно.

Зверёк уселся на траву и стал закусывать. Он ел один бутерброд за другим, чавкая, роняя крошки, прихлёбывая молоко. Колесо молча смотрело на него.

Наконец У почувствовал, что пришёл в себя. Он обтряс с шубки и усов крошки (а заодно – паутину), довольно вздохнул и сказал:

– Спасибо! Всё было очень вкусно! ...вот только – я всё съел...

– Пустяки, – сказала колесо. – Ты сыт?

– Да! ...и – очень вкусно...

– Голодному и корка сухая – в утешенье... Нашлындрался?

– Меня долго не было? – спросил У.

– Я понятия не имею, «долго ли тебя не было», – ответило колесо, – но тут тебя не было минут десять.

– Как же так... – У растерялся, – я наверное не меньше месяца карабкался по этой ненормальной лестнице! ...Да и вообще: я же шёл наверх, а теперь – опять здесь, и никуда не пришёл...

– Ну я же предупреждало, – колесо смотрело укоризненно, даже с некоторой досадой, – чтобы куда-то прийти – надо знать, ощущать, чувствовать цель: куда. А в тебе было только любопытство! Любопытство – оно, конечно, мило... но и только; это пустое состояние, а из пустоты ничего, кроме пустоты, не получится. Ты шёл никуда – никуда и пришёл. Делов-то...

– Но почему так долго? – спросил У и пожаловался: – Я очень устал... у меня стёрты в кровь лапки... это же безобразие!

– Никакого безобразия здесь нет, – строго сказала колесо. – Любая дорога трудна, если ты, конечно, идёшь, а не сидишь на обочине (хотя случается, что и сидя на обочине – полагают, что куда-то идут...). Любая дорога долгá, если она соединена с упорством идущего, и, конечно же, рано или поздно она приводит куда-то... Если бы не твоё упорство – ты просто умер бы в башне от голода и усталости! ...или – стал бы тамошним жителем.

– Бр-р-р..., вот ещё! – поёжился зверёк.

Колесо рассмеялось:

– Ну, не переживай так! Ты ведь сумел выбраться. ...А в том, что пройденное ничего, помимо тягот, тебе не дало, виновато твоё «никуда». Иначе и быть не могло!

– Ты знаешь, сейчас я хочу домой, – сказал зверёк. Сказал, и – пригорюнился.

– Очень хочешь?

– Очень!

– Значит, скоро попадёшь домой, очень скоро, – колесо подмигнуло и взъерошило обвисшие уши путешественника. – А мне пора. До свиданья, малыш!

– Постой! Я не помню, куда мне идти, в какую сторону!..

– Да в любую, – хмыкнуло колесо, засовывая пустую бутылку из-под молока в карман. – Главное: не потеряй своего желания по дороге!

– В любую? И даже через башню?..

– Даже через башню!

– Даже-даже-даже!..

Колесо укатило.

На своё удивление – зверёк очень быстро оказался дома.

Не умывшись, не попив чаю, – он притиснулся к корням, свернулся калачиком, натянул одеяло...

(Приснилось ему, что они катят с колесом куда-то далеко-далеко... А за ними, распевая песни и дую на бабочек, бежит усмешливая лохматая корова с огромным мешком бутербродов за пёстрой спиной.)»

(...Огонь, почувствовав восхищение и поддержку, – полыхнул до самого неба... пролизнул в его черноте крохотное прозрачное пятнышко... Устремился в него...)

3

«...он плюхнулся в сугроб. Замер.

...Ну будто б и не было ничего другого – только сугроб-сугробище! ...Сугроб его явно ждал!

«И дождался...» – мрачно подумал зверёк. Но тут же в нём шевельнулась рассудительная нотка: «Неожиданные неприятности бывают двух сортов: либо – начавшись – они идут полосами, либо – чередуются с приятностями, как шахматные квадратики. Или...»

Он шмыгнул носом, огляделся, и, успокоившись, стал счищать с себя снег.

Дорога домой не представляла особых трудностей: с недавних пор У научился летать. Поначалу он летал во сне, но – загрустил, закручинился... И тогда Ель посоветовала ему не разделять сны и явь на две половинки, а жить и в том и в другом – как в одном неделимом целом. У попробовал, и ему понравилось. С тех пор он никогда не спал (да и зачем?). С тех пор он летал.

...Зверёк забрался на вершину сугроба, приготовился к взлёту... Но – ничего не вышло: именно в этот момент кто-то ухватил его за заднюю лапу и потащил вниз.

«Полоса!..» – успел подумать У и оказался на чём-то мягком. Крышка заснеженного люка, через который его втащили, захлопнулась... стало совсем темно...

В темноте-темнотище было тепло. В темноте-темнотище было уютно. Пахло знакомо... смутно, но – знакомо...

– Ну?.. – слышался хриловатый голос.

– У-Уу-у-у!! – устрашающе и грозно заголосил У. – У-Уу-у-у!!!

– Ты чего, – удивился голос, – хвост, что ли, отморозил? Чего орёшь?

– Страшно, – сказал У. – Ты кто?..

– Я – самый главный и самый кошмарный колдун! – торжественно заявил голос.

– Не-а... – сказал зверёк.

– Чего «не-а», – обиделись в темноте.

– Колдуны по-другому пахнут!

– Встречался, что ли?

– Ага. Сто раз!

– Хм... – голос задумался. – Это была шутка! ...Но я открою тебе правду: я – самая раззамечательная в мире красавица, которая прячется здесь от многочисленных поклонников... У-ух, как надоели!

– Ничего себе, красавица, – У хихикнул. – С таким-то басом!..

– Я простыла, – голос стал капризным и кокетливым. – А сижу без света потому, что ещё не умывалась. Но ты можешь заранее мной восхищаться!

– Не буду, – сказал зверёк. – И никакая ты не красавица! ...И я домой хочу...

– Не пообщавшись с настоящим Золотым Драконом??! Не верю!

– С кем?

– С Золотым Драконом! Самое расчудесное чудо света!

...Не хочешь?

– Хочу, – прошептал зверёк, – а где он?

– Это я, – с плаксивой печалью сообщил голос. – Я летел завтракать к Одинокому Северному Вулкану, да вот поди ж ты...: застрял в этом сугробе, напрочь застрял! Был неосторожен – и произошла трагедия...

– Какая трагедия...?

– Это не важно... и вообще – секрет, ох какой большой секрет! – Голос утратил плаксивость и перешёл на таинственный шепот. – Ты ведь тоже умеешь летать?

– Да... – робко сказал У.

– Тогда ты меня поймёшь! ...Я скован снегами, я не могу расправить крыла и воспарить! Но ты, ты – ты послан мне в утешение: мы перезимуем с тобой вместе. ...Я буду рассказывать о Золотых драконах... об Одиноком Вулкане... о поющих звёздах... Хочешь? ...О, я многое могу тебе поведать! ...Ну, и ты расскажешь что-нибудь весёленькое... Ладушки?

– ...Да какие ещё ладушки! Я же никогда-никогда-никогда не видел Золотых Драконов!..

– Зато – слышишь, – благодушно вставил голос. – Ох и повезло тебе, дитя...

– Но мне знаком ваш запах! Откуда же он мне знаком, если с Золотыми Драконами я никогда не встречался? ...И мне кажется, что пахнет...

– Тьфу на тебя, – проворчал голос. – Ты что, на клумбу попал? Ишь, размахался носом...

– А пахнет... Медведем пахнет, вот кем!

– Ну и дети пошли... ну и дети...

Послышалось бурчанье, шлёпанье лап...; загорелся светильник... Рядом со зверьком, обиженно и грустно выпятив нижнюю губу, сидел старый толстый медведь (очень уккоризненно сидел).

– Ну?.. Ну чего рот разинул? – Медведь потопал об пол валенками, поправил на плечах серый шерстяной платок и вздохнул. – Ну да, я – медведь... Что, впрочем, не исключает и других вариантов...

– Какие ещё варианты?!! – заголосил У. – Ты зачем меня сюда затащил?!!!

– Шуму от тебя... Чего шумишь-то? ...Скучно было одному, вот и затащил. Опять же – познакомиться...

– А чего обманывал?

– А и никто тебя тут, кроме твоего носа, не обманывал!

– Ага, как же! ...Колдун... красавица... Дракон...!

– Ох и дурачок...

– Сам ты...

– Нет, ну правда! Ты не обижайся, но ты весь какой-то прямо-таки приземлённый, даже удивительно, что летаешь... Я же мог быть в темноте кем угодно, даже солнечным зайчиком! Эх, и повеселились бы!..

– Но это... это ведь не по-настоящему...!

– По-настоящему... не по-настоящему... много ты знаешь о «по-настоящему», как же! Ха!! ...Мёду хочешь?

– Хочу...

Они расположились за высоким столом, где – посередке – стоял высокий кувшин с мёдом, а рядышком – стопка блюдец.

– В мире, малыш, – сказал медведь, разливая по блюдечкам угощение – всё – всё что угодно! – по-настоящему, и – одновременно – ничего не за правду. ...Сок будешь?

– Угу...

– Вот я и говорю... – медведь выволок из-под стола бочку с соком, и, нацедив по края разлапистую кружку – придвинул её зверьку. – Вот и говорю: мы все – то и дело! – оказываемся в огромной бессветной прихожей. О её огромности мы можем судить только на ощупь – ощупью своих ощущений, ...если мы, конечно, готовы к этому... И там, из темноты – множество коридоров... коридорчиков... переходов... закоулков... Множество всяческих ответвлений... перепутий... гулких неясных этажей... Нужно замирательно прислушаться, выявив и поняв многообразие-многозвучание темноты, и тогда: направление, желанное нашему сердцу, само – чудесным весенним цветком – полыхнёт в глазах и ладонях...! У-ух! ...Ну, а если мы не готовы, то – ничего не понимая – начинаем метаться, блуждая и мельтеша; мы становимся добычей коридорных закоулков... и, даже выйдя на яркий солнеч-

ный свет, – продолжаем барахтаться в тёмном мешке, зачастую сами о том не догадываясь...!

Медведь замер. И зверёк замер. Замерли даже блюдца с мёдом, гляючи обалдело и неподвижно на своих кушателей.

Медведь вздохнул:

– Вот...

– ...Я, конечно, прошу прощения, – стеснительно сказал У, – но я ни фигуршечки не понял...

– Совсем, что ли? – оторопел медведь.

– Отчасти... – уклончиво, но печально подтвердил У.

Разлили по второй порции мёда. Подкрепились. Медведь задумался».

– Враки и бредятина! – заявила тётушка ежа, женщина серьёзная и хозяйственная.

– Ну... не скажите, не скажите... Есть здесь что-то... Что-то есть, да... – побряхтывал из угла дедушка.

– Ну давай, давай, читай дальше! – галдело молодое поколение. ...Но наступало время сна, и ёж, улыбаясь, записывал свои записи в сундук, натягивал до самого носа одеяло, и – засыпал...

3 (продолжение)

«... С запрокинутой вверх мордашкой, неподвижный, наблюдал У за бесшумным, невероятно красивым полётом Золотого Дракона.

О! он был золотой-золотой! ...Даже валенки на его лапах отливали золотом... И серый шерстяной платок – развевався над заснеженным поднебесьем – всё больше и больше становился похож на невесомую золотистую колыбель, в которой (и это – правда!) рождаются звёзды...»

(Угли костра – разламываясь и сжимаясь маленькими пульсирующими вишнями – всё укрявищнее и глубже запутывались в вуаль пепла. Наполовину опустевшие вазоч-

ки с сухариками и вареньем рассеянно перебрасывались бликам – далёкими... ускользающими... – с неторопливой, нисходящей узорно и плавно осенней листвой... Подрагивал остывший чай...

Костёр угасал. Ёжик и зверёк придвинулись ближе друг к другу – замирательно... ласково..., – близко всматриваясь в слабеющее сонное пламя. ...Как можно ближе друг к другу...)

4 (к вопросу «о чудовищах»)

«...ОНО медленно, тяжело и неуклюже плескалось в дальнем озёрном заливишке, там, где камыши... камыши... камыши..., там, где висящий на тонких осторожных нитях туман был приветлив и мягок...

...Иногда на камыши наскакивал ветерок, слегка расклевывая их, слегка тревожа. Синели низкие тучи. Зеленели высокие травы. Беспokoйные трескучие стрекозы (синие и зелёные) мельтешили – во все стороны, – все стороны лаская искрами животов. Моросил неохотный полусонный дождик.

...ОНО перевернулось на спину (тяжело и неуклюже...), закашлялось, зябко повело плечами...

«Вот: озеро... озеро... озеро... Именно здесь, – то тут, то там: чужие... родные...и всякие... кто-нибудь ещё...именно здесь... Где? ...Озеро... озеро... Какой редкий и вялый дождик, будто его и нет вовсе... Родные... Это круги на поверхности озера... Дождик... Где? Где вы?..

Всяк кому не лень... Всюду... Озеро... Какой редкий и вялый дождик... Ну надо же...»

Натужно подгребая задними лапами, ОНО стало затискиваться в камыши: булькало, кряхтело, но старалось быть аккуратным, чтобы не повредить, не покорёжить удивлённых таким соседством зарослей, медленно продвигалось. Затихло.

...Над озером, как над лицом – зеркало, – опрокинулся гром.

...И пришло – покоем, прятальным сном – утишливое забытьё...

...И пришёл Дождь: ливневый, кромешный...

(...Но раздало-растеряло ОНО все чешуйки. Но, сквозь голое тело, – в сон его проник, просочился Дождь...)

– Привет, – сказал Дождь.

– Уходи... – сказало ОНО.

– Привет! – сказал Дождь. – Ты здесь, в камышах... Зачем ты здесь? мне это печально.

– Мне хорошо, – сказало ОНО. – ...Мне сейчас хорошо... в камышах... Уходи!... Для чего ты беспокоишь меня?

– Я искал тебя на озере, и – не нашёл... – сказал Дождь. – Почему ты покинуло его?

– Там нечего покидать, – ОНО вздохнуло, – озеро уходит... Бывает, что озёра становятся океанами..., но это – редко, а чаще: они уходят, и там, где было озеро, – остаётся болото...

– Но я видел, видел озеро! – крикнул Дождь. – Оно целое и невредимое!

– Ты видел его вчерашнее отражение. Всего-то и навсегда... Да, отражение...

– Но ведь озеро это – ты! – удивился Дождь. – Ты – вот оно... ты – здесь!..

– И я уйду, – сказало ОНО.

– Не надо, – попросил Дождь. – Как же без озера? без него – нельзя! Ишь, чего выдумало...

– Не ерунди, – сказало ОНО. – Уходящий – куда-нибудь да приходит!.. Ищи озеро там... где-нибудь там... т а м...

Дождю вдруг почувствовалось, что он очень устал; как-то сразу и очень... Бережно придерживая каждую капельку себя – он скользнул за камыши... за лес... за невнятность далёких гор... Но чудилось: стоит только взметнуться камышам – проминая береговую линию, раздвигая пределы – Дождь незамедлительно вернётся, вернётся обязательно (иначе он – попросту – не смог бы жить, иначе он – попросту – не смог бы верить, и любить – не смог бы... и быть любимым...)!

«...Мои чешуйки перемешались с илом... и слабеет, слабеет память: не найти...

Ах, как долго (долго!) я живу на предельном, раскалённом гребне застывшего крика. Я понимаю – почему... но вместе с тем – недоумение: почему...? ...Понимание и недоумение – одновременно... это ли не странность?

Но странно, странно...

Но так странно видеть жадные руки, не знающие меры своей жадности; видеть трусость и подлость там, где есть тысяча возможностей этого избегать; видеть гордыню, не претворённую в гордость; видеть глупость, равнодушно проходящую мимо сокровенных дверей, глупость, которая осознала себя, но осознание отбросила, растоптала...

Так странно осязать утаённые в ряске и сумерках останки того, что сулило явиться величайшим и небывалым!..; осязать глухоту и чванливое онемение сердец (глубокие застывшие следы в текучести вод...).

Так странно слышать: «ты жесток!» от тех, кому в трудное время ты подставлял плечо; слышать: «ты безумец!» от тех, кто рядом с тобою становился мудрее и выше; слышать: «ты чудовище!» от тех, кто находил у тебя утешение и уверенность в своих силах...

И – никогда – хотя бы: «эй, жестокое безумное чудовище, тебе не холодно? ты не устало? ...почему ты плачешь?» (А и впрямь: кому и какое дело, почему плачет чудовище... Захотело – и плачет; у него для этого свои – чудовищные – соображения... ..Ну холодно, ну устало... и что? эка невидаль!)

Недоумение и понимание – одновременно... Это ли не странность?

...Но – понятно и не вызывает ни малейшего недоумения: мы с озером – неразделимы (куда нам друг без друга?). Мы вместе пришли, и уйдём – вместе. ...Сколько нам с ним ещё кочевать, уподобляясь переменчивым бродячим миражам на бесплодных равнинах – кто знает?... ясно одно: когда-нибудь (это обязательно случится!) озеро станет океаном...! ...

...Океан-ДОМ, океан-ПТИЦА, океан-СОЛНЫШКО... Кто скажет мне, несмышлёнышу, долгой ли будет дорога? трудным ли будет ожидание?..

Но: мы – продолжаемся! да!..» ...

По озеру пробежала рябь. Залопотали-запели (тихохонько...) камыши. Сдвинулись, и – сдвинувшись – сомкнулись берега.

«...В дорогу... в дорогу... в дорогу... !»

...Смена среды обитания не слишком-то и удивила озёрных жителей, не вызвала особенного беспокойства. Да и с чего? Болотце, по правде говоря, было и обширным, и тёплым, и довольно-таки комфортабельным. Здесь было сытно, основательно, обустроено (не в пример предыдущему обиталищу). Здесь каждый имел свой уголок, свои обязанности, свою собственную уверенность в завтрашнем дне, где не было места ничему устрашающему, теребящему (никакими кошмарами, навроде возникавших иной раз на озере океанских веяний, – здесь и не пахло). Нынешние (болотные) жители не печалились: ничего, кроме удовольствия и приятности, произошедшее не вызывало.

...И только некоторые из них, пугливо уклоняясь от пренебрежительных и осуждающих взглядов, изредка рыскали по окрестностям, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь лужицу, способную прозрачностью и глубиной напомнить озеро... о з е р о...

Лужиц было много, но они быстро высыхали, оставляя после себя ладошку ребристой потрескавшейся земли...»

– Ну что, – спросил ёж, – я всё записал верно?

– Да-да, конечно... – рассеянно отозвался зверёк.

Они сидели у догоревшего, лишь изредка пропыхивающего жаром костра. Сидели, молчали, помешивая палочками угли...

И было им вместе уютно-уютно.

И было им немножечко грустно...

(о НЁМ...)

Жёлудь встрепенулся. Жёлудь приподнял укрывавшую его травинку и осмотрелся вокруг...

Становилось всё более и более сыро; совсем сыро. Сверкали молнии. Отовсюду шумело и грохотало. Отовсюду темнело; и темнота – шагая размашисто, шагая уверенно – уклонялась от всяческих попыток высветлить её, гасила длинными зыбкими руками все огоньки и блики.

Жёлудь вежливо осведомился о происходящем у лежащей рядом Сухой Ветки и узнал: надвигается большущий повсеместный потоп; всё будет перевернуто и раздавлено, всё будет сметено и забыто. (Как вам это?..)

Жёлудю это не понравилось и очень огорчило: как же так?! всё-всё...

(Заплакал... стряхнул слёзы... нахмурился, решительно сверкнув маленькими глазёнками...)! (...Но это – потóm... потóm..., но – непременно!)

Он стал затискиваться-зарываться в землю, уходя как можно глубже, затрамбовывая-закрывая за собой следы прохождение. Он вжался в переплетения корней... уцепился крепче... зажмурился...

...И заснул.

...И пришла Большая Вода, – переворачивая и давя, сметая и предавая забвению...

...И ушла Большая Вода. Ушла не вовсе, но надолго, но далеко...

Жёлудь проснулся.

Он вздохнул глубоко, стряхивая с себя синяки, ссадины, кошмары. Он расправил плечи, бережно, но настойчиво раздвигая всё, что мешало ему, и – упираясь крошечными, но сильными корнями в размокшую землю – возрос.

Как зачарованные смотрели все, кто мог и хотел смотреть, на появившийся посреди болотистой пустыни молодой ДУБОК...

Он рос. Он поднимался ввысь с невероятной, стремительной быстротой, никого не задевая локтем, никого не устрашая. Он рос-возносился, наливаясь упругой звенящей силой, весь в сполохах красоты, весь в шелесте неувядающих зелёных листьев.

...И рос вместе с ним (укрепившись на самой сильной и прочной ветви) – будто бы игрушечный, но самый что ни на есть настоящий – ДОМИК.

ДУБ вырос, спокойной нерушимо слив свои корни с землёй, соприкасаясь тёплыми изумрудными губами с небесным сводом.

...Но пришло время, и вновь – предваряясь сыростью и темнотой, мол-молниями и страхом – пришла Большая Вода. ...И удивилась...

Нечего было крушить, нечего было переворачивать, сметать, предавать забвению: всё-всё-всё, всё сущее, всё, что только имело причины опасаться и трепетать, – собралось в ДОМИКЕ, стоящем на одной из ветвей прекрасного, сильного, пронзительно высокого ДУБА.

(Всё-всё-всё!)

...Внутри ДОМИКА ярко горел очаг, – согревая, наполняя все – даже самые робкие – сердца ликующим светом. Там было уютно; настолько уютно, что каждый мог, оставаясь с самим собой, – оставаться со всеми вместе, неразделимо. Там было весело; так весело, что всё происходящее внизу казалось смешным и нелепым наваждением, зряшным мóроком. Кто-то – отплясывал, кто-то – крепко обхватив цветастую блескучую чашку – лакомился душистым чаем, кто-то – найдя собеседника, которого искал всю свою жизнь – говорил и говорил... слушал и слушал...

Ни пошевелить ДУБ, ни добраться (хотя бы!..) до самых нижних его ветвей Большая Вода так и не смогла.

Она побурлила вокруг могучего дерева, – то обмывая, то пачкая его ствол... вздыбила несколько удивлённых волн... немножечко потрясла – топоча – земную твердь... и (кажется, улыбнувшись...) ушла. Ушла навсегда.

ПАРК

...Тихонько треснула, а треснув – упала сухая ветка...
Трепетнулся лёгкий ветерок...

Я посмотрел наверх: небо высветлилось, посвежело; от утренних звёзд, отливавших бледным голубоватым серебром, доносилось ощущение улыбки... скользящих флейтовых нот... И было уютно от этого, и было от этого хорошо, спокойно.

Миша, побряхтывая и что-то бормоча, выбрался из кресла; направился к столику с термосом, на ходу оборачиваясь и поглядывая ласково на спящих с открытыми глазами студентов.

– Миша, что теперь?..

– Да ничего. Сейчас отправлю их домой, – пусть поваляются в постельках... до вечера. Ну, а с вечера у них начнётся совсем другое житьё-бытьё.

– Какое – «другое»?

– В них потёплет, понимаешь? Они больше не смогут жить с оледеневшими угольками в сердце. Они будут отогреваться, – понемножечку, но всё больше и больше; отогреваться и – согревать других, тех, кто рядом. Главное было – расшевелить.

– Полагаешь, я угадал со сказкой?..

– Похоже, что так.

Миша налил себе чайку, сделал несколько малых глотков, поставил чашку, и – резко развернувшись – хлопнул в ладоши.

– По домам, малыши! По домам! Доброго пути!

Ночные мои посетители-гостеватели встали: одновременно, быстро, но – с мягкой (даже – нежной) плавностью движений; не говоря друг другу ни слова – направились к выходу из парка. Я смотрел им вслед и видел синие лучистые искорки, танцующие над их головами... по их плечам... по развороту твёрдо ступающих ног...

– Эй, горюн-грустец, где здесь можно поспать?

– Ты хочешь спать в парке?

– Ага. Мне нравится это место: оно измученное, но – до-

брое, приемное. ...Небось, зашагивал уже? видел Старый Лес?

– Видел.

– Ты – умничка. Вот только затяжелел слишком, обмяк... Да ладно уж, ладно, – не будем об этом!

Миша обнял меня, вздохнул и стал вытряхивать из термоса остатки чая.

– Заварим свежий, а...?

– Конечно, заварим. ...С мятой?

– С мятой!

Пока я набирал воду и ставил котелок на угли, – Миша прикинул-разговаривал с чаем и листочками мяты: шептал в них, держа в ладонях, легонечко дул. Через какое-то время – чайники заблестели, став очень похожими на мелкую рыбью чешую. Миша бережно ссыпал их в термос.

Мы чаёвничали до семи утра, беседуя о недавних ветрах, о Старом Лесе, в пространство которого вели почти все парковые щёлочки-коридоры.

В семь часов, прихватив телогрейку и старенькое одеяло, я отвёл Мишу в заброшенное здание, метрах в двухстах от сторожимого мною кафе.

Место понравилось. Мы миновали горки мусора, листы фанеры, стайку линялых плакатов в одном из углов... отгородили лежбище от сквозняка, застелили одеялком...

– Ну что, доброго тебе сна, бродяга, не имеющий пенсии...

Миша захохотал.

– Спасибо, Севонька! Ночью увидимся; я здесь денька на три. ...Ты покушать принеси.

– Мог бы и не говорить...

– Ты картошечки, картошечки принеси, и – маслица, маслица подсолнечного! Ладно?

– Принесу. Спи, Миша. Доброго сна. ...Хорошо мне с тобой, – спасибо, что появился.

Принесённую картошку и салат он лопал с прямо-таки стремительной быстротой, с удовольствием прияхиваясь к каждой картофелине; давно ничего не ел, это было

AMMA

очевидно. Еда ему встречалась раз на раз, как придётся. (Иногда Миша тощал до невозможности, но – несмотря на голод – Сила и Жизнерадостность не убывали, нет. Он говорил: «Не покушаешь сейчас – покушаешь потом, ерунда-то какая! А если и потом не получится, то – когда-нибудь; само всё образуется: тропинки наших нужд мудрее нас, если мы, конечно, не насилуем их избытком своих желаний. Верно?..»)

Ох, Миша, Миша! Солнышко...

...Ночью мы отправились-побрели в Старый Лес. Он принял нас, принял хорошо и охотно... жданно... встречательно...

С Мишей всё оказалось куда проще: сразу попали в самое лесосплетение, и – сразу – в гости.

Дáлыч

Э тот день был у меня весь... ну какой-то ударятельный, честное слово! Ударятельный – это об меня то и дело ударялись (на улице и в транспорте) почтенные гражданки и не слишком почтенные граждане. ...И когда я вечером, часу в одиннадцатом, вышел из дома, первое, что случилось, – в меня врезался на полном ходу юркий и довольно скоростной старикашка, бомжеватого-суворовской наружности.

– А вроде бы пожилой человек, – сказал я, потирая порядком обдолбленный за сегодняшний день живот, – а так носитесь! Что же это вы!

Старикашка, поелозив, стал подниматься с асфальта, бормоча что-то вроде: «Ходят где ни попадя всякие шкафы, продохнуть нельзя!..»

– Вам помочь?

– В колхоз езжай помогать! там-таки комбайнам самое место!

«Экая ядовитая персона!» – подумал я и, отвернувшись, стал открывать бутылку с минеральной водой.

За спиной раздался железный скрежет. Оглянулся: ядовитый старикашка с тоскливой настырностью ковырял – уцепись за расщелину – железную дверь подъезда (выходя – я её захлопнул). Пыхтел. Не сдавался, – дверь и так и сяк уцепливал, егозил плечом.

Стало любопытно.

– Не тягостен ли вам сей труд? – благожелательно спросил я. – В ваших-то преклонных годах?.. По силам ли?.. Может – с разбегу...?

Старикашка сердито обернулся:

– Иди отседа, амбал! Иди! Разбулькался тут, как коза на водопое!..

Он достал из кармана – то ли проволоку, то ли инструменты какие-то замысловатые, – и стал, изогнувшись дугой, ёрзать своим металлоломом в замочной скважине. Я наблюдал. ...Взломщик из старикашки был явно аховый, – средства взлома сыпались из рук, дверь же – не реагировала, вовсе; плевать ей было на этого обормота! Мне стало совсем весело.

– Дедуся, может – в обход? ...Не столь прямолинейно, а? – Вид старикашки излучал свирепость: вспотевший Суворов, да и только! – Помните, как Александр Васильевич, в Альпах...? Сверху – вниз! ...Вы бы с крыши попробовали, что ли...

– Зашибу! – прохрипел «Суворов», глядя на меня с явным расположением к драке.

Драться не стал (различие весовых категорий...возраст...). Сел на лавку. Я подошёл, протянул ему бутылку с минералкой:

– Остудитесь, сударь.

Тот сердито зыркнул, но воду взял.

– Всё образуется. Рано ли, поздно ли... При вашем-то темпераменте!

– ...Это второй подъезд?

– Да, второй.

– Ох..

– Может – не примите за дерзость! – вам открыть?

– Как это?..

– Ключом. Я живу в этом подъезде и у меня, естественно, есть от подъездной двери ключ.

Я открыл. Старикашка сидел, хлопая ресницами и растерянно поглядывая внутрь подъезда.

– Вы только, если не застанете к кому шли, – не изголяй-

тесь над квартирной дверью, а то соседи вызовут милицию.

– Да, может, его и нет...

«Суворов» явно оробел и выглядел как-то обеспокоенно. Мне сразу представился его героико-победоносный близнец, который – ну как на картине – съезжая с Альп на собственной заднице, неожиданно (где-нибудь посерединке съезда) наткнулся на выступающий камешек...

– Вы поднимитесь, позвоните...

– Угу...

– Вам какой этаж?

– Второй. Квартира ...

Он назвал номер моей квартиры. Очень любопытно.

– Мне Всеволод Сергеевич нужен. Шмаков. ...Не знаете?

– Знаю. Я Всеволод Сергеевич.

Старичок поднялся. Мордашка его неумеренно удлинилась.

– Вы?

– Я. Паспорт могу показать. Показать?

– ...Маэстро?..

Так я познакомился с Далычем (Андреем Даниловичем), внешне – непоседливо-язвительным, а на самом деле – очень милым, талантливым и добросердечным человеком.

Он приехал ко мне со своими стихами... со стихами, которые были хороши как стихи, но мертвы как поэзия. Отлично сработанные пустышки, хотя – с просверками возможного наполнения. Для того его, собственно, Миша ко мне и отправил: разобраться. (Забегая вперёд, скажу: разобрались. Не сразу, конечно, – неделю с хвостиком потратили, но – разобрались. У Далыча был скошен акцент восприятия Открытого Потока; вдохновение лишь краешком, кромкой задевало его, – распахивая, но не наполняя. Это частое явление! Увы, совсем не мало потенциально талантливых людей существующих как графоманы! Их тянет к ручке... тянет к бумаге... они даже могут – со временем – стать весьма и весьма изрядными профессионалами, да: пусто... пусто... пусто...

Для букетика-Миши стихи всегда были очень насыщенной и яркой частью жизни. Миша часто (очень часто) работал со стихами-метафиксациями: он ходил в них, он дотрагивался через них до тончайших (не находимых по-иному) ниточек П Р О С Т Р А Н С Т В.

Находиться в метафиксациях Далычу очень понравилось. Да только – в не своих... Не получались у него свои. Чувствовал – может, но слова – раз за разом – падали на бумагу мёртворождёнными. Миша поначалу утешал, говоря, что метафиксаций – множество; пользуйся ими! будь в них! Да только Далыч не унимался. И тогда Черноярцев уфутболил его на лечение (и не его первого, меня при том особо не спрашивая...).

Как-то (в одну из ночей, в Парке) я попросил Далыча рассказать мне о своей встрече с Мишей. Далыч жутко засмущался, запунцовелся, зашмыгал носом. «Ты чего?» – спросил я. – Да, понимаешь, коряво как-то вышло... – вздохнул. – Петушистости во мне – пудами, хоть в тачку складывай и огород удобряй. С детства маюсь... – опять вздохнул, – никак не избуду. Нескладуха, да и только...» «– «Ну, расскажи как есть...» Повздыхал Далыч, поохал, но – рассказал. Причём начал издалека, чуть ли не с младенчества (а повстречались они года три назад!). Впрочем, не потянуло меня очень уж сокращать его повествование...

«Родился я в тридцатом. ...Ты понимаешь, как-то пронесло меня мимо всякой дряни, кровей, грязи. Война – никак не коснулась, разве что недоеданием; на фронт – рано, пацан ещё (как представляю, что могло бы довестись стрелять по живому – жуть берёт!), сам я с Северного Урала – никаких оккупаций, никаких приграничных угроз... Ну, а позже, – два раза лагеря обминул; в первый раз – с этапа бежал, в самом начале (в бегах документами разжился, – блатные помогли), во второй – накатило: сам пришёл в органы и заявил начальнику, до которого меня пустили (сказал: по важному делу), что вот эти вот – ткнул пальцем в портреты над его столом – падлы вонючие, и – в морду (по-

ка он глазами-то в углу хлопал, я подхватился и – тю-тю!). Документики потом пожёг, обзавёлся со временем новыми.

Ты знаешь, Сергеич, никогда никому задницу не лизал и не понимал этого в других! И на верёвочке не ходил! ...Вот сейчас всё пишут, всё говорят: репрессии... миллионы жертв... полстраны по тюрьмам... тирания... произвол... Да они же как барашки на убой шли! Блеяли, но – шли! Миллионами! Покорно! Говнясь на всё это уродствие только у параша, между собой (да и то – шёпотом, озираясь...). Рабы... Я, Сергеич, ещё тогда понял: рабство – оно не вне человека, оно внутри него; кто свободен – тот и в цепях свободен, а кто раб – тот всяко раб (и во всякое время, и при любых условиях...).

...Отвлёкся, вообще-то... Да, так вот, – мотался по стране, работал то здесь то там... бывало, где и осяду, но не чересчур, – не засиживался.

Не женился. Детишками не обзавёлся. ...А на пятом десятке вдруг прошибло меня что-то, потрясло: стихи стал писать. Грудами! Да... Бывало, как пьяница – сутками, запершись: строчку к строчке, строчку к строчке. Сколько раз меня через то с работы гнали – не сосчитать (да и фиг с ними!). ...Поманило, позвало, улыбнулось... ну ровно надежда какая невидимая полыхнула...!

Тут ещё вот что: свело меня в жизни (ох, спасибо!) с одним дедком, с дедушкой нашего бухгалтера заводского; я на том заводе в вахтёрах подъедался. Подрядился полки книжные делать, кой-что по сантехнике подлатать... Пришёл. Ёлки-палки! Там такая библиотека была!.. Не библиотека – библиотечище! Везде книги: в комнатах, в коридоре, в ванной, на кухне... Десятки тысяч! И не то чтоб в какой библиотечке государственной, где большая часть книг окромя как в макулатуру не годна... Нет. Всё – книжечка к книжечке, жемчужинка к жемчужинке! Каждую копейку – на них (сам-то дед – обтёрханный, залатанный; спал на коврике узкой – промеж книг, – как в окопах).

Я ему говорю: всё, что есть работы по дому – сделаю, бесплатно, только допустите меня до книг. Дед не жадный оказался. Допустил. Ой-ёй-ёй!..»

У Датыча даже глаза замаслились, когда он это вспоминал. Пауза, на пару минут – не меньше. Я осторожно окликнул его:

– Датыч, – говорю, – ты там не уносишь далеко. Давай всё же, как-нибудь, до Черноярцева доберёмся...

Он очнулся. Вздохнул. Мечтательно поскрёб щетину.

«Ты понимаешь, Сева, я думал, что – читал, читал не мало... А ничего я, как выяснилось, не читал! Там всё самое лучшее было, и наше, и переводное (столько стран! столько времён!)! Я ошалел. Два месяца – будто угорелый, даже деду полки кривые сделал. (Он не обиделся. Понял. Порадовался за меня.)

Угорелым ходил месяца два, а переваривал это в себе потом лет десять. Многому научился. ...Только не научился дыханием слова наполнять... Вот, скажем, берёшь в руки Лорку или там – Цветаеву: как ребёнка на руках баюкаешь – живое, цельное...! А я... Уедало шибко, свербило. Попробовал избавиться писать стихи – не вышло. Маялся...

...Пришлось мне, года три назад, в Бурятии хвост окочивать. По побережью шагал: очень уж к Байкалу всегда тянуло, родной он мне. Здесь-то с Мишей и зазнакомился, ...да вот только дурком как-то...

...Расположился я в сараюшке брошенной; в старое сено замотался, – лежу, блаженствую... Ночь. Крыша – нет её почти, погнила; всё надо мной: небо ночное, звёзды... Не темно. Лежу, травинку жую (харчи уже дня два как вышли). ...Вдруг – оторопь меня пробрала! – по небу человек идёт. Сверху – вниз... вниз... Медленно так идёт, неровно, будто по горке спускается. «Что, – думаю, – за ерунда? Может – придремался...?» Ущипнул себя, по щекам разок охлестнул... Куда там! – идёт. Причём, судя по направлению, явно на мою сараюшку путь-дорожку держит.

А я лежу, рот разинувши: страшно... ну – дико, попросту...! Не дёргаюсь.

Человек тот и впрямь на сарай сошёл. Уселся на обмылке гнилой доски, ноги под себя поджал и вниз смотрит.

– Эй, – говорит, – а я тебя вижу!

Я к нему тоже присмотрелся, гляжу: мужик мужиком, в телогрейке, немолодой вроде. По конституции – вровень со мной: маленький, поджарый... Тут меня петушистость-то и одолела (со страху, наверное).

– Что это ты там видишь? – к нему адресуюсь, разоряюсь. – Щас вот в лоб вделаю, чтоб по ночам не шастал, людей не пугал!.. Всё у меня разглядишь!

– Да ты буян! – захохотал он, и спрыгнул ко мне.

Ну, думаю, тут ждать нечего, – с колдунами надо быстро управляться, пока голову не откусил. Размахиваюсь – широко – чтоб, аккуратно, челюсть ему пощупать, и... – застреваю. Рука в воздухе застревает – ни туда ни сюда... А мужик этот небесный в полуметре от меня стоит, хмылится. ...Я ему с левой! – левая рука застревает; стою, как идиот, с двумя поднятыми руками – шелохнуть ими не могу.

– Успокоился? – добродушно так спрашивает, с подходцем.

– Ага, – говорю, – ...тебя, ехидну, успокою, и – успокоюсь. Да как дам правой ногой! ...Нога застряла.

Веришь ли, Сева, – стою на одной ноге, с поднятыми руками, а сам думаю: как бы мне его, гада, ущучить!

Тот вокруг меня обошёл, гыгыкнул.

– Ну что, – встал опять насупотив, – не надоело?

А я, знаешь ли, пока он обход-то свой делал, слюны малость поднакопил. Только он, значит; ряшку передо мной завесил – тут я и плюнул! ...Да вот, однако, получилось, что в себя плюнул: всё лицо в слюнях.

– Экий ты, – говорит мужик, – а ещё стихи пишешь!

– Отдышусь – в ошмётки раздолбаю! – отвечаю ему. А сам стою на одной ноге, весь в слюнях, и думаю: «Как же он про стихи-то прознал?.. Нечисть, одно слово».

– Забавный ты, – говорит мужик. И – на выход.

– Эй, – кричу, – а мне что: так и стоять?!!

– А что, – спрашивает он, – разве худо? Тебя теперь белой краской покрасить – и сойдёшь за статую. За мраморную. Будешь ты у нас аллегорией неукротимости! А?..

Я и сказать-то ничего не мог – только сглотнул.

Мужик засмеялся, махнул рукой, и я свалился на пол. Без сил. А он – ушёл...»

Далыч опять умолк. Закручинился.

– Однако суровая ты личность, – говорю. – Меня вон тоже у подъезда затоптать норовил!

– Да я бы не полез... Мне, Сергеич, до сих пор знаешь как стыдно! О-хо-хо... Я ведь грохнутья – грохнулся, а глаза того мужика помнил: добрые... ласковые... тёплые такие... Что меня разобрало!

– А дальше?

– Дальше...

Несколько дней спустя вышло мне через лесок пробираться. Думал – засветло к берегу выйду, а нет – в лесу темень заловила. Хрупаю в сумраке по бурелому, злюсь на себя, бестолкового (мне советовали другим местом пройти, – не послушал...). Часа два так ковырялся. Устал. Присел отдохнуть.

И сидится-то главное, не то чтобы в отдых, а так: жутковато. Я с тех пор, как того колдуна в телогрейке повстречал, – дёргался всяк (по поводу и без повода), нервный стал. Вот: ветка назади хрустнет – аж перекручивает! ...Да и места вокруг Байкала... сам, небось, знаешь, – давние места, глубинные...

Сижу. Дёргаюсь. ...А там – по-справа, вдалёке – вроде бы огонёк промаячил... Приглядываюсь: точно – огонёк! Ломанулся туда. И страхи-то все разбежались, – быстро иду, прям как горный козёл по валежнику выплясываю!

Вначале думал: на сторожку какую иду, оказалось – к костру. Вышел. Большущий костёр; из половинных сушин сложен, высокий. Вокруг люди: семеро, разных возрастов и наций, но обликом чем-то схожи. (Я ведь поначалу подумал: туристы; эти куда только не забираются! А вот обсмотрелся: нет, не туристы, больше на бомжей-бродяг похожи. Но только не бомжи. Одежка на них, правда, старая, в заплатках; хозяйство – что возле костра – скудное, аховое... но лица... Ровные лица, тонкие, точёные. Спокойные. Таких у

бомжей не бывает! А глаза... Ну, не знаю, – сильные глаза, так, пожалуй.) Подхожу. Здравуюсь. Прошу принять в компанию до утра. Те не отказывают, приглашают. Но, сразу заметно, равнодушно приглашают; понятно: нужен я им тут, у костра, как сопля крокодилу. Только один – молодой из них самый, лет семнадцати – зыркнул вроде бы с любопытством.

Тут варево у них, в котелке здоровом, поспело; стали деревянным черпаком по кружкам и чашкам разливать. Я тоже свою кружечку достал. Протягиваю.

Ихний старший – длиннородый, гривастый (видный мужчина) – удивился очень. «Вы, – говорит, – к нашему чаю непривычный. Уж заварите себе лучше своего». Жадничает, что ли, думаю? «Я, – отвечаю ему, – ко всякому привычный. Мне, милоч, семь десятков – восьмой пошёл, многое перепробовал и новое пробовать не стесняюсь!» Тот мнётся. «Что вы, – спрашиваю, – на мышьяке свой чай настаиваете?» «Нет, – отвечает, – на здешних травах». «Ну так лейте, чего там! Травка она и есть травка, худого не будет». Он пожал плечами, и всё ж таки плеснул полкружки. Я понюхал, конечно, сперва, полизал: запах обалденный! а на вкус – мятой отдаёт... и навроде как персиками. Выпил. Хорошо! горячо! прямо каждая жилочка натянулась и задышала! ...Тут-то меня и свалило; шибануло изнутри – промеж бровей... сдёрнуло... понесло...

Сейчас, Сергеич, я понимаю – задним числом – что это меня в мои прошедшие жизни вытянуло... А тогда – ошалел здорово. То – я возле костерка отвар попивал, а то – вдруг! – еду в шарабане дурацком, дребёзгом, и рядом со мной девушка, лет пятнадцати, вся в кружевах и финтифлюшках... папой меня называет! Мол, спал я долго, так не приказать ли остановить, растереть мне ноги. Вот так...

Пока я, значит, озирался, – опять шибануло, закружило...

Толпа. Площадь. Здания вокруг низенькие, навроде маза-нок. На площади одни мужчины (все в сарафанах каких-то коротких, грязных). Молчат. На меня смотрят. ...А я, понимаешь, в центре стою: взгромоздился на булыжник здоровенный и что-то им, судя по всему, втолковываю. ...Пришло по-

нимание: я здесь, в этой деревне, главный (навроде князя), но я им, сарафанникам этим, чем-то не потрафил; не затолкую, не уболтаю – набьют морду (или ещё чего похуже).

Опять в голове полыхнуло...

Тут уж вообще... Даже говорить неловко – стыдоба! ... Я – женщина, и со мной интимными делами занимаются...! (Впрочем, кажется – муж...) Ощущения непередаваемые!!

И – опять...

И – опять...

У меня было ощущение, что я еду в каком-то поезде: то разглядываю проезжаемое в окошки, то из открытых окошек вываливаюсь (но меня сразу же подбирают-втягивают обратно). Прямо карусель, да и только! ...Носило долго. Столетия носило, эпохи...

Очнулся. Костёр горит, люди сидят: молчат, прихлёбывают из кружек. Не сразу я въехал, что не новое это вываливание в окошко, а – моя станция. А как понял – вскочить хотел (да не смог – голова закружилась), зарычал на того, бородатого: «Ты что, – рычу, – налил мне, изверг?!» «Однако шустрый ты, дядя, – удивился он, – быстро в себя пришёл...» А во мне пыл-то уж и угас; слабость, вялость навалились. «Ты, – бормочу, – что мне подсунул...?» «Что просил, – хмыкнул он. – Может, ещё плеснуть?» «Да я, – хриплю, – лучше из болота хлебово похлебаю, чем с тобой чай гонять!»

Тут зареготали все, дружно так, жизнерадостно. Ко мне молодой пацанёнок подкатил. «Вы, – говорит, – на Мастера не обижайтесь. На каждого по-разному этот отвар действует. Для большинства – вкусный, бодрящий напиток. ...Он же не знал, что память вашей души так близко к поверхности! Вы способный, дедушка». «Спасибо на добром слове, – отвечаю, – но об мастера вашего, как ноги окрепнут, дубинку-то, авось, изломаю! Это уж как пить дать, внучек...» И опять все зареготали. Смехотно им, паршивцам.

Сижу, к коряжке сухой прислонясь. Очухиваюсь.

...Вдруг все засуетились, вставать начали. Смотрю: из леса, из самой темени, – девица выходит, лет тридцати на вид. Красивая, в яркой городской одежде, мордашка лука-

вая. Выходит, значит, и – ни на кого не обращая внимания – прямо ко мне. Рядышком села. ...Очень волнительная женщина! (Я, Сергеич, признаться, хоть и в годах, а до противоположного пола по-прежнему падок. Завожусь с пол-оборота...) ...Сидит, глазами блестящими посверкивает, улыбается.

Длиннобородый ей кружку – полную – приволок, в руки протянул. «Не пейте, – говорю, – девушка. Они тут такое варево наварили – ядрёней самогона. Не пейте!» Она ко мне – бочком – придвинулась (у-ух!..) и елеиным голоском спрашивает: «Обидели вас эти чудовища, да?..» «Не пейте, – я своё талдычу, – вылейте лучше». А сам (ну, прямо на себя диву даюсь!) обнимаю её, прижимаю покрепче. Не противится, податливая... тоже – тянется.

Все, кто у костра, смотрят на нас застывшие как-то, рты разинувши. Только длиннобородый скалится.

«Лин, – обращается она к длиннобородому, – это ты его обидел?» «Получается, что я, – развёл тот руками». «И все-то его, бедненького, обижают, – пропела девица и по руке погладила, которой я её обнимал. А потом, вроде как уже другим голосом: – А если такой обидчивый, чего обниматься лезешь...?» Я к ней оборачиваюсь... И тут меня – без врак! – чуть кондрашка нехватила: обнимаю я вовсе не женщину, а давешнего колдуна в телогрейке!!!

Таращусь на него, как гусь на бомбу, слова вымолвить не могу. А у костра все аж полегли от хохота; мальчонка – тот даже всхлипывает.

Ну а дальше...

...Дунул мужик мне в лицо, – полегчело, отошло. Вроде как никакого лиха не приключилось. ...И вроде, – переменялось что-то во мне: ...попростело... распуталось...

«Ты – колдун...? – спрашиваю». «Нет, – отвечает; строго так отвечает, доходчиво. – Я – человек, под ногами которого есть Д о р ó г а. Зовут меня Михаил Петрович, можно – Миша». Выпил он кружечку свою до дна, взглянул на меня: «Оставайся-ка – на годик – у Лина, малыш. Сердце у тебя хорошее, чистое... а хорохоренье да рукомашество – то жизнь тебя обнужила... избавишься со временем. ...Остаёшься?»

А и остался. Понимаешь, Сева, вдруг (озарило-таки!) понял: здесь, среди них, я – дома. ...Не было у меня никогда дома, не довелось. И среди людей всегда ходил – чужак чужаком, на отшибе... они – люди – чужие какие-то; не уважаю я человечество, видишь ли, ...шибко не уважаю. ...А с теми – д о м а. Вот и с тобой сейчас рядышком сижу, и – д о м а. Понимаешь, да?

– Понимаю, Далыч.

– Ну вот... Ну вот – рассказал. ...Маэстро, ты обещал стихи новые почитать. Почитай, пожалуйста.

(Вы знаете, я крайне редко читаю свои стихи. А когда и читаю, то – неохотно. Тут же я читал с большим-большим удовольствием! ...Всё очень просто: когда видишь, что под воду – под трепетный отрезок родничка – подставлена чаша (и вода не пропадет! не теряется!) становится хорошо. ...Вот мне и было хорошо, с Далычем. А позже стало ещё лучше: появился «телогрейковый колдун», Миша.

Через два дня Миша увёл Далыча – тропинками, через Старый Лес – к Лину. Перед уходом Далыч шепнул:

– Через неделю – Малая Зеркальная...

– Ты пойдёшь?

– Да... Ой, маэстро, у меня аж трясётся всё – так жду!..

– Ты только не дерись там ни с кем, родной. Будь светлее!

– Хорошо... – Далыч улыбнулся. – Пожелай мне что-нибудь, маэстро. Что-нибудь...

– Желаю: пусть сердце твоё всегда идёт впереди тебя, пусть будет оно твоим проводником... и посохом... и крыльями! Желаю, родной мой!

– Спасибо...

Миша тем временем стоял у большого каштана и, обняв его, прижавшись к стволу всем телом, – пел. И каштан пел; не подпевал – вовсе нет! – своё пел, но будто бы – пели вместе, одну и ту же песню.

...А то, что я пожелал Далычу – право же! – я желаю и всем вам (да и себе заодно...).

О Т О М О С Ё М,
А В Ч А С Т Н О С Т И ...

... **В**сё – р а в н о з н а ч н о. Это так элементарно! Это простейшее логическое изначалье (изначалье, как точка отсчёта в подлинном осознании любых – всяко-уровневых – процессов):

1) Бесконечность – бесконечна;

2) В бесконечности, при бесконечном дроблении-множестве (Условно-Конкретная Реальность) не может возникнуть ни одного проявления (элемента, фиксации), не являвшегося бы бесконечностью;

3) Проявления – в любой форме, в любых (применительно друг к другу) соотношениях, в любом статусе – не могут не быть р а в н о з н а ч н ы м и.

В с е п р о я в л е н и я (бесконечные) в бесконечности – р а в н о з н а ч н ы.

...Но – увы! – всякая бытийная форма (в охвате: от микро-Я (Я) до до макро-Я (МЫ) (неизбежно определяет (в этом – отчётлив и явен закон самосохранения Условно-Конкретной Реальности) именно себя как точку отсчёта; закукливаясь, теряет (условно) свойства бесконечности. И теперь – уже не будучи бесконечностью (условно) – закрепляет себя и как точку отсчёта, и как меру определений.

Мания человечества, «Венцов Природы», вбивать в прокрустово ложе своего ограниченного психологизма, затуманенного сознания, куцега духа всё, что под руку подвернётся, – не есть мания, присущая исключительно данной бытийной форме, но – любой. Бесконечность, будучи в статусе Условно-Конкретной Реальности, раздроблена на бесконечное множество условно-конечных элементов.

...И, казалось бы – так просто понять: в с ё – в с ё – в с ё – р а в н о з н а ч н о (!). Ан – нет, не просто, оказывается, совсем не просто (почти что – не оказывается вовсе...). Мы так привыкли к чёрному и белому, добру и злу, великому и малому... Мы разрушительно и нелепо мотаемся по миру, размахивая – будто б рогами! – тискающей нашу болящую голову Коронай Разума. ...Есть глупые (их много), есть умные (их несколько меньше), – и умные со снисходительным высокомерием смотрят на глупых, совсем позабыв древнюю (очень-очень древнюю) истину: умность – это завуалированная глупость. Мы совсем забыли о мудрости... ..Но мы помним, помним: есть чёрное и белое, есть добро и зло, есть великое и есть малое.

Вы можете спросить: а зачем, собственно, я всё это вам говорю...? Отвечу: не знаю. Захотелось – и написал. Приспичило.

(Право, не имеет значения, кто сейчас читает эту книгу: глупый?.. умный?.. – ...всё равно. Мне только хотелось бы (это надежда), чтоб была в читающем – вне зависимости: глуп он или умён – капелька (пусть – крохотулечная!) мудрости. Мудрости нет разницы: капелька ли... океан... Она во всём – бесконечна. ...И тогда мои полудневниковые записи вам на что-нибудь да сгодятся.

Возможно, кто-то – пролистнув и захлопнув – скажет: «Странно это всё...» Я разведу руками: «Да чего ж тут странного-то?» Кто-то скажет: «Не верю!» Я опять разведу руками: «Сочувствую... ..Ну и что?..» Кто-то скажет: «Вздор. Глупость» и с умным видом возьмётся читать газету. ...Тут уж я не буду разводить руками, – промолчу. А кто-то... ..)

Когда я сообщил Мише, что хочу написать о нём дневниковообразную книжицу, он очень удивился:

– Зачем, маэстро?..

– Хочу, – честно ответил я.

А что я ещё мог сказать...? Это возникло одновременно и однозначно. Отчётливо. Не скажу, что мне до невтерпёжа хотелось заниматься такой работой: не моё это... Но – возникло. Вот так.

– Хочешь – что...? Несколько этюдов из жизни бродяги-ветерана?.. или – ночное пугало для добросовестных домохозяек и не менее добросовестных научных работников?..

– Понятия не имею! Откуда я знаю, что получится?

Миша посмотрел на меня весьма ехидно.

– Миш, не будь занудой! ...Я всегда избегал разговоров о тебе, причём не только публичных, но и тет-а-тет. Меня самого эта идея несколько смущает...

– А может – чудишь?

– Нет. Пришло. Пришло и всё тут.

– Тогда – пиши.

– Так ты не против?

– Сева, меня это не слишком радует... но и не слишком огорчает. Раз пришло – значит, надо. Пиши.

Этот разговор был у нас в начале февраля данного (2005) года. Лёгкий мороз. Гололёд. Мы часа два бродили с Мишей по закоулкам Серебровки, спотыкаясь и периодически шлёпаясь.

Букетик-Миша вот уже несколько дней как появился в Туле. Появился почти одновременно с моей долгожданной (почти НЕ-жданной) радостью: трёхлетний (с хвостиком...) кошмар – закончился, тучи размыло, боль ушла. И хотя я по-прежнему был весь в гирляндах недугов, но – встал на ноги, распрямился... Кое-что произошло, очень огромное и пронзительное КОЕ-ЧТО. Я не буду рассказывать об этом.

...Мы вышли с Мишей к ограде Парка, миновали калитку, побрели мимо старых заледенелых кустов – в глубь... Деревья тянулись к Мише; они узнали его, они звали, звали, звали – радуясь – в Старый Лес.

– Миша, по-моему, тебя знают все, кроме людей...

Он хмыкнул, и тут же – оскользнувшись – невесомо повис на моей руке.

– О-ох...

– Ты бы шагал не так размашисто... в калошах-то стёртых.

– Ерунда. – Миша распрямился и с восторгом оглядел свои калоши. Я в них и месяца ещё не проходил. Новенькие!

– А то ты их в магазине добыл!

– Нет, конечно, – на свалке... Ну и что? На свалке всё добротнее! – Миша притопнул калошами и добавил: – А что до людей... С чего ты взял, что меня кто-то – книжицу прочитав – узнает? Да в меня и поверит-то мало кто; сам же в фантомах ходил, так неужто не понимаешь?!

Да, действительно... Мне несколько раз приходилось слышать, что такого человека, как Всеволод Сергеевич Шмаков – попросту не существует. Бред. Вымысел. Один раз мне излагали это прямо в лицо, причём настолько вразумляюще и убедительно, что я долго потом себя ощупывал, а вернувшись домой – внимательно осмотрел в зеркало (малодоказательно, но – успокаивает...). ...Что же тут говорить о Черноярцеве! (А уж о Ткаче...)

– Да мне, Петрович, признаться – без разницы: поверят.. не поверят.. Всяк сам себе ответчик и цензор. А вот познакомить – познакомлю! Дудки. Приспичило.

И тут Миша опять шлёпнулся... Очень неустойчивые калоши! Добротные, но неустойчивые.

(Мне нравилось (хотя всегда тому сопутствовало удивление) узнавать в людях, встречавшихся мне по жизни, тех, кого я встречал раньше... п р е ж д е... С кем встречался не раз, и – по-разному...

О, такое случалось часто! Хотя и не всегда распознавался в том, кто рядом п р е ж н и й з н а к о м е ц, в р а г, р о д н о й ч е л о в е к... не сразу... но – обязательно.

Ну, а Мишу я вспомнил в первую же встречу: мы много-много раз оказывались рядом, близко... И – не было удив-

ления; до такой степени это явилось само собой разумеющимся, естественным и очевидным, что удивление отодвинулось в сторонку, и оттуда – со стороны – наблюдало за нами, улыбаясь вдумчиво и хорошо.)

...Ни с того ни с сего вспомнилась история о собаке, рассказанная мне Натой возле одного из дольменов... Вспомнилась, и так показалось нынче, что именно здесь ей будет самое место. И время.

«Миша оставил меня в лесу, в одном из больших старых кругов, – сидеть, думать. Он сказал, что вернётся через неделю, погладил по голове и ушёл.

Я очень нуждалась в этом: сидеть... думать... Что-то стучалось в мою дверцу, а я ни ощутить, ни угадать не могла. Мишу спросила; он не знал, но привёл меня сюда, к кругам. Он много и сильно пел, он просил мои тропинки сойтись ко мне... И лес – шумел, лес раскачивался... Миша сказал: лес принимает тебя, оставайся.

Ночью было так хорошо! – совсем не страшно... тепло... Ото всего вокруг – уют и доброта: порывы ветра... шум листвы... светящиеся – мягко, глубоко – стволы деревьев... колыханье высокой травы... далёкие звериные рыки... Мне казалось, что я лежу в колыбельке..., а иной раз – на маминых руках...»

Ната надолго замолчала. Сначала мне подумалось, что она уцепилась взглядом за далёкую бирюзовую полосу моря, но потом понял: она на руках у мамы...

Ната тихонько плакала...

– Нат, – я осторожно приобнял её и взъерошил короткие, почти совсем-совсем седые волосы, – скоро сюда туристы набегут.. Пойдём собирать ежевику, а?

– Нет, не набегут, – она улыбнулась. – Я закрыла гору.

– Ну всё равно... Туристов нет, а ежевика – есть. Пойдём?

– Вот расскажу, и – пойдём... – вздохнула. – ...Что ты, Сева, я совсем не горюю! – мне радостно это вспоминать. Рассказывать?

– Рассказывай...

«Ночь прошла так быстро! Мне даже захотелось кинуться за ней вдогонку... догнать... вернуть обратно.....А утром пришла собака.

Большая старая собака. Лохматая. Она подошла к кругу, в котором я сидела, остановилась на окоёмке. ...Посмотрела... Ох, как посмотрела! Я пригласила её в круг. Она вошла и легла рядом со мной; головой к коленям приткнулась, моргала...

Ты знаешь, я сразу почувствовала, что это существо очень родное. Несказанно! ...И что собака испытывает ко мне те же чувства... что она искала меня... Всё воспринималось немножечко размыто: очень хотелось спать... всю ночь не спала. Не прочь была поспать и собака. Мы как-то свернулись вместе с ней в один клубочек и – заснули...

Проснулась – уже день. Круг-то был на полянке, солнышко припекло – разбудило... Собаки не было. Ушла. Мне грустно очень стало, одиноко. ...И вот тут, теперь, сейчас пришло понимание: одиночество всегда было рядом, с детства. Оно потихонечку изъедало меня, придавливало, гасило... Хотя – были родители, был Миша, был Адй... да и другие, которых любила всегда, вместе с которыми сердце пело. Но всё равно: они – рядом, а одиночество – во мне.

Я до вечера проревела. Без остановки, как из дырявой тучи: кап... кап...кап... Ни лес не слышала, ни себя. ...А вечером она вернулась.

«Собаченька, милая, – шептала я, – не уходи, пожалуйста... Больше не уходи, пожалуйста! Не бросай меня...» Жмусь к ней, ласкаю. И она жмётся, поскуливает, дрожит вся.

Осталась. Если и отбежит – то совсем ненадолго, к роднику, и сразу назад. Так всю эту неделю мы вместе и провели. Рядышком. ...Ты представляешь, даже когда дождь был – ливень! – она не уходила; мне-то из круга – куда? а подружка моя и под деревце не отбегала, нет: всё – рядом со мной...

...В конце недели, днём, я проснулась от того, что собака надрывно скулила. Вскликаю. Смотрю: большая смоляная ворона расхаживает по внешней границе круга.

Важная ворона: шаг упругий, крылья за спиной, голова поднята высоко... Ну прямо председатель колхоза, а не птица! Ходит, поглядывает на нас, молчит.

Чувствую, подруженька моя перепугалась очень: скулит, притискивается... причём притискивается так, что будто бы закрывает меня от этой птицы. Я пригляделась к вороне попристальнее: странная птица... большая чересчур... странная. Глаза – никогда не видела у птиц таких глаз – как два маленьких глубоких озера, бездонных! и – блики, зелёные рассыпчатые блики... Жуть!

Только я успела это разглядеть, – как ворона зашагнула внутрь круга и медленно направилась к нам.

Я вскакиваю, собака визжит.. а рядом с нами, согнувшись, стоит Миша и хохочет, хлопая себя по коленкам.

– Ну, девочки, – хохочет, – ну, молодцы! Сразу раскусили дядю-птичку!

– Миша... – обрадовалась, конечно, но и рассердилась тоже, – я же испугалась... зачем ты так?

– А не пугайся, – говорит. – Чего пугаться-то? Вот если бы у вороны был автомат и пулемётные ленты крест на крест, – тогда другое дело! А так...

Он уселся на траву, достал из сумки (вот откуда сумка взялась – не пойму...) огромный сырный шар и разломил пополам – мне и собаке. Та взяла сразу; не боялась больше, вся – доверие.

Мы кушали сыр, а Миша смотрел на нас (ласково так...) и тихонько напевал.

– С повстречаньцем, Натонька! Что решила?

– Ты о чём, Миша?

– О собаке, – он смотрел на меня с удивлением. – Вы что же, ещё не разобрались? не разъяснились?

Собака доела сыр и тоже смотрела мне в глаза. Вопросительно. Я погладила её.

– Совсем ничего не понимаю, – говорю, – объясни, пожалуйста... О чём вы оба?..

– Вот балда! Чем же ты тут целую неделю занималась?! – он фыркнул, посмотрел досадливо. – Чем?..

– Сидела...

– Может, ещё и лежала?

– Лежала...

– А на голове стояла?

– Нет...

– А надо было! И ещё – облака ушами разгонять... при безделье это крайне занимательно!

– Миша, ты объясни... – я уже чуть не ревела.

– Да объясню, объясню. ...Не реветь! ...Объясню, куда я денусь.

И он объяснил мне, что с собакой – в разных образах – встречались мы много раз. Из жизни в жизнь – родными существами. Давно. (У меня было такое ощущение! Никак не пойму, почему я отнеслась к нему небрежно, почему не взгляделась повнимательнее...?!) ...Именно поэтому, сказал Миша, я перестала чувствовать одиночество рядом с ней.

В этой жизни, будучи разлучёнными, мы тосковали друг о друге, искали друг друга, но – неосознанно, не ведая причин своей маеты. Теперь – нашли.

Я левой рукой обхватила собаку покрепче и прижала её к себе.

– Значит, она не уйдёт от меня? останется со мной?

– Хм... Не совсем... – Миша потёр пальцами щёку, наммурился. – Видишь ли, пришла пора умирать ей. Может быть, в чём-то, это и помогло вам встретиться.

– Как – умирать...!?!

– Тише, тише, не шуми. Смерть – не обида; смерть никогда никого не обижает, разве что – глупцов и негодяев! Не шуми, – Миша вздохнул, – всё так, как надо. Собака пришла к тебе с тем, чтобы ты позволила ей стать частью тебя в этой жизни, существовать рядом.

– Как...?

– Если ты согласишься, то (после смерти; думается, через три-четыре дня...) её душа сблизится с твоей. Ты забеременеешь. У тебя родится дочь.

Я растерянно поглядывала то на Мишу, то на собаку. Они – оба – внимательно, с ожиданием смотрели на меня.

– Но... но как я забеременею? У меня нет мужчины... И не было никогда, ты же знаешь!

– Ерунда! Зачем здесь мужчина? Вот выдумали! Никаких мужчин природе не нужно, ты прекрасно забеременеешь без этого вздора!

– Ну, а что мне надо делать?..

– Так ты согласна?

Собака смотрела на меня с терпеливой ожидательной грустью. С надеждой... «ГОСПОДИ, – подумала я, – да если это только возможно – разве я не соглашусь? Да, согласна! Сто раз – да!!!»

Собака высвободилась из моих рук, лизнула щеку. Глаза её светились. Миша подошёл к нам вплотную и присел на корточки.

– Вот и всё. Так-то...

– Всё...?

– Да. Ты – согласилась, она – услышала. Теперь подосвиданькайся с ней, да – отпусти. Отпусти... Пора...

Миша, широко раскинув руки, обнял нас.

– Скоро у тебя, малышка, будет дочь. У малышки будет малышка, золотоголовая и со светлым сердцем. Да...»

(– Вот и всё, – Ната поднялась с обломка кварца, расправила куртку, потянулась, широко распахивая ноздри встречу свежему ветерку. – Идём собирать ежевику!

Мы направились вниз по серпантину. Метрах в ста были отменные ежевичные заросли, непролазные.

– Сколько лет этой истории, Нат?

– Двадцать, Сева. Столько же, сколько и моей дочери, только с разницей в девять месяцев...

– Давно... Ну и почему мы вдвоём ягоды собираем? где она?

– О! Далеко-далеко, но – рядом, совсем рядом. Скоро увидишь её, она тебе понравится, обязательно понравится, – светлая у меня доченька, хорошая.

– Да я, вообще-то, женат... – нога больно проехала по острому камушку, вот я и буркнул невпопад какой-то вздор.

Нату так заколотило в смехе, что она чуть не охнулась с откоса в многоягодное колючее кишение ежевики.

– Эй, принцесса, осторожней! Давай руку!)

Вот, собственно...

Разве что – ещё одна Мишина песенка:

((на отдельном листе))

камень – к камню прилипает
камень – камень поднимает
поднимает и – роняет
умножая камнепад

приумножив приукрасив
и воздвигнувшись горами –
осторожно раздвигает
осторожные цветы...

...что-то – будет
что-то – было
что-то – вовсе позабыто...
камень – камнем прорастает
и цветами
и травой

ничего он вам не скажет
но поднимется с рассветом
над любой головою
то ли – тенью
то ли – сном...

Э П И Л О Г

Шёл снег. Он беспечально и незаметно ложился на лапы высоких елей, на исхудалые строгие зонтики сухих трав, на истоптанную – в мелких ворсинках хвороста – прогалину прикостровья....

Мы с Мишей долго сидели у огня. Молча. Среди огромных, распрямивших спину деревьев, среди ровных плотных и непрозрачных лоскутков неба над нашими головами – молчалось легко и просто... молчалось раздольно, многоречиво...

Нигде, как только зимой, у костра, – чай не бывает ближе... загадочнее... откровенней... Терпкий душистый излом аромата, соединяющий обоняние с мечтой... приближающий мечту к Дороге, на обочине которой ты остановился и развёл костёр. ...Оскользь иззябших пальцев по горячей гладкой эмали жестяной кружки... проседающий – синий-синий – пар тишины над крохотным кипятковым озерком...

...В нас с Мишей желание испить чаю проявилось одновременно, без какой бы то ни было взаимной оговорённости или упреждения. Я встал, и взяв котелок – отправился к недалёкому (метрах в двухстах) тонкоструйному, в обмерзи – теплящемуся едва, родничку. Пока с трогательной, колокольцево-грохотной неспешностью вода уклады-

валась в котелок, – меня потянуло что-нибудь написать на просторном и чистом снежном листе. ...Я поднял лежащую рядом коротенькую веточку и стал аккуратно вдавливать штрихи и окружя в груды сверкающих снежинок... Штрихи и окружя соединились в слова: « МЕНЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ ВЕРЯТ ИМЕННО В ТО, ВО ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ ХОТЕЛИ БЫ ВЕРИТЬ»...

И, ухватив наполненный доверху котелок за дужку, я тихонько побрёл по сугробам, стараясь несомое не расплескать... Я тихонько побрёл, размышляя о только что (неизвестно к чему...) написанном...

Вошёл к костру. Миша улыбнулся, заботливо отряхнул с моего одеяла-сиденья снег и стал формировать из пылающих углей затон-лежбище для кипяченья воды.

Усевшись, я почти сразу заметил на чуть диагональной, чуть выпуклой плоскости соседствующего со мной сугроба – буквы... слова... надпись...

– Мне захотелось сделать крестцовую поперечину к тому, что ты писал у ручья, – Миша посмотрел на меня с немножечко озорной грустью. Шмыгнул носом. – Вот только видишь ли, маэстро, если налетит вьюга – она может соскочить через нас пришедшее перекрестье в икс... А? Как ты думаешь?

– Ничего. Поправим...

– Думаешь...? Ну что ж, может, оно и так. Может, и так...

Когда чай подоспел и подоспело время пить чай – я нацедил себе полную кружку, поёрзал, усаживаясь поудобней, и – ещё раз – перечитал сделанную Мишей надпись: «ТОТ, КТО ВЫНУЖДЕН ОБЕРНУТЬСЯ, ЧТОБЫ РАЗГЛЯДЕТЬ ЖЕЛАННОЕ ЗА СВОЕЙ СПИНОЙ – ВРЯД ЛИ ЭТО ЖЕЛАННОЕ УВИДИТ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНО И ЗА ЕГО СПИНОЮ»...

О К О Н Ч А Н И Е П Е Р В О Й К Н И Г И

2005 год/апрель

П Р И Л О Ж Е Н И Е 1

предисловие к приложению

Миша – к написанию книги – поставил мне только одно условие: когда рукопись первой части будет перепечатана, – достать наугад из шкафа (где я храню свои бумаги) первое что под руку попадётся и сделать это – первопопавшееся – приложением к первой части. Я обещал.

Вытащилось 4-е МНОГОГОЛОСЬЕ...

1

Теперь, я полагаю, нужно пояснить, что это за «4-е МНОГОГОЛОСЬЕ» (право же, стоит!).

...Два года назад, во время одного из посещений тульского подземья, Миша привёл меня к странному и удивительному месту: к я м е...

Маленькая комнатка, как бы провисшая посреди огромных – комковато-коряжистых – галерей; мощный буроватым кирпичём пол; в центре комнаты – неровным кольцом (около метра в диаметре) – выбоина-яма.

Поначалу казалось, что яма неглубока и только фосфоресцирующий лёгкий парок на её дне обманывает глубиной. ...Но – Миша ушёл, а я – остался, и смотрел, смотрел... Всё быстрее, всё провальней распахивалась-раскрывалась передо мной глубина, куда не обратилась вовсе – бездонностью. И оттуда – из ниоткуда, – просыпая из себя изобилие неисчислимо цветов и форм, заклубилось – раскुकливаясь, дыша – н е ч т о.

...Выплеснулось из ямы, наполнило комнату..., наполнилось ею, – разбросав-развевая по-сквозь-повсюду (в ярконасыщенном прикосновении ко всем пяти внешним чувствам, и от них – далее...) многоголосье-пенье-говорение...

Что это, кто это (в более конкретном изъяснении), – о том: особо и отдельно. ...Позже, я назвал это явление-сущность Сиюминутным Оче-Видцем. ...

Вернувшись домой, – на неделю засел над тетрадами; через семь дней появилось десять маленьких витражных романов, под общим названием: «МНОГОГОЛОСЬЕ, из Дневника Сиюминутного Очевидца».

4-й витражный роман и вытацился как приложение... и, думается, Миша знал об этом.

2

4-е МНОГОГОЛОСЬЕ довольно отчётливо – мерцанием, прóливью, бликами – выражено как разомкнутый пульсар, м е т а ф и к с а ц и я. ...О, разумеется, не для каждого (ленивая душа лишь скользнёт по краешку понимания; лишь оскользнётся и брякнется... захнычет, обидится, вознегодует... насупится...); нет, не для каждого, но – каждому. Каждому-каждому. Всем.

...Это – витраж из разноцветных стёклышек, спелёнутых одной рамой: синее стёклышко – и небо наполняет всякую травинку, всякий обмельк крылатой мелюзги, краугольность всякого шага; зелёное стёклышко – шорох ветра, трепет далёких древесных линий, тяжесть времени и плодов; жёлтый – жёлтый! – о!.. ..., а следом, следом –

альный, лиловый, лазурный (и белый, конечно же... и, конечно же, чёрный...).

...Это – прозрачный (но – явственный) монолит-дыхание: горсточка тающих слов, пронизанная единым ритмом, как бессчётная водяная капёль пронизывается-связывается течением: в реку..., в океан..., в истовое лопотанье дождей...

Вот вам совет: н ы р н и т е. Вбулькнитесь, намокая повсюду и промокая насквозь, в главы, в слова... в кружение слов и глав... Станьте ими. Преобразитесь.

Так:

Вчитайтесь: ...мельканье, мельканье, мельканье..., но – вот: промелькнуло что-то родное, близкое... Осознайте. Перечитайте ещё раз эту главу (или фрагмент), и ещё раз, – выделив и запомнив для себя ключевые слова (вы это почувствуете...), фразы, образы... Закройте книгу. Примите удобное положение (сидя ли, лёжа ли, стоя – не важно), закройте глаза, расслабьтесь, дышите спокойно и ровно. ...Так: эмоции, мысли, заботы, желания – теряют отчётливость, расплываются, уходят. Ваше трепетное сиротливое «я» наполняется-пропитывается сиянием, глубиной, покоем..... Вы – чистый лист бумаги, не тронутый ни буквой, ни знаком, ни даже малейшим намёком на присутствие чернильного дыхания (нет!)...: чистый-чистый, белый-белый, несказанный... ..А дальше, дальше – позовите собой-в-себя тот кусочек витражного романа, который вы очувствовали, который вы узнали и приняли как что-то родное (или, хотя бы, близкое).

Эй, зовите! – красками, звуками, запахами (всем-всем-всем). Соединитесь, неразрывно и прочно. Будьте.

Потом – хлынет-постучится всё МНОГОГОЛОСЬЕ. Гомоном, цветами, печальями, смехом войдёт оно..., памятью и любовью..., долгожданностью..., тишиной...

Да... Но: проходит какое-то время – вы встряхиваетесь. Вы возвращаетесь-жмётесь к суете, к дребезжащим ритмам, к тяготам и кручинам... ..Но: в ы в о з в р а щ а е т е с ь ч у т о ч к у и н ы м и. И, возможно,

скользнувший по вашему плечу Солнечный Зайчик с удивлением и ошарашенностью (с восторгом!) разглядит – там, где-то совсем близко к поверхности вашего бытия – залиvistую смешливость лугового цветка, радужные оттенки стремительного ласкового сердечка морской волны, зябкость взмывших к звёздам ладоней...

Это так здорово!

Это так просто ...

МНОГОГОЛОСЬЕ

(крошечный витражный роман)

из Дневника Сиюминутного Очевидца

эпиграф

Шептал-шептал... Бормотал что-то про себя...
А потом – плюхнулся на лужайку. Сел. Ноги широко раскинул, руками в землю упёрся и – заплакал...

Но тут что-то пролетело над ним... или промелькнуло что-то... будто: дуновение какое...

И стал он цветком посреди лужайки. А цветок стал птицей. А птица стала облаком...

А облако уже ничем не стало, оно просто – растаяло.

пролог

это – большая шоковая пристань у звёздного очага, изумруд желания.

ты в очаг привнесён. ты – ветка сухая, расцветающая огнём... (вновь расцветающая...). ты – блистающий из ма-

теринской породы камень. ты – комок протоплазмы, листающий январь.

подожди! остановись на секунду! замри! ...там, у предпоследней ступеньки, неразглядимое препятствие (давнее), обойди его аккуратно. будь осторожен.

...и – рассвет, будто б конь, будто б: ты облепил напряжением белоснежным шею коня, с гривною пеной – губы слил воедино, в сиюминутном ломтике пребывания – это твоя (да!) истина, твоё возрождение.

ну, смелее!

ты расцветаешь, но – от цветения отшатываясь – отшатываешься пеплом.

(ты мягок, как пепел, ты нежен, как пепел)...

(ты разобщён, и каждая частичка твоя – размётываясь по разобщённому многомирию – пробуждает стремление к началу.)

...отшатываешься, но не падаешь...: замираешь, облокотясь о пургу.

ДЕТСТВО ОРФЕЯ (часть первая)

I (мальчик)

...и этим утром, будто из собственного сна – в сон, мальчик пробудился; заторопился-полетел к порогу. ...и засмеялся, и огладил рукой зевнувшее рёбрышко двери. и топтался у порога, – потягиваясь, сверкая.

да! да! но – тс-с... тихо!..

...поверху и вокруг – беспокоя дремлющих в ветвях апрельских младенцев – ухали жаворонки. флейту им! флейту!.. и падали – ливневёя – жаворонки изо всех высот, вы-

тряхивая из земли первые слова встречи. слова – грудами золотошёрстными наполняли корзины, высились из них (сквозь них) – во всё – сияли.

к ближней корзине мальчик подошёл. зачерпнул, умывая лицо; зачерпнул-разбросал-размыл синевы непомерное загустенье; зачерпнул, и, к плечам поднимая, – возрадовался.

...ах! кружа-трепеща – вытянулось жёлтое, корни имеющее и имеющее смысл, но ещё: вытянулось-завизжало жёлтое из-за облаков. о! о!!

но всё это не сейчас. это – потом...

2

нынче мальчику предстояло быть принцем, быть страхом, пёрышком, эхом, глубиной... но будучи тем или тем – не становиться тем или тем. ну как же, как же можно?! так мальчик решил.

он взял голубую тушь и оковал грядущее круглой рамкой. и проставил зелёной тушью (в нижнем правом уголке) свои инициалы (целый мильён буковок, и каждая – меньше муравьиной усмешки).

кто и в чём мог ему воспрепятствовать, спеленать?

мальчик окунулся в серебро и пошагал, и голос его нежился на ладонях.

: мальчик обернулся голубем, голубем-принцем, ну до чего же народ любил своего принца! каждое его повеление изобличало мудрость и теплоту, каждое прикосновение – надежду и радость.

он учил их, – не поучая, не замечая вовсе своего учительства.

и они – учились. и каждая улыбка от светлых сердец исходящая казалась бесконечной.

: мальчик обернулся скалой, скалой-страхом. всякий,

кто приближался к этой скале, – исполнялся страхом перед собственным безобразием (было ли это безобразие сокрыто у днища души или лежало на поверхности зверем привольным – равно устрашало...).

иными уходили (уползали, улетали) оттуда. совсем иными.

: и обернулся мальчик тишиной, тишиной-пёрышком...

: и обернулся мальчик глубиной, глубиной-эхом...

и – будучи принцем, страхом, перышком, эхом – был глубиной.

удивлялся! вот: зажурчал лепестком половодья по лужайке-ознобу, зреющей второпях... но зачем, зачем? но – возник из озноба стеблем дикого чеснока.

...и сказала лужайка: «кто не озадачился – не возрос, кто не возрос – тем озадачен, отягчён изнеможённо сверх меры... возрасти – не вырасти, подняться – не потерять»...

захохотал мальчик, затрепыхался, обернулся собой, вспомнил: ночь...

3

«баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок и укусит за бочок...»

мальчик лежал, и ему думалось, что колыбельная эта очень странная. треугольная какая-то... да и вообще...

а потом он задумался о волчке: что же ему мама пела...? может быть: «баю-баюшки-баю, я сейчас, сынок, пойду принесу тебе бочок, ты укусишь и – молчок...» ...?

но тут волчок посмотрел на мальчика укориженно и печально: ну не стыдно ли тебе? а?

«стыдно, – подумал мальчик, – стыдно-престыдно...»

зарылся поглубже в одеяло, показал подушке язык и – уснул.

4 (монолог шагов)

«...шуршанье мышей и тиканье часов... иному может показаться, что именно эти звуки – т е с а м ы е, способные заполнить Вселенную (все поры её, каждую ячейку!)...

ну, а может быть, – так оно и есть? по крайней мере спящий – не слыша ни тиканья, ни шуршанья – улавливает это, как что-то дальнее, воистину в с е н а п о л н я ю щ е е, плотно-сущностное ...

и приходит в с е н а п о л н я ю щ е е в сны, обвисая во всём и сквозь всё фоном мнущейся, рвущейся, жалящейся бумаги, и образуются катаклизмы... и образуются нарождения...

когда тикают часы или шуршат мыши – спать не нужно, а нужно немножечко подремать, мечтательно и мыслелётно, не касаясь головой подушки. нужно, подремав, осторожно встать и тихонечко, стараясь совсем не наступать на половицы, подойти к укрытому скатертью столу; скрипнуть, усаживаясь поудобнее, стулом, придвинуть к себе стопку чистой белой бумаги, и – задуматься, замудриться, замереть – улетучиваясь субстанцией неупрержимой (неостановимой! да.) к тем пределам, за которыми возвращение уже невозможно, уже не нужно... растаять, и из талых частиц – сложиться по-новому: невообразимо, пронзительно, несказанно.

так не спите же, братья и сестры! грейтесь у очагов и наблюдайте за чайными водорослями в фарфоровой скорлупе, за мельтешеньем теней, сращиванием и чехардой образующих мост!..

вы уже видите мост? так ступайте, ступайте же!

5

«– любимый мой, – сказала болотная пташка ракистовому кусту, – это всего лишь туман... всего лишь туман... не страшись, любимый! ...это всего лишь туман... тёплый туман...»

из лучиков солнца и рос, звёзд и луны, – соткалась полянка малая над верхушками летнего леса. не было травы на этой полянке, не было цветов и бабочек, не было почвы и жучков-червячков. она вращалась, отблёскивалась, развевалась и, будто бы, вбирала в себя неспешное пряное марево, закрепляющее собой четыре стороны света.

и убиенные жизнью, и почившие в мире – равно лежали здесь, рядышком... потопом и благодатью мерцали они в рассеяньи жемчужном, нисхождением и принятием к сердцу.

и возникла посеред полянки белая площадь. и вышел на белую площадь белый трубач. и вострубил.

трублением тем – всякое было озарено, вояк озарился и воспылал!.. но воспыланья помимо – при звуке последнем появился мальчик.

...он выплыл, минуя сны, сияющей жемчугом рыбой. он выплыл, примиряя явленьем своим всё, что ещё не было примирено, что ещё находилось во вражде и бестолковости перерождений.

он выплыл и оглядел полянку: ах, как она нравится ему! как мила! как уютна!.. до чего же здесь пахнет Домом... и дымом Дома... и нежными его стенами...

«ах, как хорошо, что я здесь, – подумал мальчик, – а ведь мог оказаться где-нибудь ещё, где мне не было бы так хорошо, где мне было бы грустно и одиноко».

«как хорошо, что он оказался здесь, – думала полянка. – кто ни на есть, а – здесь... нет, мне не одиноко! ...но так уютнышко от ветерка, опавшего из колыхания его волос, впадающего в меня... так тепло от беспечального скольжения его ног... радостно от его дыхания... мне хорошо, мальчик, хорошо! не уходи!»

...он взвился над полянкой, – то ли свечой, то ли сквозняком-ветром...; и опустился, и взвился вновь. это было плясание легчайшее, дрожащее чуть, проникновлённое и всхлестнутое многосвирельевым взмывом лучей.

вот и солнце взошло. вот и луна взошла. вот разбрызнулись-залепетали росы и звёзды, грозы и полуденное стрекотанье кузнечиков.

изумрудно и бережно улёгся мальчик на полянку. тело-мысли разметал-разнежил. зажмурился. улыбнулся.

6 (девочка)

в некий тёмный и полный шептанья листвы час девочка поднялась из глубин земли.

потянулась. оправила мятое ситцевое платишко. приласкала угревшиеся в волосах шарики зёрен и дроглые ниточки корней. приподнялась на цыпочки...

волнительно и влажно отомкнулось перед ней пространство; девочка протянула руки, коснулась его жёсткой дымчатой шевелюры, изумилась:

– какое ты... – прошептала девочка.

пространство мурлыкнуло. пространство разомлело; зашелестело мирами, заискрилось. и возник отишённый звук, будто б лопнула уздечка на лошадиной морде и, охнув, скатилась в траву... ..

– пойдём, – попросила девочка.

– стоит ли?.. – засомневалось пространство. – тревожно там, зябко...

– пойдём...

7

и раскинулось перед ней необозримое, осенённое боллю... будто бы: вспоротые животы и раздавленные бабочки пляшут согбенно над полями прошедших битв и битв грядущих... будто бы: две разодранные – от целого – половинки сцепились жалейкой струной, артерией нерушимой, – ...необозримое, осенённое...

так годы прошли, но – проходя – оставались вместе.

...и металась, – и вновь металась – дрожащая пляска. и

плечи её колокольчатые опыльцевели, втемнясь, краской печали.

девочка – мрамор полярный – колени свои преклонила, преклонила лицо: ни расплескаться... ни взмыть...

...побеги, лишённые древа-родителя... рыба, лишённая животворной пучины... небо, лишённое тишины... всё собирают ветра; собирают, слепляют в комочек... в кроху-сердечко. всё собирают ветра, – опускают в ладони, сокрытые в камышах.

девочка кричала, кричала, кричала, кричала: не отвергая рта, не размыкая взгляда... она металась – ...она, она, она, она металась – ...металась в чащобах, расцветших грудью, в урытвинах, в ржави, во ржи: не поднимаясь с колен, не растворяя мрамор...

но проклюнулся первый листок; не отторгнутый – он разлился сиятельной речью. он коснулся ступней..., за-тылка..., иззяблых внешневших щёк...

и пришло п о н и м а н и е. оно не оставило скóви там, где трепетному быть дóлжно, там, где дóлжно быть не разделённому.

и вслед – ни капельки не сомневаясь, не сминая вовсе проходимого и приветного – пришла н а д е ж д а.

8

всколыхнулся, вытормашивая мелодии-завитушки из завлаженных мхов, траур; бормотанье вовне, красная трель каблуков. всколыхнулся, роняя дымы, – расплескался звонками.

это: крылья, исшедшие в шорох из чрева камней: и – касание к голости ног, к окрести пут, к гоготанью сорочьих семейств... царство! папортниковая корона! (торопись! торопись!) сходящий с ума горизонт...

и сказала девочка:

– мне принять, и теплеть, и радеть в лепестках, но вот:

тороплюсь, тороплюсь! мне заря – прохожденье, и воздвижение – рёки. мне страшно, но вот: люблю! и не страшно ничуть.

и сказало пространство:

– гóре! гóре!.. но с гор – упадают льды... невозвратно! ...а только – уснуть, ...не тревожа, ...роднёясь. ...и гóре... гóре... гóре... уходит гóре...

и сказала девочка:

– мне встретиться – не прощаясь; пронести, не обронив ни кровиночки; успеть, не поникнув. ...кто успокоит тучи? но – успокоились: лучшими помыслами переплелись! милое, нежащее кожу ладоней, – поспеши!

и сказало пространство:

– не торопясь... не торопись!.. не торопи... неторопливо, но – вот: дышит, к бедру приникая, высветляя дыханьем туман... обрадуйся! обернись!

(межглавье)

«но у порога, но у порога... омутом горьким...

но нисходят пороки и учиняют хоровадьё многораздольное (развеваются ленточки, песни! песни!). так: тяготимся пороками и тяготеем к ним; презираем себя, и себя – устремляем. негасимая ворожба! (но ковшик, ковшик к рукам... берестяной ковшик...)

так: веясь от родника – к золоту губ, к глубям земным и небесным: вершины гор – будто б кочки болотные, и топь в перецветьи кувшинок – облака, облака!

в наготе и сомнениях, в желчи, в медах, в многогласье: ход. и – ёщё! ёщё! – то, что движет ходом и то, что движет движением хода. ...

(песни! песни!)

к гру́зи, к обóмкнути: разрыв-трава: празднество, устремленьё. в возвеселии жёлтых цветков небосвод искупался, вознёлся в праздник, расцвёл.

...но у порога... но у порога... но у порога... порога... порога... порога...»

(межглавье)

«он живёт тихой жизнью, его слова – стадо тюльпанов.
ах, как тихо живёт! ах, его тишина: стадо тюльпанов...
он желает, он хочет, он даже зовёт: он приходит: прони-
каясь, рождаясь, взлетая, паря: он приходит.

...в детстве ему случилось увидеть пляшущего на кар-
низе воробья. (да!) не подпрыгивающего, не перебирающе-
го лапками коготливыми по скрóглой обмерзи жести, но –
да! – пляшущего.

да! (о!) о, он полюбил его! полюбил навсегда.

о!: и судороги троп ему не страшны: он проходит стада
тюльпанов (да!) легко, замирательно, áло!..»

9

девочка – мрамор полярный – колени свои преклонила,
преклонила лицо:

П Р И Б Л И Ж Е Н И Е

10

и упала на землю снежинка, мальчик-снежинка.

и поднялся из земли цветок, девочка-цветок.

и встретились они. и удивились встрече. и перестали
удивляться. и смотрели, смотрели...

и встретились они. и полюбили друг друга.

и встреча: будто бы и не встреча: так было и прежде, и
впредь – будет! ничто не закольцевалось, не осферилось,
не изменило естества, ... но – изменилось.

и распахнулись подвалы, допрежь в опресыщеньи тру-
пов, но ныне – в трубах из серебра и плясок. и просунулось
в выморось звёзд синее и голубое, вне формы и вне корней,
вне начала и вне конца.

и множество тропинок, висясь и свиваясь, – свились в
Т р о п и н к у о д н у.

ОСКОЛКИ НЕБЕС (часть вторая)

1 (пролог)

«о, плоть тугая, озябшая плоть... кому отдаёшь ты свои жуковинья, диадемы, браслеты?.. кому отдаёшь ты ларцы с письменами, с кропотливою хмурой работой?.. кому отдаёшь трости и копья?.. куда разбрасываешь железо?..

но верно: ничто не препона, ничто не должно ею быть!

но верно: всё затихает с приходом ТВОРЦА; и затихает ТВОРЕЦ, и твореньям своим изумлён.

и на поляне полынной, где перепуталось всё, перемешалось, переплелось, – иначе..., чище...

вот окошко открылось. вот выгнулась занавеска. вот, охнув, в родник опустил полдень: испил, зацветился...

вот: з а м е л ь т е ш и л о ... ..»

2 (поезд)

всё дальше... дальше... – от крошечной станции..., от пурги ромашковой, станцию обольнувшей – всё дальше... дальше...

...в вагонах смеялись и кушали. в вагонах бранились. в вагонах молчали, отгородившись плечом.

в окнах ничего не было, но окна – всасывая в себя сумерки – были и продолжались в том, что за ними.

поезд мчался: всё дальше и дальше... как можно дальше... как как можно ближе к т у д а, где оборвётся мчание...

...и очень-очень (терпкость безрассудящей лихорадки) пахло яблоками...

осень. огонёк сигареты. дым, раздвигающий тамбур в бальную залу. многотрудная сень печалей, застоялая в горизонтах...

чавкнула дверь. заскулило грудное дитя. колыхнулся сквозняк.

– эй! – кто-то крикнул в одном из вагонов.

– а-а-а!.. – потянулся кто-то со сна.

– Ъл-лязг... – где-то покинули рельсы колёса, но – вернулись, вернулись, вернулись...

поезд мчался: всё дальше, дальше. поезд набирал скорость. по истязности дленья его – загорались и гасли травы... травы...

загорались и гасли травы... травы... травы... ничего, кроме трав. ...и что-то ещё, помимо...

растревожилась осень, прогнулась плюшевой колокольней в выпуклый хриплый воздух; взорвалась галчонком, с оперением дыбким, над полем, полем. прозвенели вчерашних жителей взгляды, засверкали...

поезд мчался; отвергая случайные станции и полустанки, обходя тупики, – поезд мчался. (когда это было?)

(зачем? куда?)

но вот: т у д а.

но вот: завершено мчание. (куда? куда?) и отворились створы вагонов. и изошло население; в ночь изошло, в борозды, в камененья. ...и только под лавкой, забытое, плакало (плакало... плакало...) грудное дитя, и только на лавке – в глянце и молниях предсвершенья – возлежало яблоко.

3

«...и не хочется, и не можетя, но – выходишь. и нечистоты обжимают щиколотки, туманят взгляд... ропщу. роптания стыжусь безмерно, но роптанием – истекаем.

аки горлица... аки горнило тщеты (и тщетой ущемлённого)... аки горн трубящий согбенной гордыни, гордости с содранной кожей по краю ладоней... аки желания...

высокие башни и пушки палящие (жалящие) (жалостные такие...). во исполнение бед, во перечень горших сближений... это неверно! это обман, обокрадьё злостное!..

ходить по дворам, переулкам, всё быстрее – быстроту – исхаживая, изнуря... всё быстрее... но для чего, но зачем эти дворы, переулки эти?

к чему??! ...

не ходить. оставлять на краю табурета уставшее тело. сочленять остроконечность секунды с округлостью умышлений. ронять одежду.

не ходить. но, будучи ожидаемым, высоко поднимать голову, высоко поднимать ноги..., распрямлять плечи...пробуждаться.

и первый цветок, который встречается тебе, – встречается и встречает. ...»

4 (крик)

утром – рано-рано – Крик пробудился.

он принялся к воздуху, почистил пёрышки, расправил крылышки и – поднялся над облаками. его ни капли не смущало, что облака удивлены появлению не-облака, не узнают, не протягивают бубликов и стаканов со свежим кефиром. Крик не удивлялся. он поднялся выше облаков и замер; и, прислушавшись, угадал скорое появление железной машины.

...самолёт летел над облаками. пассажиры притискивали любопытствующие мордочки к иллюминаторам, но ничего не видели: их глаза были закрыты (такими они родились). ах! никто не научил их подъятию век, не растолковал им самого факта незрячести!..

пассажиры неподвижно перемещались в подвижной железной машине. на коленях шелестели журналы. по длинному узкому проходу бодро прохаживалась – со всяческой снудью в изящных лапках – незрячая улыбчивая стюардесса.

...Крик замер.

Крик встрепенулся, и, распахивая на лету безоблачное сияющее нутро, – спикировал на самолёт; обнял его, обле-

пил каждую пору, каждый шовчик. Крик всосался в самолёт, хлюпая и часто дыша. всосался. переполнил. стал.

...некоторые – из тех, кто не захлебнулся криком – прозрели. но и потом (много веков спустя), вспоминая – они вспоминали крепко сомкнутые веки, переплётшиеся ресницы... и – закрывали глаза. и – улыбались.

5 (они)

они встретились (они. встретились.) у паркового фонтана. так им захотелось.

мужчина был угрюм и высок, женщина – низкоросла и лицом многочертна, смутна.

– хочешь, я сорву для тебя ветку сирени? – спросил мужчина.

– зачем?.. – спросила женщина. она думала о чём-то своём и на мужчину почти не обращала внимания.

– так положенно, – сурово сказал мужчина. – это – обряд, не нам его нарушать.

– да ну?.. – удивилась женщина. она думала о чём-то своём и на мужчину почти не обращала внимания.

– это – обряд, ритуал, правило, – мужчина был возмущён. мужчина заглядывал в глаза женщины строго и настойчиво.

– ...?

– да-да-да! – завопил мужчина. и вдруг – низко нагнувшись – нервно поцеловал женщину.

женщина ответила поцелуем на поцелуй. ...мужчина, сделав хитрую подножку, повалил её на траву и начал расстёгивать платье...

они поженились. у них было много детей, куча вещей в доме и множество родственников за пределами дома.

...и что-то ещё было... но – мимолётно: было – и изникло.

потом: они умерли и их похоронили. где их похоронили – мне не известно. ...да и кому это надо? кому? зачем? ...

самое главное известно и без этого: помимо того, о чём было уже сказано, в их жизни больше ничего не было...

6 (Вова)

бывший боксёр, по имени Вова, отец девятерых детей (тоже – боксёров) и дед четырёх внуков, – вдумчиво стоял около закрытого летнего кафе, облокотясь о парапет.

по парапету полз муравей. полз по своим делам (может быть – он спешил к обеду, а может быть – шёл к любимой...). но – остановился отдохнуть (любой путь утомителен, если спешишь, если торопишься...), и глаза его, припухшие и усталые, оглядывая место стоянки – встретились с глазами бывшего боксёра.

Вова оживился. Вова сжал кулак и сказал: – если я тебя с трёх ударов не прибью – живи!

муравей понял, что происходит что-то нехорошее, странное...страшное... он испугался, он побежал.

все три удара прошли мимо. разочарованно плюнув, отец девятерых детей (боксёров) и дед четырёх внуков достал сигарету. муравей, отбежавший уже почти на целый метр, обернулся и посмотрел на него удивлённо, посмотрел на него печально.

– вот ведь, смотрит, зараза, – добродушно сказал Вова.

и – щёлкнув зажигалкой – закурил. и – щёлкнув зажигалкой вторично – поджёг муравья.

7 (глава, которая избежала запятых)

1

бегающий. бегающий Кто-то. следы штукатурки на его подошвах. следы его подошв на куполах церквей. внутри куполов. в купели.

необходимо пережить. необходимо. так ли уж это необходимо? бегающий. но колени скованы морозом. но живот отвис и цепляется за провода. цепляется за вздорные крестовья соборов. но шея выгнута и обряжена в низкие тучи. Кто-то. трудно пережить почти невозможно. и горит свет. всюду.

ходят и выключают свет чтобы не нагорало много чтобы не платить много денег. задёргивают плотнее шторы. поправляют криво стоящую обувь. и горит свет. всюду.

пережить. ходить с мешком на голове. и пугать хохотом. прохожих. пугать себя. пережить. не принимать на ладонь падающую сверху серную кислоту. отворачиваться. нельзя. не-пережить-не. но – если возможно.

Кто-то. и ещё один. и ещё несколько силуэтов. но – дальше. и ещё дальше – ещё. и ещё двое. розовый цвет на камне. и голубой. садовые ножницы.

...взяв от взаимодействия только игру – им хочется выигрывать. им не хочется проигрывать. половинки лиц с одной бровью в тусклом воздухе. тусклый воздух – половинками-крохами – в мисочке для овощей. проигрыш.

гротеск алкогольного спазма. зуммер в виске. зиккура-ты.

взяв. рассеяв. колокол на башне. башня. птицы в озерах ослепших ногтей. рассеяние.

повесть. выкрик в оплёске потов. блуждание. чаша прижатая к жадью губ. губы. немота.

2

некий человек стоит по колени в шампанском. он очень доволен. иногда он пляшет и брызги шампанского разлетаются во все стороны. всем кто стоит по сторонам. и ему благодарны. признательны.

он очень доволен. (ну ещё бы!) и выражение лица его – благополучно. горд. статичен.

по колени в шампанском. но: размокают голени и ступ-

ни. размокают. ему признательны. валится глиняная фигурка. глинище. валится фигурка – грядущих штрихов лепновение.

3

смеюн смеялся целый месяц. потом он стал печальцем и целый месяц – неподвижен – смотрел в угол.

разные были в доме. хитин и ситец они носили и по-разному речеваньем расцветали. но одинаково: указывали пальцем. отвергали. и со стен проступали очами и были зорки.

он был тем. и этим. внимание не транжирил и устремлялся к цели.

удары тяжёлыми руками. плевки на впалые щёки. мимо. мимолётно. близко близко! внимание не транжирил и устремлялся к цели.

как он ту цель разглядел?.. что она ему?.. но: внимание не транжирил. и устремлялся к цели. всё ближе, ближе.

4

«мне жалко моё бедное человечество. оно обеднело словом. оскудело разумом. зачерствело и вылиняло душой. оно бежит со всех ног. во все стороны. бежит. спотыкается. и опять бежит. не умолкает. многоголосит.

мне жалко. мне безумно жаль.

как так вышло? почему произошло? ...но вот ведь: произошло нагрянуло взмыло клекоча и растряхивая оперенье.

так вышло. и умысла – не имело. взмыло клекоча и растряхивая оперенье.

но – ... ..»

5

её глаза прозрачны. её глаза просвечивают на солнце. насквозь. трепещут. подёрнулись пыльной плёнкой. дребезжат.

зачем?

она плачет. она смотрит в себя и плачет. зарёвана вся. плачет. бедованье на верхушке раскрытого подсолнуха.

куда?

её глаза прозрачны. я свободно прохожу сквозь них. я иду по тропиночке и солнце тропиночку эту освещает без всяких помех. я иду. стараюсь не топтать ногами и оглядываюсь по сторонам.

п р и в е т!

8

«...веется по земле дребёзглая пластиковая метла, приводя землю в какой-то (ведомый одним людям) порядок, поднимается пыль, кашляют птицы, оглушённые шаркающим метельным стоном.

вьётся по земле метла, нанизывая на жёсткие прутья листья, окурки, дождевых червей (и ещё кого-то...). веется, ширит замáх.

все печали и радости пришедшие в утро – застревают в частом стремительном сите метлы. все печали и радости...

моросит дождь. заштрихованное моросью летнее солнце почти обиделось, почти повернулось спиной.

...неведомо какой год, в неведомо каком мире... утро».

9 (мозаика...)

1

грузная ростепель – это она прощается, и собирает – она же – в лукошки сор перепутий.

странно... приятно... но так переменчиво вьются сини-

цы! это – к добру, это – к бравым туленьям сто́жым, к окоп-
чению прило́котного напева.

ты, в ут́реве ро́ждённый, в укрь́ви сомлевшей волны –
не спеши остужать, не спеши осушать невзросленье рас-
пелёнутых крыл! не спеши...

эта странная ма́ревь не затронула гнёзд твоих, не слиз-
нула окалины зорь, не порушила расстояний... как же так
получилось...? (как же так получилось?) не спеши...

2

«всё – по своей сути-сущности-явности – одно, – утвер-
ждала Гора. – вот: есть ладонь и есть свет. но центр, из ко-
торого изошла ладонь и изошёл свет, – один. ...но бы́стрим-
ся, бы́стримся, бы́стримся ударяясь спиной и грудью,
бы́стримся-кружимся в предпочтениях многолич́йных.
и, в конце концов, отдаём предпочтение себе. и себя (сами
того не желая, но догадываясь об этом) лишаем судьбы». ...

3

это вьюга. и что бы ты ни сказал – всё проявится тут же,
предстанет в волокнах набатов и будет равно́ колыбели.

и будет равно́ колыбели всё выстроенное тобой, приня-
тое, согретое.

4

...и спросила Кружевная Цапля у Собирателя Следов:
– зачем ты собираешь следы? ...они глубоки, они огром-
ны... наверное, это – красиво... но они окаменелы! и окаме-
нели (да!) задолго до твоего рождения...

– вот потому-то, – ответил Собиратель Следов. – именно
поэтому; следы глубоки и огромны, и окаменелость их –
твёрже стали, твёрже и звонче северного ветра!

– но я вижу, – сказала Цапля, – твой заплечный мешок обилён собраньем следов; и – обилье удерживая – лямки взрезали тело твоё, изломали плечи... ты сгорблен, шаг твой тяжёл.

– допустим... – ответил Собиратель Следов. – ...и что?

– как что! как что! – загорячилась Цапля. – вот у меня есть лапки и они оставляют следы...; мои лапки – мои следы! и я их не собираю (хоть они легки и изящны...). я люблюсь ими. и всякий может ими любоваться, если кому взбредёт в голову подобная блажь! а ты... – ты собираешь чужие (да такие грузные, такие старые...) и вовсе не замечаешь своих. куда же это годится?!

– я Собиратель Следов, деточка, – сказал Собиратель Следов.

– так перестаньте им быть! – заявила Кружевная Цапля.

– ну, и кем же я буду, перестав быть самим собой? – спросил Собиратель Следов.

– вы станете самим собой, перестав быть кем-то ещё, – ответила Цапля.

5

«бу-у-ух!» – вгрохнулось топорище в ствол.

и не желало топорище беды и боли стволу. и не ждал ствол беды и боли от топорика.

какая-то сила соединила их в этом. именно в этом. именно так.

...о-ох... ...

6

«...мы приходим в мир, но появление наше – неожиданность... неожиданность...»

не построен дом. не застелена постель. не подвешен над огнём котелок.

никто не спешит обнять и расцеловать. никто не торо-

пится возликовать, радостно смеясь и грохоча всевозможными литаврами. никто не задыхается от восторга. ...

и спят светлячки, оставляя ночь в одиночестве...

и волны сливаются с берегом не отчуждая границ...

мы приходим в мир – не находя, мы уходим из мира – теряя. сплошная нервотрепка и бредятина... но вот ведь: приходим – уходим, уходим – приходим (застрявший в водоворотах речных кусочек коры, с памятью прежде-цветения...).

7

«– приветствую тебя!» – сказал человек – человеку.

«– приветствую тебя!» – сказал волк – волку.

«– приветствую тебя!» – сказал цветок – цветку.

«– приветствую тебя!» – сказала память – памяти.

что же дальше?..

что же раньше приходит, – тепло или холод? хохот или плач?

и куда приходят они? ...и зачем?

8

и сказал Дождливый День:

– мне нестерпимо понятие «судьба». мне нестерпимо оно!

– но будем надеяться... – вздохнул Дождливый День, – будем надеяться, что...

– нет! не смей! – закричал Дождливый День. – пожалуйста, не смей!

и – истончился в вечер.

и – пропал совсем.

9

и припал в тот день к плечу острому – острый древесный лист. и попросил о помощи. и прижался крепко-крепко, не желая больше несчастий...

и не было больше несчастий, никогда.

и не было больше несчастий.

АНТОЛОГИЯ СНОВ (часть третья)

1 (пролог)

усталость. пешеходная дорожка по расколу стены. домик под яблоней. (яблоня. яблоки. прелая листва под упругим боком.) кусочек утолщённой меди в грязной зелено-кружной воде. медный горн, затихающий..., но и из-за затишья – бьющий в ладони.

усталость...

...и даже угретый и упокоенный в обильном жилье – не упокоен. и измёрзлая кровь ударяет копьями ледяными в распаренную кожу. ...и горбятся губы, не желающие молчать; горбятся губы, нагромождаются пласт о пласт (образуя возвышенности...), крутятся в магмовой вертикали.

и – из-за усталости выходящие всадники – сны ... ..

2

...а некто – беспокойный такой..., весь в пепле и стручьях – сказал:

«сколько нас – столько и миров.

когда мы разрываемся в клочья – мир разрывается в клочья...»

...а некто – беспокойный такой..., весь в пепле и стружьях – сказал:

«ах, беда-гореванье!..

ах, журчанье беззвучное слова на зубах искрошенных к ночи!..»

...чья-то доброжелательная рука толкнула его под машину.

удар.

(милосердие)

удар.

(...в клочья разрываться было уже нечему)

удар.

о н у с п о к о и л с я...

3

...лечу...лечу...лечу...лечу... лечу... !

так хорошо!..

4 (шарик)

«пузатый (как маленькая планета...) и лёгкий (как дыхание любимого человека...) Воздушный Шарик – поднимался всё выше и выше...

поднявшись совсем высоко – он стал облаком... маленьким пушистым облаком, добрым и ласковым.

...и больше не опускался вниз... не поднимался вверх... он – был

...из года в год,

из века в век,

из судьбы в судьбу».

5

из глубины – голова...
из головы – глубина...

...тише!.. тише...

ш т о р м и т.

6

л е ч у... ..

7

... здесь собрались все те, кто любили друг друга. и никогда это место не было печальным.

я прижимаюсь лбом к стеклу: идут, издавна ожидаемые, давно желанные. идут, взявшись за руки, улыбаясь навстречу моей – в заоконье дрожащей – улыбке.

и двери пред движением их – распахнуты, и вхождение – вхождение не сквозь, но имеющее корни.

...здесь нет дурной погоды и дурных слов. здесь нет вообще ничего дурного, что вхождается и без спроса рассаживается за столом вокруг мисок с горячей кашей. здесь ничто не губит, ибо то, что губить способно – погублено в предрожденьи.

мы все вместе: мы, любящие и любимые. и друг другом, как и собой – полны. руки слиты с руками, и чистота жилья – с чистотой неба и земли...

стоит ли просыпаться?

8

...голос, и опять тот же голос. и опять – он.

надо отозваться. надо пойти навстречу; встретить, понять, приголубить.

голос всё громче.

я лежу посреди многотравного, стрекочущего и гудящего поля. мне необходимо подняться. я очень стараюсь, стараюсь изо всех сил...

9

...л е ч у... мне очень хорошо!
куда бы полететь? ну, например – в эту сторону. или – в ту.
нет! только – туда... туда... туда... туда... туда... !

10 (поступок...)

«я прохожу мимо залов. окна их – терпкий каскад огней, воздух плотный и топкий.

я высоко поднимаю ноги; мои движения – движения аиста, и клюв мой обременён фыркающим, сопящим свёртком: там ребёнок (не то что бы грудной младенец, но и не слишком далёкий от младенчества). я тихонько кладу свёрток у высоких сверкающих дверей, прилепленных к одной из зал, и – улетаю...

...нет, не задумываюсь о своём поступке. разве это поступок? это – то, что произошло...»

11

и приснились мне ВЫ, БЛИЗКИЕ...

ВЫ... кто-то из ВАС уже умер (давно умер...). кто-то – потерялся, канул (и дымные раскалённые полосы обозначили направление ухода и границу промеж...).

но теперь: теперь мы были все вместе, и не вслаивалось между нами тягости и воровства, и не вслаивалось остудности и непониманья. а было, было: терпение и любовь, и притяжность великая, и бережность несказанная.

будто бы: мы собрались здесь для чего-то (чего-то безусловно важного, само собой разумеющегося), мы собрались, но не говорили ни слова, как-то оно и без того обходилось... ..славно так... так радостно!

ох, не расходиться бы нам!..

но вот: пробуждение... и нежелание его принять; отталкивание, сопротивление.

и вновь: неумолимый, неумолимо однозначный его приход.

12 (общение)

«сегодня я дерево: тонкое, юное, в зелёных крапинках вздувшихся почек. стою себе, раскинув ветви, подставив лицо крохотным редким каплям весеннего дождя.

вот и воробей уселся на мою ветку. вздохнул, перетряхнул крылышками, замер.

я осмотрелся вокруг, и, не заметивши ничего такого, что могло бы мне помешать, – заговорил с воробьем. он мне ответил. слово за слово – и образовалась у нас беседа (при взаимном ощущении приятности).

о, сколько я всего узнал! ...Выяснилось, что капля дождя (а это знает любой птенец!) самые что ни на есть настоящие звёзды. вот только они мокрые и смешливые, потому-то сразу и не поймёшь что они такое. а ещё я узнал, что если подпрыгивать на одной лапке – можно раскачать Землю, раскачаешь ты её, подпрыгнешь повыше – и полетишь, а вдогонку тебе – Земля; летите вы рядышком: ветер гудит, облака невесть что выплясывают... и славно вам вместе! чудесно так! ...а ещё... ..но всего не перескажешь.

сегодня я дерево. и воробью это нравится; он осматривает меня со всех сторон, что-то бормочет... да нет, он уже не бормочет! – он камнем несётся к земле... в землю... и из земли – зелёным хохочущим фейерверком истекает, ширясь и трепеща, росток!

юное, тонкое дерево появляется рядом со мной! и хорошо и весело нам теперь. и никто не помешает нам, пока вот так – ветвь с ветвью соединя – летим мы между звёзд!»

13

· ...о! ...

...кто это? кто это?.. лебеди, жёлтые лебеди выхватывающие из горящих зданий своих детей... (кто это?) на бредущем полёте, на излёте осудороженных мускулов... миражи... колесницы...

я видел мегаполисы, опадающие в зловонье собственного нутра. о, опадание! торопливость, торопливость, вздымательность, облегчение...

я видел океаны, бьющие отчаяньем многоруким в горючие жестяные тазы.

я видел резиновые плети галактик. я трогал плети у основания и поражался негибкой остылости их бессвязных маршрутов.

я видел свечение пульса у белеющих в дюнах висков; бабочки-одноднёвки с факелами и грудью, не прикрытой ничем, помимо лунного света.

как разыскать себя? не потерять – как? как увериться?

голая прозвень степей... голое тело, не лежащее нынче нигде... мел; графика на асфальте; уши, увязшие в янтаре, в ушах – гомон, гомон (увязающий всё плотнее...), гомон... и всюду: мел, покрытые мелом степи, голое бедное тело (голое, как песчинка прижатая к январю)... нагое парящее сердце...

14

«каждый... каждый... каждый...

мы будто б домики: с крышами из усладных пряников, со стенами из пирогов, с окнами, где стёкла – леденец про-

зрачный, мы будто б домики, годные для проживания, тёплые; с постелями мягкими, с пёстрыми половиками.

в каждом из нас проживают кошмары. они рождаются вместе с нами, и умирают вместе с нами. и рождаются снова. и вместе с нами проходят все стадии: детство, юность, взросление, увяданье... ..в каждом из нас...

...но наступает момент, когда мы – рождаемся, а они – нет. как долго ждать этого момента? (ах, как долго!) но что такое «время» по сравнению с отсутствием кошмаров?! тьфу! плёвое дело..! но такое, такое: не вынашивать в себе игольчатых липких плодов насилия и обмана, глупости и садизма, алчности и бесстыдства!

(о, как они умеют прогрызать, выкусывать нашу пряничковость, искрашивать нашу пироговость, леденцовость нашу излизывать, и – вырываться на волю, обращая при этом сладчайшие остатки домиков в продуктовый резерв.)

о, какое это наслаждение – не бояться, что кошмар вырвется из тебя и всё затопит... всё... всё... всё...; всё затопит и только ты – монументом на гребне колеблемым – воспрянешь над потопленьем и будешь вглядываться, вглядываться, вглядываться, не в силах даже ужаснуться, не способный лезвиями забронзовевших рук изрубить хлещущие полчища... о, какое это наслажденье: не бояться, не иметь к этому никаких причин!

но осознавать... но чувствовать шевеление...

нет!

но – осознавать. но – чувствуя шевеление – осознавать, не дать опрокинуться.

твёрдо стоять на ногах. и сквозь то, что сбивает с ног – твёрдо стоять на ногах. не покачнуться, даже – когда ползком, – не покачнуться, не опрокинуться».

15 (к вопросу о поэтах)

«лежу в колодце, мне не слишком удобно, но – ничего, обвыкаюсь. руки под голову подложил, ногами упёрся в хлипкую колодезную стенку; смотрю наверх: там звёзды...

насмотревшись всласть – поворачиваюсь на правый бок, скрючиваюсь, колени к груди прижимая, – дремлю... (мокро, толком не уснуть. к спине, перебирая лапами и бормоча, жмутся холодные жалостные лягушки. они хотят согреться. они всё время выталкивают меня из дремоты. ...но они всего лишь хотят согреться.)

открываю глаза... рассвет. ...слышу голоса людей; люди приближаются к колодцу, позвякивая вёдрами и оживлённо болтая.

загремела цепь. ведёрочное днище, ткнувшееся мне в плечо, почудилось заблудившейся в утренней зябкости лошадю. я тихонько погладил его.

в квадратный просвет, закрывая собой кусочек облака, просунулось сердитое кудластое лицо – и упёрлось в меня взглядом внимательным, недобрым...

– ты кто? – гулко спросило меня лицо.

– поэт, – отвечивал я; отвечивал смиренно, как и подобает квартирующему на дне колодца.

лицо отпрянуло.

– эй, бабы, – услышал я откуда-то оттуда, сверху, – там поэт какой-то завёлся! а воды – нету!..

и другие голоса:

– как так – нету??!

– поэт?? вот ведь гадость какая! да как-же он там завёлся?..

– да, небось, эта дрянь всю воду и выхлебала! вот я его сейчас!..

– ой, да что же это?! меры, меры надо принимать!!

лежу. нехорошо мне как-то, тоскливо. вон и лягушки упрятались, в только им ведомые убежища схоронились... ..

в просвет, уж совсем темень нагнав, разом всунулось изрядное количество лиц. они были все разные, но вроде

бы – и одинаковые... этот парадокс меня очень смутил, лица бранились, показывали кулаки и тыкали в мою сторону длинными сухими палками.

– ну что вы! успокойтесь! – крикнул я. – вы же сейчас развалите колодец! посмотрите: брёвна трясутся и плесень падает мне на живот, успокойтесь! вас – много, я – один; всё между нами из-за этого непонятно... выберите представителя – наиболее уважаемое среди вас лицо, разумное и достойное, – пусть он говорит.

– а что с тобой говорить... – сказала кудластое лицо (то, что первым просунулось), – где вода?

– да вода будет, – заверил я радостно. – вы только помогите мне выбраться отсюда, а колодец – он тут же наполнится. вы не сомневайтесь!

лицо хмыкнуло и презрительно на меня посмотрело. ...исчезло. поверху опять возобновились брань и угрозы.

внимательно прислушиваясь – я понял: они считают это место осквернённым, а воду, даже если она и появится, – заразной. всё потому (так кричал один из бранившихся), что поэты – хуже чумы. что поэты – они и не люди вовсе, а так – нелюди.

много ещё чего говорилось, и всё обо мне да о сложившейся ситуации: мол, нет в колодце воды – худо, а уж коли в нём мерзопакость всякая расплодилась, то вообще – ужас!

поначалу я всё пытался их как-то утешать, да они не слушали, пришлось умолкнуть... так ещё некоторое время прошло, думалось мне, что вот наговорятся они в досталь, а там, глядишь – и спустят верёвку, или иначе как...

...рядом с моим левым боком – поднявши грязи фонтанчик – невеликий пухлый кирпич плюхнулся.

– ну да что вы, право! – громко крикнул я. – ведь вы – ну вот самую малость! – и в меня бы попали! не кидайте больше, прошу!..

брань наверху затихла. и вновь, как давеча, целая куча лиц замельтешила в просвете; вот и смотрели мы друг на друга: они не улыбались, а я улыбался, стараясь быть как можно приветливей, доброжелательней...

...с дружностью (очень впечатляющей и удивительной) стали кидать в меня кирпичами стоявшие наверху. ...целая лавина этих прокалённых глиняных слитков вхлестнулась в колодец и затопила его.

не помню, каково мне лежалось там... не знаю, каково мне лежится...

как-то притупились чувства, ужались в задремавший комочек...

лежу в засыпанном кирпичами колодце. дожидаясь... (трудно сказать, чего именно я дожидаясь: странствующего ли рыцаря-избавителя... или другого какого обстоятельства благоприятного... уж что-нибудь, верно, должно произойти.)

ожидая, процарапывая как только возможно, как только возможно, как только возможно подземный ход».

16 (пузырёк)

1

так: ни с того ни с сего: на золотисто-коричневой плоскости моего вечернего чая появился воздушный пузырьёк, пузырьёк был похож на многоногое зёрнышко ртути: проездом..., в гостинице..., на чемоданах...

– кто вы? – спросил я его.

воздушный пузырьёк обернулся на мой голос..., растерянно заморгал..., засмутился...

– о, пожалуйста, не смущайтесь! – попросил я. – скажите, может быть вам нужна помощь? или – собеседник...? располагайте мною! ...

– спасибо... – прошептал пузырьёк.

– вы так малы...! вы совсем ещё дитя, но – уже странствуете, уже в беспокойстве...

завязалась беседа: неторопливо, негромко, но – о многом, слово за слово... выходило и так, что каждый беседе-

вал сам с собою, о другом забывая.

(забывая...)

: ...я созерцал – отражённой – неподвижность своих зрачков..., неподвижность потолочного склона..., неподвижность времени... я уменьшился, но – уменьшившись – расширился, распахнулся, распросторился...

ах, как хорошо! ...но:

очнулся; замерцал; прислушался...:

2

«и вот: пришло... ..

я замер торопливый на дне пруда

под блюдами кувшинок

под ряской переливчатой на ощупь...

я наблюдал скольжение чёрных вод над рыбой скользкой

над шершавой шкурой уныльца-рака...

приминал руками – сухими и дрожащими руками – сухой дрожащий ил... шептал: «привет вам! продолжайте путь...!» осенним розам светлым на воде я замер пропуская тень врага

и тенью стал

и скрючился в тени

я скрючился зародышем в тени

зародышем извне пришедшим к лону

возрос

вознёсся

и (простите...) здесь – в сосуде этом – я нашёл приют...

пристанище...

покой...»

3

я не стал допивать вечерний свой чай. я поставил чашку рядышком со своей постелью, у изголовья.

пройдёт совсем немного времени – и золотисто-корич-

невая плоскость исчезнет: высохнет, улетучится... высохнет, улетучится – вровень с чаем – и моё земное обличье... опустеет чашка, и опустеет постель: опустеют вровень...

...и полетим мы с пузырьком по иным приютам; ...по дороге дальней, доброй и злой... и полетим мы, полетим – вздымаясь и упадая... и полетим мы, полетим, полетим... но уже – в м е с т е.

17

и приснился мне я.
и снова приснился.

и снова.

...разный всегда, не всегда знакомый, но всегда – я.

18

«я им говорю:

– «...каждое утро, когда солнце и луна стучаются лбами, многомильная лава асфальта (застывшая в форме улиц, переулков и площадей) обращается в книгу, очень умную книгу, немного печальную. ...и лепечут, грохочат, дрожат квадрильёны страниц! зовут к чему-то!..»

я им говорю, а они ухмыляются – даже смеются! – широко распахивая многозубые пропасти ртов. а они ухмыляются, и всплёскивают руками, и раскачиваются всем телом.

я им говорю:

– «...ночами..., ночами..., облака – проплывая мимо – не принимают никаких причудливых обличий; они остаются теми, кто они, собственно, и есть: Удивительными Существами. им ничего не стоит взять тебя на руки и унести на край света. им ничего не стоит душу твою омыть от горечи и убрать из сердца стрелу. облака проносятся над тобой –

вместе с тобой, – проносятся, исцеляют, переполняют пушистостью драгоценной! облака...» ...

я им говорю, а они хохочут, повизгивая да по полу ножищами топоча залиvisto и безоглядно.

я им говорю:

– «...море – это одеяло. достаточно поверить в него, завернуться, закутаться, замотаться – и чудесные сны (приходящие ниоткуда, но приходящие! приходящие!) станут плоть от плоти твоей. это может послужить началом невиданных ураганов; ураганов, не несущих беды, чистых, осиянных любовью!...»...

я им говорю, а они катаются по полу в истерике громкогласой, судорожье животов приминая пляшущими руками. а они говорят:

– «ну, насмешил! ну, уважил! не мало ещё дураков по земле гуляет, но этот – из самых забавных!»

и ещё:

– «довольно! – кричат, – потешил, и – хватит. да ведь что же это: так-то всех переморишь! довольно, – шумят, – придурью нас мурыжить! дай отдохнуть, а то и вправду подохнем...!»

я выхожу на улицу.

я иду по бульвару-странице... к облаку руки протягиваю... прижимаюсь щекою к морю...

я проплываю чем-то бесплотным, невидным, неявным... но – прикасаюсь, – прикосновение так долгожданно!»

19

...по серёдке, по самой серёдке, где ветер и сахар... где сладость не имеет ступенчатости, но – вся, сразу... где сразу всего не истратить, не избыть, не покинуть спиною... ..туда!

...но теперь – одиноко. (...тихонько...тихонько...)

теперь – одиноко, и жгучие плети ссыхания раскинули танец закатный (далёкий...) на остриях стрел.

...туда! ...вообще, совершенно, совсем не имеет значенья и права: доберёшься ль ползком (ты ползи!) или будешь доставлен крылами!

вообще не имеет значенья!!!

но теперь – одиноко. и брови подъяты к вершинам, где дрожат ледники, где лавины быстры и обширны, где приют заметён.

но и так: не один, даже если приют заметён, даже если сбивается взгляд о кремешные свет и тьму. по серёдке, по самой серёдке... не оглядываясь, не торопясь вперёд...

но теперь – одиноко... только это совсем не имеет значенья (вообще, никакого).

не один, но – О Д Н О. не один.

20 (одинокий путник)

1

одинокий путник шёл по пыльной прямой дороге. по сторонам дороги вздымались горы, шумели леса, клокотали реки.

он шёл и думал: «вот – я, одинокий путник... я иду по этой пыльной прямой дороге... я вижу горы, вижу леса и реки... но не вижу, не вижу, не вижу ничего такого, что подсказало бы мне: что это за дорога?.. зачем я иду по ней?.. где начался путь мой?.. чем закончится?..»

и шёл одинокий путник, раздумчивый, широкошагий... на плече у него болтался узелок из зелёной ткани, шляпы поля свисали с головы в себя наклонённой...

не озираясь шагал, не кручинясь, не отстраняя ласки солнечных рук и ласки многогубой метели; не отмечал расстояний, не примечал направлений. шагал себе, благословенный.

2

(неподалёку от края земли деревце росло.

не имело деревце ног и рук, но имело корни и ветви.

...но не имело деревце ног, а потому: к самому краю земли подойти не могло. да и не желало – не желало – не желало, – к чему? все края одинаковы; они похожи на разлитый по чашечкам каравай хлеба: вроде бы и хлеб, но видишь ли – уподобился...

росло. и момента, когда началось возрастание – не было. и момент, когда возрастанию надлежит завершиться – никем не определялся, а потому – отсутствовал.

набухала кора запахами лазурными. и цветы – возникающая по всей шири древесной ярко-размытыми молниевыми бутонами – сияли проникновенно.

...да, вот ещё: зацепившись ветвями за ту окоёмку края, до которой могло дотянуться, – деревце выгибало ту – краевую – окоёмку вверх, прочь от земли (шалило, переливалось): так нате вам – радуга! ...и край земли – выплеснув из себя ладошки – хлопал в ладошки залиvisto, ребящёнковой зыбью опоясывая облик мира.)

3

одинокий путник, принц одинокий ссыпанного пылевых холмиками королевства, – шёл себе, благословенный... и не утрачен вовсе, хоть и тратил шаги. и высвечен в горизонтах мотыльком первозданным. это, и это, и то (другое)! радость! радость!

рассвет. хлопьев сиреневых взлетанье над дорогой прямой. возрастанье, сообразное прохождению в направлении возрастания.

роslенье. сростанье...

4

(там, неподалёку от края мира, располагалась дивная мусорная свалка. у-ух! ну до чего же обширная свалка! до чего же привольная! ...чем только она не была исполнена! – ну всем, всем-всем – и всем лучилась: расчёски, бутылки, бумажки, детишки, старушки, лягушки, пристрастья, ухмылки, надежды, бураны, стаканы, планеты, раздумья, закаты, куплеты, ежата, мышата, орлята, монеты, озёра, моленья, морены и пули, и многое, многое, многое, многое. – всякое-разное, многое.

какая чүдная почва! какое чүдное лоно, способное на всякое изрождение, и изрождающее – всякое!

но вот: с гребня на гребень, по пенистым пределам, – привходит и остаётся. и никто не обижает, но ласкает и любит. и так – нескончаемо, будто: то – почка на деревце, – широко, свободно...

ну что вы, что вы! вот: ударили в бубны барсуки и еноты, задрезжали литаврами лисы, залопотали зайцы алыми тенорками. выявилось и не погасло, и горит потихоньку – согревая и плача.)

5

путник раскинул в стороны руки, ухватил обочинье дорожное за края и облёкся, окутался мантией-дорогой закуклился.

и над куколкой – землёй и небом – расплеснулось неохватное бездорожье. расплеснулось, заблестело глазами родными, беспечальностью материнской... и зáмерло, – о ж и д а я.

21

«о, сколько их!..

...их много. и они поднимают на руки небосвод, как пустяшную конструкцию из расцвеченного картона.

их много. и ноги их упираются в землю; их мягкие ноги, не причиняющие земле ни малейшего неудобства своим упиранием.

их много. и им совершенно не важно: будет их меньше или больше; сколько бы ние было – о н и; столько, сколько необходимо.

...их много, я направляюсь к ним».

РАССВЕТНЫЙ КАРАВАН (часть четвёртая)

1 (пролог)

...ты в темноте. и нету тебя. ...и будешь ли?

ты в темноте; ты проходишь под аркой, своды которой в трещинах, своды которой громоздки. ты проходишь, высокий и строгий. ты проходишь, холодный, стиснутый тающими обручами.

ты проходишь; там: пузырьки из цветного стекла, и проносятся летуны с кварцевыми ладошками, и всякая катастрофа – увековечена (на тонких жердях, не имеющих прочности и сноровки).

и – нету тебя. но: проникают, шевелят своды каскады цветущих каштанов. но: серебро выхлюпывается на затылок, пронзает, привносится милосердием невесомости.

...и – будешь. (будешь ли?..) да.

терпение... вера... надежда... любовь...

2 (на пустыре)

взяв несколько досок, лежащих вольно, и подобрав дюжину кирпичей – я соорудил стол. стол из досок и кирпичей, крепкий стол.

выискал множество ящиков – пустых, ненужных – из-под стеклянной посуды и расставил их вокруг стола подобием стульев. ...чем же они не стулья? чем? прекрасные стулья!

я разыскал в кучах мусора пустые мешки, в которых хранили сахар.

я распорол эти мешки и преобразил их в скатерть. скатертью дымчатой той – стол застелил.

ах, как всё празднично!

я кладу щепотку земли на стол, несколько разноцветных осколков стекла и пластмассы, немного сухой травы с высокого холма. я кладу несколько кусочков железа, обсыпанных ржавчины рыжиной чудесной, несколько обрывков бумаги...

...как всё празднично! ...угощение разложено. стол накрыт.

я сажусь во главе стола, на самый высокий ящик и зорко оглядываю сотворенное: всё чудесно соединилось; всё правильно; всё так и надо.

...вздыхаю, удовлетворённо и глубоко. ...теперь бы только дождаться гостей...! ...жду.

где вы?

3 (нянюшка)

«– нянюшка-бабушка, расскажи мне о дальних странах... о дальних-дальних!..

– их нету, мой милый... их нету, нету совсем...

– ну, тогда расскажи о морях шумливых... о горах спокойных... о лесах глазастых...

– и этого ничего нету, мой милый. нету совсем...

– нянюшка, нянюшка, ну расскажи тогда о зверях разноликих... о птицах! о птицах-плясуньях!.. о рыбах смешливых...

– нету. нету их никого, нету...

– ну хотя бы о звёздах!..
– нет и их. ...ты уж прости меня! нету звёздочек, ни одной нету...
– ...ну, тогда Расскажи о себе, нянюшка...
– нет и меня... что тут рассказывать? где уж тут взяться? ...
– нянюшка-бабушка, что же есть на свете? что же есть, родная...?
– только ты, мой милый... только ты, мой любимый...
всё, что есть плохого на свете – это ты.
всё, что есть хорошего на свете – это ты.
всё, что есть уродливого, ужасного – это ты, ты...
всё, что есть прекрасного, расчудесного – это ты, ты...
спи-засыпай, мой милый... спи-выбирай...; выбирай аккуратно, не заторапливайся: по зёрнышку, по соломинке, по капельке, по чешуйке...
всё, что получится – это ты, откуда ж иному взяться?..
...спи-засыпай, мой милый... спи-засыпай... спи...»

4 (полустанок)

1

«из горла вырвалось. так вырывается то, что, проталкиваясь – из года в год – всеу жизнь удобряло. так. напрочь.

вон там... поодаль... клубком отемнённым пряжистым... там...: опушка березняка... но оттуда: НИ шевеления ветвиц малых..., НИ шелеста листьев..., НИ повеивания дурманного, уводящего...; всё спелёнуто сыростью, пригнетено к животу земному...

слева... слева... смешение кирпича и бетона... слева... ступени поросшие тмином... ш-ш-ш-... вместилище сквозняка и бесшажья... ш-ш-ш-... ни для кого. (само для себя.) слева...

справа – фонарь... столб... справа... влага и глубокие трещины... столб... фонарь... визг ржавых фонарных петель... плоский жестяной абажур... (так: тихо...) качели те-

ней... степь... широкий округлый медленный тёплый упругий степной ветер...

пятнышко света. скребь спичек об отсыревшую боковину коробки. щелчок. огонь. пятнышко света...

сигаретный дым. (стоящий здесь – неподвижен...) сигаретный дым. туман. ночь.

2

...кто ты такой, что так уверенно..., не вздрагивая спиной..., не одёргивая воротника... кто ты такой? ты возник на очерчье, на линиях едких густых; то: стянуты узлами края и тем – выделено... там, за спиной дрогнувшей... дрогнувшей чуть...

вышел. приподнялся на цыпочки. взмахнул рукавами.

: болен, но тем – исцелён. ...

расстёгнут плащ... колени напряжены... губы сомкнуты и белы... и белы... кто ты?

так: сопряжён... угадывается последняя буква в хромосомном калейдоскопе звёзд... пряжа березняка...

голос тих. раскалён. голая проблесть слюды – ливень вечерний, – слякоть у щиколоток. ожиданье зимы..., зимы-барабана...

заря.

тень. перебегающая – от низа к верху – струна. окрик издалека. струны.

...так выбрано, будто: причастен и стоит испокон веков. и стоит. и по щиколотку – века..., слякоть..., заполнение...

долой! вклиниться в зарево! в поле... вспыхнуть!

ноги неразворотчивы... (кто ты такой?) неподвижна спина...

3

пропускают искры припеваются всевозможные там фа-
готы литаврушки

встречь лиловых волос Котенковых
на закатном мизинце-взгорьюшке
по-перебранны-переклёванны: на зиме-барабане – во
все стороны со взгорьюшка – во все стороны –
вóроны с клювами грифельными
с изумрудами на предплечьях

...колыхнётся чёрная вата за-между стёклами
...покатятся горошины красные синие золотые
...по-над заборами мятыми по-над печными
трубами –
кони лесные в зелёных рубахах с изумрудами на пред-
плечьях

кони кони кони в зелёных рубахах в прóшиви бирюзы

так припеваются-запределяются
так идут в запредель брусничную:
синицы
и человечницы с дитёнками на руках
а зима-барабан: «бум-бурум!»
и несётся со взгорьюшка будто бы: светится
(с дитёнками на руках)

...всё накрыла зима всё укутала
всё сковала всё убаюкала:
защобья дома и речки...
одиночества войны и речи...
обметелила...
облизала...
и – сначала (опять – сначала!..) вот:
котятта лилово-лиловые с изумрудами на предплечьях...

полустанок... и словно волоком –
полустёртое слово-колокол
исцеляющее
НЕкалечащее

4

так: причастен, прижат к раскачиванию абажура... к
скрипу... к н и м...

слева...слева... к левой стороне...: опрокинутый в мок-
рость тмин. крошево... крошево... шурное прохожденье...
голоса. приоткрытая дверь.

не туда! не туда...

неразворотчивость ног... ноты... заплесневевший пю-
питр...

не туда! ...

дети. они играют на солнечной стороне тумана. дети...
поднимают ручонки и опускают их... перебирают нога-
ми...

взгляды – стёкла на чёрном бархате. бархат, вмятый в
сугроб. взросление. холод.

дома́. необходимость вернуться.

но – сквозь двумерную плоскость жилищ –
м н о г о в о д ь е... (кайма из усыпчивых декораций. провал.
так: не любя, но любить желая; так: проиная всё глубже,
погружаясь в надежде – флажка, упора для ноги, неминуе-
мого старта...; но – чем глубже, тем омерзительнее..., и
омерзение – переполняет.. и: жалость, жалость, только жа-
лость... заметённая унывная жалость... только – жалость...)

до́ма. необходимость вернуться.

5

цокот когтей. пар. прóхрипь дыханья.
сброшена первая маска.

цокот когтей. след. запах. желтозубая щерь клыков.
сброшена вторая маска.

цокот когтей... пар... след... снег... снег... снег...
сброшена третья маска.

(маски зарываются в перья... бьются, вздувая кожу... :
сколько их ещё осталось? сколько? сколько... сколько...
сколько...

сколько их ещё осталось? ...
бедные, бедные маски!)

6

в ТУДА. и там, где ТУДА – ты. и подходит поезд. ты са-
дишься на поезд. ты уезжаешь.

ты уезжаешь. ты далеко уезжаешь. ...если – конечно –
это – тебе – просто – не – показалось.

н е о б х о д и м о с т ь   в е р н у т ь с я .

5 (письма)

«больницы. железнодорожные переезды. кричащие жу-
равли.

простудная зáмять: пространство; время, проступаю-
щее татуировкой на бледной обмякшей обложке пульса;
опепленный напрочь день. день... день... день... ступеньки
в колодезную невесомость... несомость дождей...

вы пишете письма, и они ожидаются кем-то со дня на

день. вы пишете письма, и кто-то, изо дня в день – возвращая ожидание до высочайшей ноты – не получает писем, вы пишете письма, и они, минуя предложенный адресат – минуют возникновение.

вы пишете письма подставив лицо полощущему жару печи, и ваши письма оборачиваются повествованием вымерцавших, погружённых в глубокую ночь углей... вы потираете колени, уставшие от избытка тепла. вы выходите во двор, и над вами – над самой вашей головой – пролетают журавли.

вы пишете письма; вы бросаете под плачущую авторучку жёлтые листья берёз и покорные, пропахшие сыростью стебли серебряной лебеды. вы выходите во двор, и тепло, покидая ваши колени – поднимается в высь, поднимается вслед журавлям».

больницы. железнодорожные переезды. кричащие журавли.

пляска зеркал на прохладной забытой земли... длинные поезда...

б (винтик)

...«из сложнейшей и обширнейшей конструкции выпал винтик. выпал, и упал в траву.

конструкция хрипнула, заскрипела-заскрежетала, забулькала-зашелестела и начала рассыпаться.

многочисленные детали – наиразличнейших размеров, наиразличнейших назначений – посыпались, кувыркаясь и стучаясь друг об друга. сыпались; падали вниз, причудливо укладываясь окрест первоупавшего винтика. сетовали и жалобно гневались поперебой: они утешали друг друга и укоряли винтик в том, что он лишил их устоявшегося, прочно переплетённого бытия.

«это же отвратительно, – говорили они, – хоть мы и лежим рядом, но не способны на эффективное взаимодействие для какой-нибудь полезной и многотрудной цели!.. а

личная жизнь??! ...да какая уж тут личная жизнь, если мы потеряли чёткий, установленный свыше порядок размещения и пребывания! мы же теперь – ни то ни сё!..» ...

винтику тяжело было всё это слышать: многие из деталей приходились ему родственниками, добрыми товарищами... но он помалкивал, не зная как успокоить, как растолковать...

...он помалкивал и время от времени – виновато и робко поглядывая на своих близких – лю б о в а л с я ц в е т а м и».

7 (лотошник)

«Вот лотошник с товаром. мимо него нельзя вот так: взять и пройти; здесь можно купить то, что больше нигде уже не купишь. ...нельзя пройти мимо.

– эй, лотошник! ...это у тебя – что?

– это... это старая кукла одной девчушки, которая умерла (как девчушка), но зато стала серьёзной и деловой женщиной...

– хм...

– эта кукла умеет смотреть на небо... возьмите, не пожалее.

– хм... да нет, пожалуй, а это – что?

– о! это скляночка с пылью... с пылью...

– вот как...

– да! замечательная пыль! она собрана на давным-давно позабытой, поросшей репейниками и лопухами дороге.

– и...?

– и !?! да она же помнит каждую минуту этой дороги, каждую секунду! всё-всё помнит, даже то, что можно было бы – понимаете? – и забыть... берите!

– нет-нет... не стоит... как-нибудь в другой раз... а вот это, вот это – что?

– это? ах! ах! это – обломок кирпича.

– ага...

– очень хорошего кирпича. и обломок – просто замечательный!

- грязноват несколько...
- ерунда!
- ну да... ну да... ну и что он...? ...
- да ничего. просто: обломок кирпича.
- просто обломок?
- да.
- и сколько он стоит?
- сто. смешная цена!
- сто?! за обломок кирпича??!
- за замечательный обломок! у-ух, какой...!
- о! да битых кирпичей где угодно навалом! чем он лучше?
- ха! это же очевидно! вы с ним – в с т р е т и л и с ь. понимаете? у вас есть прекрасный шанс подружиться, и даже – чего только не бывает – полюбить друг друга! вот.
- хм...
- правда-правда, ну не идиот же вы отказываться от этого?!
- хм... видите ли, если я отдам вам эти деньги – мне не с чего будет сегодня кушать; я останусь голодный...
- ха! эка невидаль! покушаете в другой раз, как-нибудь потом. ...ну, как маленький, право.
- да?..
- да! сытость слепит. зачем вам это нужно? а? вы что – хотите быть слепым? хотите НЕ видеть – вовсе! – того, что, не будучи увиденным, – лишает смысла всю прожитую жизнь? ...берите! берите, не будьте глупцом!
- хм... наверное, вы – правы... беру.
- завернуть?
- не стоит... вот сюда, в карман, пожалуйста...
- вы – молодец! наведывайтесь. проходя, – не оставляйте вниманием.
- не оставлю...

...мы шли с кирпичом по долгой – в высоких морщинистых тополях – аллее. шли, помалкивали дорогой, и как-то ненарочито – всё более и более – стеснялись боками.

так и жизнь миновала. и ещё одна. и ещё. ...а мы всё

шли, шли, будто бы – уже и беседа; будто бы: становясь ближе, необходимее, ненаглядней...»

8 (караванщик)

это – неотбеленное полотно это барханы барханы
они звенятся змеятся меняясь местами
барханы-попрыгунчики
ползуны-барханы...
ах караванщик...
милый милый
ох караванщик...
всякое деяние помнит о балансирах
всякое сказание начинается с буквы оплетённой дикими травами
караванщик... ох караванщик... сирота-сиротка...
ох караванщик

(волчьих ягод
волчьих берёз –
равновесие
в каждом капкане
равновесие пуль и памяти...
хмури...
зámяти...
стыни...
слёз...
равновесие в драной кофточке, приходящее в ночь к тебе –
лёгкой поступью...
чинной мброчью...
синей проседью... –
на коне...
из истерики, льнущей к полночи
грузной вóлочью –
из груди:
за околицей
за прихолмием

за умертвием –
в п е р е д и)

ох
караванщик

эй караванщик как горячо под твоей рубахой
не уберегли родимый – берегись! берегись!

эй
солнышко всё заслепило

(ты не прощён
но непрощённый –
умеешь прощать
ты по макушку засыпан горячими грудями, которые да-
ла от себя пустыня
но разгребаешь груды и н ы е костлявыми руками
ты босой и голый
но весь свет задариваешь шелками
почему? откуда?)

ох караванщик – барабанщик на валунах из гладкой смолы
ох
кто встретит тебя...?
эй
гремит посуда нарезаны булки и караваи тяжелеют
мокрые флаги
эй
там – из откуда – но протянуто издалёка –
в там конечно конечно так повёрнуто к лику – лик...
караванщик стоящий на коврике
: теперь – поровну
теперь – равновесие
теперь – заботы
(подмятый подмятый подмятый подмятый подмятый
кто?
забывший забывший забывший забывший забыв-
ший... кто?)

...и даже если ты – распятый
а вслед за тем – уже остывший
то всё равно: на всех дорогах ты оставляешь ровный
след

всегда: вчера сегодня завтра как колокольный призрак
вишни –

подмятый «кто»
и «кто» забывший –
все одинаковы в тебе)

ух караванщик караванщик
ух
как тропа твоя тянется ничуть не теряясь ничуть не те-
ряя взора

ох
налегай на палку родимый! упирайся крепче!
всё что стоило потерять – потерянно
всё что стоило найти – блестит у колена
(нет за спиной твоей каравана...
и не было его...
да он и вовсе не нужен...!)

ах!
ах караванщик
ох родимый
крепче упирайся налегай налегай на палку ах караван-
щик

так пустыня: и одно проглотит и другое и третье – и уже
не пустыня

ах пустыня
ох родимый родимый: ничуть не теряясь
не теряя взора

: ...вот сюда ногу... теперь – сюда...
теперь – сюда... рывок!!!
ну а теперь (и это уж – точно)
ты и сам (и это уж – точно)
ты и сам дойдёшь невозбранно

глава 9 (рассветная...)

1

...ближе к ночи мальчик шёл смотреть на дома.

он прогуливался мимо домов; мимо бревенчатых лачуг, мимо громад из кирпича и бетона... и проходя мимо: проходимое – оглядывал, вглядывался напряжённо, парил над.

многоводье... это угадывалось сразу: многоводье..., бесформенно-сумеречная масса, напоминающая студень; волоокая плотная подрагивающая масса с прожилками из багрянца.

многоводье расположилось за домами, за всеми домами сразу... окружило их...

просверкивание электрического света в дырчатых футлярах, где жильё и подобие пребывания, – сверканье на многоводье (еле заметное, дышащее едва...).

безграничье... мальчик чувствовал, чувствовал: нет явлению этому остановки, нет ни малейшего удержанья: вольное размноженье пределов...

он чувствовал, чувствовал: безграничное многоводье приклонилось, горизонтально схлестнуло напряжённые уши, замерцало желаньем прыжка.

...дома-футляры казались спокойными. они высились, двумерно и строго, напоминая хмурые облинявшие декорации. они были загадочны, но вместе с тем – без всяких прикрас и тайн, очевидны.

мальчик прогуливался, стараясь – гуляючи – быть в некотором отдалении... это не получалось (как же этому получиться?) ему хотелось вблизиться в дома, растормошить их, умолить обернуться.

он заглядывал в окна; трогал стены; рассматривал дома – запрокинув голову – запрокинутыми в предрассветный муар.

не было в многоводье опасности... но удивлялся мальчик: вот оно, со всех сторон, а ничто им не всполошено, не позвано во внимание...

не было в многоводье опасности, но – перемены.

2

пóперву: редкими малыми струйками, вослед – струек плетением, – рассвело.

множеством призрачных ртов, трепеща и благоговая, колыхнулась пыль. ах, пыль! (благоговая!) неслась! неслась! к чему бы ни прижалась – кошечкой-молнией, – всплеск, озарение!

будто бы: мятые пивные банки – возвысились – истонались утробой – исполнились материнства. ...побежали! глаза их наполнились памятью близких огней, и ещё... .. (да!: и ещё... ..)

будто бы: шевельнулись ключья газет, – оглянувшись, но – смело (ах, смело!) стряхивая с себя татуировки зряшных письмён. шевельнулись, глазасто и горячо. шевельнулись, качая бёдрами и оправляя волосы.

будто бы: лупкая краска заборов, решёток, стеновий – унылье и трепет поправ – загоризонтилась перламутром всецветным; воссияла, всякому даря, всякого разотмевая.

пыль неслась, – искрашивая! – в пронесновеньи своём искрашивая рукава и пунцовые губы иллюзорных владык; ударялась о вдумчивость драных древесных кож; дёргалась и плясала.

...вздыбилась, нежно прокатываясь в сквозняках, серебристая шерсть домов. мальчик пробирался по переулочьям, скользил вдоль фасадов: прежде, вближаясь... и опущье домов (как лепет!) – лепетало, глядя лицо.

и: лицо к небу поднял; он заплакал, и слёзы – алмазных ключей вереницей – отомкнули чаяния, желанья... зашептал, струновая горлом, – жалобно, непрерывно...

3

и пришли сумерки. они были похожи (и – въяве – похожестью обретали обличье) на сгустелое долготерпивое озеро пыли.

и пришли сумерки: будто б со временем, спящим в карманах: сумерки – заполнение.

и из сумерек – из осени – из земли, – поднялась девочка.

4

дома запели, их пение было нестройным, хриплым чуть....чуть знобящим... (казалось: нотные знаки, розовые и тонколапые, подпрыгивают – хрустальчато, озорливо – на сырых протяжностях подоконников.)

дома пели... они пели о том, что уже давным-давно позабыто (давным-давно...), о том, что помнилось безраздельно и нерушимо. они пели о несбывшемся, но – желанном, чему сбыться пора (пора! ну, пора же...! пора! пора!). они пели, и пение их тёрлось размывной долгой волной о незримую дамбу: размывая, круша...

и – хлынуло ливнеопадьем всеприемлющим м н о г о - водье...! м н о г о водье!!!!

ах! – хлынуло – с пустыми мешками за упрямой спиной, с умелыми пальцами чудунá. (!)

дома запели громче, и смерцались-спелись их голоса где-то у черты стеклянного срыва...; всё громче, громче, ровно звуками нороя овьюжить неподъёмность свою, расцепить цёпы фундаментов, распрячь и взлетучить заведомую неподвижность телес!

(мальчик и девочка – прижавшись друг к другу – смотрели, смотрели: скачущие хороводящиеся гирлянды жилищ-светлячков были им милы́, причарованны – зрачок к зрачку, приближенны к их мечтам. это – ожидалось! это – звалось! бриллиантовый вихрь преобразений: так сразу, но так изначально: и з н и х и с н и м и!

дома, возвиваясь и обсыпываясь, в разбросе и утяжельности, – преобразались. им больше не было дела до футлярности своего прежнего бытия-небытия. им больше не было дела до глупости определений и насилия попирааний. но было, было, было, было, было им дело до всего, что преобразалось-цвело вместе с ними.

и вместе, вместе!: насекомые, звери, птицы, деревья и травы, мысли и чувства, минералы и всяческие стихийные явления, люди и нелюди: преобразование! преобразование! ...так: зацветанье в ином, по-иному, совершенно иначе.

...но, в том промежутке, в котором истаяло ЭТО и не свершилось ТО, – п а у з а.

5

они стояли на единственном, сверкавшем тускло и осторожно рёбрышке п а у з ы.

мальчик и девочка... – луна и солнце... – ветер и память... – ...

и были они одни-одинёшеньки на всём белом и чёрном свете. ...а когда погас белый свет и высветлился до обесцветья чёрный – остались мальчик и девочка наедине с ЕДИНЫМ, ЕДИНОМУ – вровень, с ЕДИНЫМ – ЕДИНОЕ.

(нечто напоминающее эпилог и являвшееся окончанием романа)

и довелось муравью заночевать в старой консервной банке: муравейник был далеко, а ночь – гораздо короче дороги к нему... вот: довелось. ...и нагретая за день консервная банка приняла муравья, гостеприимно приподняв шляпу..., звякнув тихонько...

«ну до чего же я маленький...»– подумал муравей, и – гулко гу-гу-кнул. «ну до чего же я крошечный...» – подумал он, и – свернулся калачиком, закрыл глаза.

муравью приснилось, что он вырос до громадных размеров: возвысился над лугами, стал равным всему высокому... а консервная банка – наоборот: умалилась, уменьшилась, обратилась маковым зёрнышком.

и взял Равный Всему Высокому маковое зёрнышко на ладонь – и согрелась ладонь... прижал, осторожно – дышанье утишив – зёрнышко к сердцу – и согрелось сердце... огляделся внимательнее – ещё, ещё ближе... – не смигивая... – ещё... ещё... – и увидел улыбку.

муравей проснулся. муравей похрустел лапками, покрутил головой, зевнул. он осмотрелся вокруг себя (ничто не утаилось, ибо было светло)... осмотрелся, и сразу, сразу увидел... ..

ещё раз закрыл глаза муравей, и ещё раз открыл... и снова закрыл глаза, и снова – открыл... :ничего не изменилось, по-прежнему было отчётливо видно: О Н ПРОСНУЛСЯ ДОМА.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИГОРШНЯ ШЕПЧУЩИХ СКАЗОК

сказки для детей,
которые-дети;
для детей,
которые-взрослые;
и для детей,
которые-совсем-совсем старички

РАДОСТЬ

радость вышла из дверей.
вот: на пороге она обернулась, за собой поманила.

есть ли кому идти?

...из-за дверных просторов выплыло облачко сигарет
ного дыма,
не оглядываясь, не озираясь

МЕДНАЯ ПУГОВИЦА

– я солнце! я солнце! – воскликнула медная пуговица.
и была в её голосе радость. и были в её голосе гордость
и трепетание.

– ну уж, прямо-таки и солнце, – насмешливо усомнился
кто-то из её знакомых. – вот ужхватила такхватила!

– ай и зачудила! ай и молодец!.. – подхватил другой зна-
комый. – не всякий сподобится!.. вот-так-так...

раздались смешки. хохот. бульканье и клекотанье.

...и за всем этим весёлым и несомненно лакомым вре-
мяпрепровождением никто не удосужился заметить:

вот уже две минуты медная пуговица сияла в небесах и
согревала своими лучами всех-всех-всех! всех, кто только
в этом нуждался, кто не мог без этого обойтись

Я и Я

старый красивый человек на ладони моей. вот он: сидит,
не шелохнётся... руками колени обхватил и смотрит в даль.
что ему в этом? зачем ему эта даль?

я стараюсь не шевелить рукой, – а вдруг спугну...?.. а
вдруг уроню, и он, такой маленький, упав с такой большой
высоты – разобьётся вдребезги?... и рука – подрагивая,
тяжелея – начинает отекает.

...а вслед за рукой – тело: от головы – вниз, от ног –
вверх; я весь отекаю тонким сверкающим ручейком, сте-
каю в неподвижную ладонь... вот: передо мной – даль, она
желанна, как вдох и бесконечна, как выдох; дышу я далью
или смотрю в неё – поди разбери! ...прочно сижу, и ладонь
подо мной тепла, и нет боязни упасть.

о, ни что не тревожит меня! – так надёжно, так близко
мне здесь, на этой ладони

ХОЛМ

бункер. накрывищем бункера – холм. холм дышит; холм весь зарос травами: пижма, польнь, лебеда, репейник... только на самой маковке – костровище, плешь для пламени...

я сижу возле костра. я смотрю туда, – далеко, – на дорогу, по которой в детстве ходил к горизонту: я по-прежнему иду по этой дороге, и ноги мои в царапинах и грязи, и взгляд воспалён..., и на обочинах – по-прежнему! – стоят в обильном числе машины и люди, – пожимают плечами, усмеваются, указывают на меня чисто вымытыми твёрдыми пальцами, прямыми, как язык стрелы. ...я так и не понял толком, что же им от меня нужно; что им?.. странные такие... не обращаю внимания. иду. горизонт всё ближе.

– эй, малыш!.. – кричу я с холма.

я оборачиваюсь и машу себе – сидящему у костра – рукой.

– эй!.. ...

д а л ь ш е м ы и д ё м в м е с т е

КАПЕЛЬКА РОСЫ

жил на свете человек, который мечтал быть капелькой росы. мечтал он об этом с самого детства и, будучи малышом, часто говорил окружавшим его взрослым:

– вот подрасту, и – буду...!

– кем будешь? – спрашивали его взрослые.

– конечно же капелькой росы, кем же ещё!

и пока человек рос, его мечта становилась всё ярче, отчётливей, необходимей (как и у каждого из нас...). и, как каждый из нас, – он стеснялся её перед другими..., он боялся её перед самим собой...

но исчезали и стеснение и боязнь, когда мечта становилась желанной нестерпимо, – тогда человек запирался в ванной, садился на пол и плакал навзрыд, о, так больно ему было, так ему было хорошо, что слезы, текущие по ли-

пу, казались сладким восточным ветром, а холодный кафельный пол – колыбелью лугового цветка!..

и такое случалось с ним в жизни целых девять раз. ...а когда случилось в десятый – человек превратился в капельку росы, в прозрачную чистую нежную капельку росы, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА ЧЕЛОВЕКОМ

СВЕЧА

когда зажглась-запылала свечка, сразу стало очевидно (очевидно до трепета, до помутнения, до полного беспмятства...): комната темным-темна. о, стало так ясно: всё, что не было порывом свечи – было мраком, и мрак – был повсюду!..

...когда зажглась-запылала свечка, – всяк рассеянный окрест потянулся к ней; сгрудились вокруг, – стучаясь плечами, – состукивая из плеч немислимый барьер..., барьер-чашу...

(...их жизнь вслаивалась в темноту, пропитывалась ею, разбухала, выбрасывая из себя ростки... – их. пока в комнате не расцвела свеча, им и невдомёк было, что темнота – т е м н о т а.

и первое, что увидели они, очашив собраньем своим свечу, был свет...

а потом...

...а потом они увидели лица друг друга...)

свеча горела не долго, – ровно столько, сколько было необходимо, чтобы возникла малёхонькая (меньше, чем её огонёк...) иллюзия Вечности.

так было...

но наступил срок – и свечка догорела, вслед – оскользнув по холмикам застывшего воска – канула иллюзия...

...и осталась в комнате одна только Вечность;

и не было у неё сроков,

не было границ и граней,

не было меры

СУЩЕСТВОВАЛИ-ПРЕБЫВАЛИ...

жили-были... (нет, не так...)

жили-поживали... (опять не так! ...не то, совсем-совсем не то...)

в некотором царстве, в некотором государстве... (однозначный вздор! чепуха какая-то...)

лучше написать так:

...существовали-пребывали под одной крышей два чужих человека. а это ужасно, ужасно! когда два чужих человека существуют-пребывают под одной крышей; не было под этой крышей радости, не было уюта и преисполненности. два чужих человека мучили друг друга..., и – мучились этим..., и мучили от этого друг друга ещё больше. ...

ужасно! ужасно! ...

как же быть?

...существовали-пребывали два чужих человека под одной крышей. вот такое испытание им было положено в сумерках предрожденья, такая необходимость. ...но не выдерживали они испытания этого, не осиливали. (как же быть?) ...им бы заново встретиться, и, прежде чем срастись – сродниться. ...

но для того, чтобы встретиться – надо расстаться прежде. ...сумеют ли? ...хотя: куда ж им деваться – нужно! нужно! всё должно быть исправлено, изменено к лучшему. претерплено до доньшка, растворено и вознесено до последней-наипоследней капли.! ну конечно они сумеют, – это благословенно!

2

...существовали-пребывали... ..

нет, лучше никак не писать, на чистом листе все происходит чище, совершеннее

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК и НОЧНОЙ ПРОХОЖИЙ

...и, соскользнув со стены, солнечный зайчик вспрыгнул на его плечо; вспрыгнул, оправил шёрстку, обтёр лапами длиннющие прозрачные усы...

– привет!

– привет..

зайчик удивился; он возмущённо колыхнул усами и перебрался на руки ночного прохожего.

– ты что, не рад мне? ...совсем не рад? ...ни капельки не рад?!?

– рад... очень-очень рад! очень...

солнечный зайчик с сомнением покрутил носиком, с сомнением и усмешкой обмахнул прохожего громадными пушистыми ушами, засомневался.

– твои «привет..» и «рад...» очень похожи на холодные угольки в ладошках засыпающего лесного сквозняка... что с тобой? ...ты опять мёрзнешь?

– опять... безумно зябко, милый!.. почти морозно...

– лето ж на дворе!.. – солнечный зайчик нахмурился и с негодованием посмотрел на ночного прохожего. – если так дальше пойдёт – ты превратишься в большущий и звонкий кусок льда, годный... для чего-то, может, и годный, но только не для посещения солнечными существами в ночное время! вот! ...зачем?

– ох...

– что – «ох»? ...зачем?

– ох, не знаю... не знаю, радость моя!..

ночной прохожий растерянно оглянулся вокруг; робко и виновато посмотрел на солнечного зайчика; робко и виновато коснулся кончиками пальцев его пушистой шёрстки.

– не знаю..., право же...

солнечный зайчик хмыкнул, солнечный зайчик соскочил с рук прохожего; напружинил-зацветил лапы; резко мотнул ушами в сторону горизонта.

– пошли!

– а... ..а – куда?

– узнавать! – зайчик задорно вздыбил усы; колыхнулся

радугой. – узнавать, куда же ещё!? ...вот ещё, – мёрзнуть...
выдумал! вот ещё...

...пошли!

И О Н И П О Ш Л И

ДЕВОЧКА и РАДУГА

должно быть это наваждение: девочка и радуга...

да нет, вот снова: девочка и радуга, девочка бежит по этому пёстрому дышащему полукружью и шлёпанье босых ног слышнее для меня, чем стук собственного сердца.

– эй!.. что это? кто ты? зачем бежишь? куда? ... ..

а она не отвечает, верно не слышит.. а она знай себе бежит, не отвечая и, кажется, хохоча... ну да, так и есть, – она смеётся! и в смехе этом ни капельки гордости или торжества, ни капельки вызова, а вот радости – через край! да такой родной, такой нужной...!.. ...

я снимаю ботинки, забираюсь на радугу и бегу вдогонку

К ВОПРОСУ О...

– ой, до чего удивительно! это же моё море! ...да-да, моё, мне его подарили ко дню рождения!..

серьёзные и умные люди неодобрительно покачивали головами, а иные – посмеивались, ну, сами посудите, нормально ли это: криком кричать посреди пляжа, да ещё подобные нелепости...?

...а тот, кто кричал, взял и прыгнул в море. и исчез, ...и море исчезло. и небо и солнце и горизонт – тоже исчезли. ...остались только серьёзные умные люди, причём остались они неизвестно где, потому что и пляж – исчез, да...

я часто вспоминаю об этой истории, купаясь в душистом солнечном море. ...в том самом море, которого кое для кого уже не было

О ПЕСОЧНЫХ ЧАСАХ И О ГЕРОИЗМЕ

образовалась дырочка в песочных часах, ма-а-ахонь-кая дырочка, ...а сколько песку через неё утекло! – весь утёк, до песчинки.

но вот сложность: чего теперь нет – песка или времени? дырочка-то одна, а утекло и то и другое... (не логично!)

...да нет, – вздоры! ...а впрочем...
размышляю. ...

ха! пока я размышлял, какая-то козявочка (через дырочку) забралась в песочные часы...

ха! хо-хо! вот и размышлять не о чем. она и будет временем. да! (хо-хо!)

(...что? вы спрашиваете, каким она будет временем? ...ну, тут уж каким ей захочется – таким и будет! а не нравится – полезайте сами.)

...буду, покамест, при часах, бутерброды буду подсовывать (в дырочку), чаёк-кофеёк, при случае – от сквозняка козявочку прикрою, а затоскует-закручинится – развеселю.

забота – она всякому нужна, ну а им – героям – и подавно! уж о ч е н ь х р у п к и й

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ МЕЧТАЛА ВЫЙТИ ЗАМУЖ

жила-была на свете пятилетняя девочка, которая очень мечтала выйти замуж.

мечтала она об этом и днём и ночью. мечтала она об этом и ночью и днём. ...о, да что там говорить! – мысли о замужестве не оставляли её, что бы ни происходило: они скакали вокруг; тормозили; смеялись; свисали и балаболнили отовсюду, подобно игривым радужным обезьянкам. они шептали. они неуловимо – ах!.. – невесомо касались

волос и оборок платья, обдавая лицо тёплой сыростью морского тумана, они... ..

но вот однажды... ..

...впрочем, теперь это уже пожилая усталая женщина, которая мечтает совсем о другом... ..совсем об одном и том же – о Л Ю Б В И

ВДВОЁМ

я приблизился-подошёл к окошечку и стал наблюдать:

...вот идёт снег... вот идёт человек...

вот идёт человек..., и ещё один человек... и ещё – снег.

а вот (вот-вот-вот!) идёт по карнизу ворона.

– ты что, идиот? – спросила меня ворона. – ну какого-прекакого ты эти наблюдения наблюдаешь!? думаешь, они тебе надо?... а?

– мне надо, надо, – начал уверять я ворону, – ух (а?) ох, как надо!

– ну-у-у... (ах, хитры́ её глаза! ах, хитры́!...)... хлебца бы... – облизнулась ворона, – творожку бы, семечек...

мы пообедали. мы обрели исключительное доверие друг к другу (без всякого там, запросто), мы вместе у окошечка расположились, наблюдаем.

столетья гукаются во все стороны, эпохи истачиваются... но у окошка – в окошко гляючи – я и ворона, вдвоём.

мы внимательны, и бег времени нас не заботит (мы его не замечаем).

и бег времени нас не заботит, – мы не обращаем на него внимания. и бег времени нас не заботит, – мы его игнорируем.

мы – наблюдаем, нам это надо зачем-то. попросту:

н е о б х о д и м о

К ВОПРОСУ «О ВСЕЛЕННОЙ...»

1

в центре ВСЕЛЕННОЙ (в самой-самой её серёдке) жил-был стеклянный шарик.

вокруг него была пустота. и внутри него была пустота, ...пусто было. да.

и вот, как-то раз, ни с того ни с сего, – завёлся в шарике светящийся жучок... и до чего же славно светился! до чего же ярко! (нет, не то чтобы лампочку какую держал или там факел, а так – сам по себе, из себя...)

...и стало внутри шарика светлым-светло.

...и стало вокруг шарика светлым-светло.

2

в центре ВСЕЛЕННОЙ (в самой-самой её серёдке) был-существовал Стеклянный Шарик со Светящимся Жучком внутри.

Жучок жил внутри Шарика. Шарик жил вокруг Жучка, ...а вокруг Шарика – во ВСЕЛЕННОЙ – творилась-роилась какая-то несуетная ерунда, суета какая-то...

: бесконечное множество существ (исполинских существ и существ микроскопических) сновало то туда, то сюда; то вообще – никуда не сновало, а примостившись в уголке – болботало о чём-то без умолку.

где-то смеялись (громко и весело)... где-то плакали (тихо и горько)...

...а Жучка в Шарике никто не замечал...

ярко-ярко светящегося Жучка, в неподвижном прозрачном Шарике, в самой серёдке ВСЕЛЕННОЙ, – никто-никто не замечал! вообще никто!..

да. никто, (ну чего замечать всякую ерунду, когда есть столько неотложных, насущных дел...?..) а одна дурында – с хохотом прогикиваясь мимо – на полном скаку задела Шарик локтем. ....

... ..и Шарик разбился, и рассыпался (на мелкие невидимые осколки). и куда-то исчез, погаснув, маленький Светящийся Жучок.

...никто ничего не заметил... некому было замечать:
всё исчезло...
всё растаяло...
всё испарилось... ..

З
да и было ли?

ДОЖДЬ И РЯБИНОВОЕ ДЕРЕВО

1)

– ...а я больше не хочу раздёргивать себя на нити! – Дождь был возмушён; Дождь нервно и широко размахивал из стороны в сторону большими блестящими руками; Дождь неумело и порывисто суетился, набредая-спотыкаясь на дома и ветер, путаясь в улицах, в осени, в проводах. – не желаю!.. да! не же.ла.ю.

– ну!.. ну надо же... – изумилось Рябиновое Дерево. – ну и ну...

(очень изумилось)

– да-да-да!: не же.ла.ю. – Дождь насупился, и, жалостно шлёпая губами, плюхнулся в рябиновые гроздья. – вот...

– дела-дела... бывает-бывает.. (ох...) ...и как же ты теперь?

– не знаю... – Дождь вздохнул. – так вот... как-нибудь...

– дела-дела... ну-ну... ..ну и ну...

Рябиновое Дерево покачивало головой, цокало языком. оно общёптывало, оглаживало, обвеивало листьями упругое дрожащее тело Дождя, и Дождь – расплёскивая к земле янтарный багрянец листвы – успокоился, утишился; выпрямился, как выпрямляются там, где безопасно и хорошо.

...

...прошло какое-то время... ..

...

...по дорогам сновали зайцы с развесёлыми пёстрыми флагами, летели, неторопливо и к близкой цели, птицы (красивые, любящие), исплёскивались, поднимаясь до облаков – тюльпанами, вереском, лунным светом – реки. всё-самое-тихое прижималось ко всему-самому-громкому, и из этого (и ещё из чего-то...) возникал единый, единственно верный, правдивый голос, обладавший способностью быть слышным каждому и повсюду.

2)

...и б ы л Д О Ж Д Ъ

ПОПРОШЕНИЕ...

...потерпите...

скоро, скоро задудят на разные голоса птицы... погаснут уличные фонари... колыхнутся строгие травы...

это случится скоро, ...и тогда вы сможете выйти на балкон, раскрыть зонтик и прыгнуть вверх... вверх... вверх... с к о р о...

...вот. вот вы и прыгнули, деликатно проигнорировав беспричинность земного притяжения, вот вы и оказались там, где давно мечтали оказаться: д а л е к о – д а л ё к о о т о д и н о ч е с т в а.

о! это – награда за ваше терпение; это – вы, вы...!

(потерпите... пожалуйста, потерпите...

совсем, совсем, совсем немного... чуть-чуть... капельку... ...а?

пожалуйста...)

ОБЕЩАНИЕ

собака ко мне подошла и спросила:
– долго ли мне ещё жить? скажи, пожалуйста, не утай...
– милая..., да откуда ж мне это знать, – удивился я. – не пророк ведь. не гадалка какая-нибудь!..
– ну, а кто же ты тогда? – строго спросила собака.
– я – поэт. понимаешь? не пророк, а поэт. это совершенно другое!
– ну тогда скажи, когда я буду счастливой...?..
и собака страшно завыла, и заметалась вокруг меня. и глаза её стали, как тоска и надежда слитые в один колодец... ..
– скоро... совсем скоро! очень, очень скоро, – успокоил я собаку. пообещал. ...
собака успокоилась (даже засмеялась!) и ушла.
а я остался.
пообещал ведь, – надо же что-то делать

(без названия)

Я ВАС ЛЮБЛЮ
я в а с л ю б л ю
я в а с л ю б л ю
(я очень хочу вас любить...
просто я ещё,
верно,
толком не знаю,
что это такое -
Л Ю Б О В Ъ)

...бестолковый я ещё...
но это пройдёт

СОЛДАТЫ

солдаты ходили по полям битв, по горам битв, по лесам битв, по морям битв, по пустыням, пустыням, пустыням битв, по городам битв... солдаты ходили стайками, стадами и в одиночку. ходили и убивали друг друга. везде.

солдаты ходили, – из битвы в битву, – каждый полагал, что именно его и не убьют (кого другого, а его – нет!..). но именно его и убивали. каждого.

случалось, конечно, что солдаты возвращались к местам изначального квартирования. поднимались по лестнице. нажимали на кнопку звонка. входили в жильё, и, поставив в угол густо испачканную саблю, садились кушать суп; ласкали детей; погружались в жён. так бывало.

...мёртвые. да.

но ничто не намекало им на убиенность, никто не говорил, не указывал. и не знали солдаты-мертвецы убиенности своей. просыпались, брали из угла саблю и уходили на битву.

ничто не намекало им на убиенность. (и они бились...) не указывало. (и они бились...!) не говорило. (и они бились!) ...даже суп, – а он мог порассказать-разъяснить очень многое, – молчал. молчал-молчал-молчал. а его и не спрашивали (его ели), его никто ни о чём не спрашивал

ЕНОТ и ЛЕС

уже давным-давно енот жил в этом Лесу. с тех самых незапамятных времён, когда не было Времени; не было ни рек ни гор ни морей; не было солнца и звёзд, войн и песен... ничего не было во ВСЕЛЕННОЙ, кроме этого Леса, а Лес – был всем...

дыхание каждого дерева, шелест каждой травинки, трепет каждой струйки в ручье были для енота такими родными!.. т а к и м и р о д н ы м и – р о д н ы м и, что не хватало слов, и не хватало сил, чтобы найти слова, в которых было бы всё: и Любовь и Благодарность и радостный

ликующий крик во весь голос и на весь мир! и тогда енот протягивал лапки к Лесу, обнимал Его, замирал вместе с Ним..., растворялся до самой последней шерстиночки в тёплом мерцании тишины...

но пришло время – и появилось Время, появились море и земля, реки и горы. появились солнце и звёзды, войны и песни, ...и всякой живности и на свете стало видимо-невидимо. и расселилась эта живность всюду: на земле... в воде... и – в Лесу, где жил енот.

повсеместно – в сумрачных чащобах, на солнечных полянах, на верхушках высоких деревьев и из-под стелющихся по земле трав – раздавались шуршанье и стрекотанье, что-то свистело и ухало, завывало, хихикало, хрюкало, чавкало, плескалось... а посреди всего этого гомона-мельтешенья – тихохонько бродил по Лесу енот.

он был приветлив со всеми, а все – были приветливы с ним, да и вообще: очень уважали, одна ушастая толстая белка (обсуждая енота со своей соседкой) сказала прямо и решительно: «не зверь, а просто загляденье! никого не обижает, ни с кем не ругается; дашь орех – спасибо скажет... был бы он ещё хозяйственный и без придури, – так хоть сейчас бы за него замуж пошла!!..»

енот (он дремал неподалёку, под кустом), услышав, что о нём сказала белка – улыбнулся и забрался глубже под куст. а забравшись глубже – загрустил...

он вообще теперь очень часто грустил. когда же натыкался на сломанную кем-то ветку, на вытоптанную кем-то траву, на пятна крови и клочки шерсти после чьего-то обеда, – тогда садился енот на землю, обхватывал мордочку лапами и тихонько плакал; его тёплые блестящие глазёнки становились неподвижными и огромными, как заледеневшие листья лопуха... он чувствовал, что в этом мире, где всего стало очень-очень много, – не стало чего-то самого важного, самого необходимого, ...но он никак не мог вспомнить: что ЭТО такое и как ЭТО вернуть.

и енот стал бегать по Лесу – звать всех – в Лесу живущих – на большую поляну! он хотел узнать, он хотел спросить

про ЭТО (самое важное, главное, необходимое!). ...ведь не может же быть, чтобы среди великого множества всяческой живности никто не знал про ЭТО!!! ...ну уж кто-нибудь да знает!!

...все-все, кто приходил, приползал, прилетал на поляну – громко поздравляли енота: с Днём Рождения, с Новым годом....ну да и вообще – с праздником. все-все решили, что если уж их пригласил этот немного ненормальный, но тихий и милый зверёк, то, верно, на какой-то свой праздник.

...и никто, никто-никто не слушал его. да и зачем? то, чего на самом деле хотел енот – вовсе никого не интересовало...

его хватали за лапы. хлопали по спине, расспрашивали о здоровье... а ещё – предлагали уйму всяких подарков: и роликовые коньки, и новую трубку с золотистым янтарным мундштуком, и большущий непромокаемый зонт с крупными синими горошинами по краям, и множество других полезных, ценных вещей! ... ..а енот, маленький добрый лохматый енот, всё больше и больше съёживался, пригибался, сжимался – уменьшаясь на глазах, пока не уменьшился до размеров мухи. а уменьшившись: радостно зажужжал, затрепыхал в воздухе крылышками и улетел, оставив всю честную компанию в недоумении по поводу происшедшего

ПОЕЗДА...

1

взгляда единым прыжком – вцепливаюсь в уходящие поезда, умоляя: возьмите, возьмите, возьмите меня с собой!..

нет, не берут... да оно и верно, – мне же совсем в другую сторону...

...а поезда уносятся... и, уносясь, оглядываются виновато, подрагивают могучими телами (ну – будто бы подми-

гивают утешающе)... уносятся – и исчезают вскоре в подальнейшей глубине, а я всё смотрю... смотрю... смотрю... ..

(замечаю: всё ближе к моим стоянкам, к упадновеньям моим бредущим, исконная первопричина перепетий, – штормоликих, оскаленных сиюминутной мольбой...; приближаясь – вжимается в плоть, неотрывно.

что я теперь?: сквозная дыра на перепутье миров? ...игрушечный мячик заблудший, превосходящий размерами все непреложные факты? суетный вымысел? непрочно-порочная ткань на замерзающей спине? ...; воспроизведение вне трафарета, но дрожащей рукой...)

ну, а поезда... ...я будто бы сопровождаю их; будто бы сопроникаем мы – вместе – в глубь те, что мерещатся им одним.

и им – непоседливость моя не в тягость.

2

простынностью пёстро-червонной осень моя больше не отягощает земли. нежная очевидность, не требующая пояснений и сопроводительных ярлыков, – она повсюду, не нужно даже наклоняться в собирательном экстазе, чтобы доверху набить ею карманы.

приходит (невесть откуда) притопленный – слышный чуть – вызвон колокольных; нисходит в приходе своём, осеребряет.

вот и себя различаю в прозрачи озёрной ветвяных колыханий: не ощупывая, не обглядывая, – различаю до чёрточки... и беру за руки... и подхожу к краю.

3

то, что увижу я сегодня, будет моим и вашим, но не попеременно, нет, а – одноохватно: моим-и-вашим. это обнадежит, приподнимет над. это мостик раскинет над стоязыкими струнами бытия и позволит пройти по нему. ...а пройдя по мостику – кто ж усомнится в себе отныне? кто закручинится? ...!?!

4

...и в эту ночь, как и в ночи прежние, тянут деревья вверх ветви (вздымают напряжённо), г о т о в я с ь
стряхнуть с себя человека. и кошки и псы и стре-
козы – лапы вверх тянут, норовя. и горбится вверх асфальт.
...

...как колкие соринки с одежд – с себя стряхиваю чело-
вековость и выхожу на балкон. и вытягиваюсь вверх, –
вверх истягивая из себя руки, пропятнённые дрожью; ла-
дони мои покачиваются раскидистым пальмовым много-
листьем: ...над улицей, над домами, над тишиной...

5

...и поезда – узнавая! – кидаются со всех ног в мои объя-
тия; оглядывают, обстукивают, тормозят. они распраши-
вают меня о моей жизни, моих мечтах... о! их лопотание
переполняет меня, насыщает мою протяжённость: ...со-
грели...согрели... приголубили... .

сажусь на землю, обнимаю руками колени, – глубоко
вдыхаю (вдыхаю! вдыхаю! вдыхаю...) воздух; с жадностью
вынырнувшего из пучин вдыхаю воздух. время праздника
настало, и вокруг всё – празднично, всё хороводится.

о!

несомненно: в хороводе этом найдётся и для меня мес-
течко

ЧТО Я УВИДЕЛ, КОГДА, ВЫПИВ ЧАЮ И СКУШАВ БУЛКУ С КУСКОМ СЫРА – ВЫГЛЯНУЛ НА УЛИЦУ

лежу я на гладком асфальте; лежу ровнёхонько и вытянулся весь, как доска. машины по мне проезжают, не чувствительные вовсе к моему лежанию; будто б нарисован я, и нет во мне никакой помехи колёсному передвиженью. ходят люди. цокают коготками птицы.

в иной раз – кто и взглянет, конечно, с любопытством, – да и дальше, по своим делам: птицы – за крошками, люди – за чем посущественнее, машины – так и вовсе: в какую-то дымную неизвестность. ...

но вот старушка подошла.

– это что же ты тут делаешь? ишь, развалился! – старушечий басок был, как гром, как удар литавр по моей больной голове. – ну!?

– лежу, – тихо ответил я.

– да вижу что не по деревьям скачешь, – сказала старушка. – чего лежишь-то, спрашиваю? шёл бы домой – и лежал там.

– у меня нет дома, – ещё тише ответил я. – меня выгнали.

– насовсем? – спросила старушка.

– насовсем, – сказал я.

– небось, буйствовал?

– небось...

– небось, денег в дом не приносил?

– небось...

– ну, то-то же! значит, поделом выгнали, – сказала старушка с умиротворённым торжеством.

– значит, поделом... – согласился я. – не спорю ведь...

– ну лежи, лежи...

и побрела от меня, не оглядываясь: по своей, старушечьей, дороге, к своему, старушечьему, приюту.

лежу.

подскочил воробей; одним глазом сначала посмотрел на меня, затем другим... и – слова не сказав – упорхнул.

остановилась машина.

– эй, приятель, чего лежишь?..

голосок у водителя был тонкий, а сам он, наоборот, был толстый, высунувшись же из машины – он сразу наступил громадными башмаками мне на лицо и сплюнул.

всё это меня несколько раздосадовало.

– лежу, – буркнул я.

– небось, из дома выгнали?

– небось...

– небось, буйствовал?

– бывало...

– и, поди, денег в дом не носил?

– не носил... не было у меня их никогда, чего носить-то?..

– значит, поделом тебя, дурака, выгнали!

– поделом, разве я спорю...

водитель захохотал, ботинки скрылись за хлопнувшей дверцей. сизым всё вокруг обвеялось, – умчалась машина.

лежу. затекло всё до безобразия... но – ничего, пока ещё терпимо. лишь бы не подходил больше никто, дали бы по-лежать спокойно

УГОЛЁК

Жаркое щёлканье из вишнёвого провала печи...

– это мои слова, – шепчет уголёк, – это моя любовь, – шепчет уголёк, – это моя песня...

я слушаю его, и меня переполняет гордость: ведь это маленькое чудо лежит на моей ладони!

– вам удобно? – спрашиваю я.

– ну конечно, конечно, удобно! он ещё спрашивает... – отвечает уголёк.

мы оба сжимаемся в один плотный комок посреди гро-

мадного заснеженного поля. нас уже не разлепишь... да и некому – здесь никого больше нет, кроме нас.

К ВОПРОСУ «О КОНЦЕ СВЕТА»

подпрыгнув, галка обнаружила, что под ней мокро...
«стыд-то какой,- подумала галка. – и что ж теперь птицы-то скажут... ой-йой-йой!..»

но птицы, как ни странно, никого не говорили.
но птицы распрыгивались по сторонам, обнаруживая под собой то мокрое пятно, то ассигнации, то весело оскалившийся гаечный ключ.

это не возмущало. не удивляло ничуть (не удивляло вообще!).

...наступал конец света

ПОВЕСТЬ О БЕЛОЙ ВОРОНЕ

1

жила-была (давным-давно, когда-то...) Белая Ворона.
это было очень давно. сейчас Белая Ворона уже не живёт.

не выжила.

так - то...

2

... а впрочем, –

недавно родилась ещё одна Белая Ворона.
совсем недавно. Ночью.

я сам это видел!:

ночь, дождь, тучи
(ни звезд, ни луны, – ничего...),
а светло-то как! –

ну просто до невозможности!!!

СОБАКА и КАСТРЮЛЯ

1

и подарили собаке на день рождения большую кастрюлю.

не было у собаки огня – не было! – чтобы развести под кастрюлей огонь. не было у собаки мяса, муки или круп – не было! – чтобы сварить в кастрюле похлёбку. ничего не было у собаки, кроме неё самой, дня рождения и большой кастрюли.

огляделась собака...: нет у неё ничего, только она сама, день рождения и кастрюля... удивительно! – совершенно пустые карманы и вздыбленная шерсть.

и не было дома...

2

...как-то раз приснился мне сон: чудесное море..., чудесный остров посреди чудесного моря..., а на острове – в кастрюле (чудесной!) – сидит собака. то – к стенкам кастрюли привалится, уши на края свесит, – смотрит вокруг... то – на дне: свернется калачиком, дремлет.

и небо безоблачно. и земля. и нет безобразий.

да. ...посмотрите: собаке чудесно! взгляды её – все сокровища недр, лежащие на лужайке!

теперь никому – никому! (даже самому глупому глупцу!) – не придет в голову сказать, что собака бездомна и одинока. у него просто не повернется язык.

ПУЗЫРЁК ПЕНЫ

он окончил молитву и встал.

он встал и распрямил спину, и разогнул плечи, и поднял голову, и огляделся вокруг...

он огляделся вокруг... и тут захлестнула его волна: избыточная волна, тёплая, неудержная..., из далёкой дали

пришедшая волна. захлестнула и понесла, и закрутила, и растворила в себе...

и пузырьёк пены морской, на горячем выступе скальном осевший, выдохнул из себя:

– го-о-осподи!..

и – выдохнув – расплеснулся в мир

БАНАЛЬНОСТЬ

...а он твердил: «как это прекрасно – любить! и как это ужасно – не быть любимым тем, кого любишь ты...».

«фу, как это банально, говорили ему. – как это не ново, и вообще: плоско, пошло, глупо!»

... а он ничего не слушал, ничего не слышал; бегал себе по планете, всплёскивая руками и лаская стволы деревьев (и павшую листву – тоже, и случайные осенние снежинки – тоже...). а он твердил: «как это прекрасно – л ю б и т ь ! ...и как это ужасно – не быть любимым тем, кого любишь ты...»

и все вразумлявшие его – постепенно смолкали, затихали, прислушивались... а прислушавшись – восхищались, ошеломлённо и эхово:

как же это ПРЕКРАСНО!

и, с прекрасным слившись в одно, –

УЖАСАЛИСЬ

ПОЮЩИЙ

человек поднялся на вершину скалы...

он совсем – вообще – не спешил. никуда. не нуждался в этом. спокойно стоял. не озирал окрестностей. не попирал камней-рассыпушек.

он.

подставил ветру ладошки. глаза закрыл.

пел. пел, минуя слова и звуки. пел... пел... пел...

...ну и ну!.. вот оно как бывает...

...ну и ну

ЗОНТИК

И споткнулся зонтик о светлое, идущее сверху.
И опрокинулся.
И стал похож на чашу, из которой растёт молодое деревце.

...и наполнилась чаша.

...и выросло деревце.

И вновь принял зонтик первоначальное положение...

... обратите внимание!:

он над чашей завис,

он завис над деревцем, –

закрывая собою,

собою,

собою

от никчемной беды

БЕСЕДА

и Эхо сказало:

– ...ну, предположим – нефть, плёнкой тончайшей излившаяся на поверхность вод: она не в силах проникнуть в них, пропитать собой, но всякая тварь живая (в водах тех обитающая), понуждённая за глотком воздуха всплыть на поверхность – плёнкой той обцепляется в мучающем за-

хватает и умерщвляется в муках. так же – тонко-цепкой плёнкой – глупость и насилие разлиты по всем слоям мироздания, – многобытийного, беззащитного, кровавого, несчастного... э-э, да что говорить! будто – неизвестное возвещаю. а ведь нет, нет – очевидное...

Эхо умолкло и выжидательно посмотрело на Кактус.

– о, как вы правы! как вы правы!.. – стеснительно, но вместе с тем и возбуждённо залопотал Кактус. – я давно это подозревал, вот только изъяснить не получалось, никак. ...спасибо вам!

– гм-м... – Эхо поёжилось, – да за что ж спасибо?.. спасибо – не за что. вам ведь и прежде всё было ясно, не так ли? ...ну, а облечь ясное в форму, в слова... слова – что слова...?.., они могут привнести в ясность только отзвук, но там, где НЕ-ясность – ясности не породят..., а иной раз и утяжелят её порождение, ...вот если бы я не определило, а – изменило! ...но как? как...

– молча, и поднатужась, – неожиданно брякнула Бескрайняя Пустыня, усупленно поглядывая на беседующих.

– что вы имеете в виду?!? – вскинулся Кактус, и – телом всем – покачнулся. – не откажитесь пояснить, пожалуйста! будьте добры! ...

– а что ж, и поясню, – Бескрайняя Пустыня подобралась и приняла позу для удобного говорения. – если долго не рассусоливать, так попросту – бегите! бегите от своего естества. ...вот только заметите его потуги – сразу и бегите... как можно быстрее, и, желательно, не останавливаясь.

– а дальше? – заинтересованно спросило Эхо.

– дальше? ...дальше: добившись бежанья необратимого, необратимого настолько, что погоня (будет и погоня) начнёт выдыхаться и уставать – определитесь с направлением. ваше подлинное естество, освободившись от естества повседневного, само подскажет – куда. ...вы только услышьте! только поверьте! а услышав и поверив – последуйте незамедлительно!..

Пустыня умолкла.

– да как же сделать-то это? – горемычно спросил Кактус. – от естества-то бежать... как убежишь?..

Пустыня молчала по-прежнему.

– а я вас спрашиваю: как!?!? – заорал Кактус и чуть не повалился от напряжения.

– не орите, – медленно сказала Пустыня, – глухих тут нету.

и опять замолчала.

– а я вас спрашиваю: как!?!? – шёпотом заорал Кактус.

– не шипите – змей распугаете...

а змеи и впрямь – шарахнулись во все стороны, дико оглядываясь на Кактус. ...нахмурилось небо. шарахнул гром.

– дошипелись, – вздохнула Пустыня, – ... как... как... я же сказала в самом начале: молча и поднатужась. вот и все.

Пустыня подобралась и приняла позу для удобного лежания. громыхнуло,... и в этот раз громыхнуло вовсе уж несусветно!

Эхо, позабыв обо всём, жадно (жадно-жадно!) потянулось к раскатам, впиваясь в них, уплетая за обе щеки, наедаясь до отвала.

исхлестнулся ливень. ...и жадно (позабыв обо всём!) взметнулся Кактус в ливневое изобилие, – переполняясь, обжираясь, трепеща...

...

«жадность – один из вернейших признаков естества...» – угрюмо размышляла старая глухая Гадюка, ей было мокро и неприятно, ...но, игнорируя ливень и прочие небесные явления, она с жадной терпеливостью (не дёргаясь, не отвлекаясь) торчала у мышинной норы

ЁЖ, ДОМ и УТРО

Вот, собственно, день и прошёл. Да... Да и стоит ли заниматься такой ерундой как понимание прошедшего дня? Кому и зачем это нужно?

Ёж протоптал на гладком бетоне тропинку и, спрятавшись за мусорным ведром, наблюдал; за собственными шагами наблюдал ёж, спрятавшись за мусорным ведром. А ещё: ёж дышал на ведро, потом протирал лапкой запотевшую цинковую стенку и смотрел на себя. ...Смотрел долго, а насмотревшись – тихонько улыбался и засыпал.

Ночь. Тихонько шелестят ветки яблонь. Пахнет землёй, клубникой и тишиной. Пахнет луной и ежами, небом и ветром.

В доме никто не спал. В доме никого не было. Дом отдыхал.

Утром – дом расправит крылья и улетит. Улетит не написав записки, не собрав на дорогу кошёлку яблок, не попрощавшись с ежом. Ах, ёж! Они так давно знают друг друга, что попрощаться – это всё равно что обидеть, всё равно что забыть...!

В доме никто не спал. Шелестят ветки яблонь. Пахнет утром.

Утро. Пора.

Вы г о т о в ы?

Серия «Тайные знания»

Шмаков Всеволод

**Проводник
по невыдуманному Зазеркалью
МАСТЕР ОЭМНИ**

Приближение к подлинной реальности

Зав. редакцией *Т. Минеджян*

Редактор *Е. Погосян*

Младший редактор *А. Погосян*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Корректор *И. Мокина*

Компьютерная верстка *Е. Джелиловой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр-д Ольминского, За

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, 27/32

ООО «Хранитель»
129085, Москва, пр-д Ольминского д. За, стр. 3

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7
печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов